

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1899.

№ 5.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Борьба съ французскими вольномыслими XVIII вѣка. Профессора богословія, <i>Прот. Т. Буткевича.</i>	301—327
Оцінка ученаго протестанта объ истинности — палі. Профессора <i>А. Вильяма</i>	328—336
Ученіе о богородичности Св. Девы въ средніе вѣка. <i>Д. Леонардова.</i>	337—348
Историческія свѣдѣнія объ иконохъ и иконохъ перси (продолженіе). <i>Д. Леонардова.</i>	349—364

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Иудейскія и Христіанскія идеи въ книгѣ <i>Оливка</i> (продолженіе). <i>А. Вильяма.</i>	119—124
О случайности законовъ природы (продолженіе). * * *	125—164

III. ЛИСТОВЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшая отповѣдь. — Опредѣленіе Св. Синода. — Отъ Высочайше утвержденного Комитета по сооруженію православнаго соборнаго храма въ Харьковѣ. — Отчеты о дѣтскихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году. — Отчеты о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частяхъ за 1897/98 учебный годъ (продолженіе). — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и сообщенія. — Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1899.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространныя переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ обязательными примѣчаніями, для которыхъ нужныя, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и похвалъ лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, пересказы текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА въ уплату денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при обычной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковой, Петровскія линія, контора В. Глазковского, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врангана. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождественскаго. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри насъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Данство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторовское сочиненіе о. Владимира Гегге. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Марта 1899 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солтисъ.*

Борьба съ французскимъ вольномысліемъ XVIII вѣка.

Во Франціи невѣріе XVIII вѣка выразилось не въ той строгой формѣ деизма, какую оно имѣло въ Англіи. Здѣсь деизмъ потерялъ свой опредѣленный характеръ и перешелъ отчасти въ пантеизмъ, а главнымъ образомъ въ натурализмъ и материализмъ. Но всѣ эти формы философскаго міровоззрѣнія не имѣли иного значенія, кромѣ распространенія атеизма въ самомъ грубомъ и чудовищномъ его видѣ. Неуказаніе мнимыхъ недостатковъ въ ученіи христіанства, не борьба съ нимъ, а совершенное уничтоженіе христіанства съ замѣною его безбожіемъ въ собственномъ смыслѣ,—вотъ та цѣль, къ которой съ безумною ревностію и ослѣпленнымъ фанатизмомъ стремились французскіе энциклопедисты XVIII вѣка. И слѣды ихъ дѣятельности и враждебности къ христіанству въ особенности обнаружили въ время французской революціи, когда отвѣченное атеистическое ученіе перешло въ воинственное безвѣріе со всѣми сопровождавшими его ужасами и звѣрствами, свойственными только дикарямъ и некультурнымъ народамъ,—когда церкви были осквернены и разграблены, нѣкоторыя обращены въ арсеналы, другія—въ склады для муки, третьи—въ театры, рестораны и т. п., когда иконы и статуи святыхъ, изломанныя въ куски, были брошены въ кучи муссора и были вывезены изъ города вмѣстѣ съ нечистотами...

Причины такой враждебности къ христіанству и невѣрія во Франціи были общими съ причинами деизма и невѣрія въ Англіи: прискорбное наслѣдство невѣрія и враждебности къ католической церкви, доставшееся отъ эпохи возрожденія наукъ

и искусствъ (Монтень, Шарронъ, Франсуа де Лямотъ ле-Вайе и др.), злоупотребленія папства и отпаденіе католической церкви отъ союза съ восточною, реформація и распространеніе протестанства, скептическое (картезіанское), матеріалистическое, пантеистическое, натуралистическое и сенсуалистическое направленія философской мысли и т. п. Впрочемъ, враждебность къ христіанству во Франціи была особенно усилена еще однимъ обстоятельствомъ, съ которымъ не приходилось считаться англійскимъ деистамъ. Мы говоримъ о дѣйствіяхъ и ученіи іезуитовъ. Орденъ іезуитовъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ единственно въ интересахъ папства, ради поднятія его власти и авторитета, униженныхъ реформаціею и протестантствомъ. Но заботясь всѣми дозволенными и недозволенными средствами о поднятіи папства, іезуиты больше всего унизили истинно-христіанское ученіе и этимъ именно они вызвали крайнюю враждебность къ христіанской религіи во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Мы не будемъ говорить о томъ, что они старались оправдывать самыя явныя и возмутительныя злоупотребленія папства въ католической церкви, объявляя ихъ вытекающими непосредственно изъ ученія Іисуса Христа; но вѣдь дѣло дошло до того, что, ради оправданія безнравственныхъ дѣйствій римскихъ папъ, они стали учить и о Самомъ Богѣ, какъ о существѣ, не руководящемся въ своихъ дѣйствіяхъ никакими опредѣленными нравственными началами. Богъ іезуитовъ XVIII вѣка есть въ собственномъ смыслѣ существо безнравственное. По ученію іезуитовъ, Богъ даже можетъ *мать*, потому что для него нѣтъ никакого обязательнаго нравственнаго закона, онъ выше всякаго закона; онъ можетъ быть несправедливымъ, невѣрнымъ и злымъ, если только того пожелаетъ, такъ какъ только одна его воля устанавливаетъ и справедливость, и истину, и добро: онъ можетъ даже захотѣть (и въ этомъ ему никто не можетъ воспрепятствовать), чтобы несправедливость была справедливостію, а справедливость—грѣхомъ, —добродѣтель— порокомъ, а порокъ—средствомъ ко спасенію. Но можно ли было преклоняться предъ такимъ Богомъ? Можно ли было признать истиннымъ ученіе о немъ? И неудивительно, что почти всѣ противники христіанства во Франціи въ XVIII вѣкѣ были именно питомцы іезуитовъ.

Этихъ противниковъ христіанства принято обыкновенно называть французскими энциклопедистами. Но кто такіе были эти энциклопедисты?—Французскими энциклопедистами въ XVIII вѣкѣ называли собственно издателей и сотрудниковъ большого энциклопедическаго труда, обнимавшаго всю совокупность наукъ и носившаго названіе: „Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers, par une société de gens de lettres, Paris, 1751—1772“, въ 28 томахъ, затѣмъ въ 1776 и 1777 г.г. было издано еще пять томовъ „Supplément“ и въ 1780 г.—два тома „Table analytique et raisonnée des matières“. Но впоследствии въ болѣе общемъ смыслѣ стали называть энциклопедистами и всѣхъ тѣхъ вольнодумцевъ, которые раздѣляли взгляды, высказанные въ этомъ изданіи. Вообще же къ числу французскихъ вольнодумцевъ, извѣстныхъ и подъ именемъ энциклопедистовъ, принадлежатъ: *Дидро, Д'Аламберъ, Буланже, Фрере, Руссо, Мармонтель, Кондорсе, Вольтеръ, Галлеръ, Гриммъ, Гольбахъ, Тьеро, Жюкуръ, Гельвецій, Де-ля-Меттри, Кабанисъ* и др.

Болѣе опредѣленное представленіе о характерѣ французскаго невѣрія въ XVIII вѣкѣ мы получимъ тогда, когда нѣсколько ближе познакомимся съ возрѣніями указанныхъ вольнодумцевъ.

Дени Дидро (1713—1784), воспитанникъ іезуитской коллегіи, выдающійся между французскими энциклопедистами, основатель пресловутой „Энциклопедіи“, математикъ, романистъ, авторъ многихъ комедій и статей философско-эстетическаго содержанія, всю свою жизнь не переставалъ быть противникомъ христіанской вѣры и церкви (католической). Впрочемъ, сначала онъ писалъ въ духѣ теизма, повидимому, вѣровалъ въ Божественное Откровеніе; но затѣмъ, оставивъ теизмъ, онъ постепенно перешелъ къ пантеизму, отождествляющему Божество съ міромъ, усматривающему его въ законахъ природы, въ истинѣ, красотѣ и добрѣ. Такъ, онъ является человѣкомъ вѣрующимъ въ Божественное Откровеніе еще въ своемъ сочиненіи „Principes de la philosophie morale ou essai sur le mérite et la vertu, изданномъ въ 1745 году. Но уже въ слѣдующемъ году онъ издаетъ въ свѣтъ свои „Pensées philosophiques, à la Haue“, которыя и доставили ему популярность главнымъ обра-

зомъ отсутствіемъ вѣры въ Богооткровенную религію христіанства. Что же касается его позднѣйшихъ сочиненій,—какъ, напр., „Pensées sur l'interprétation de la nature“, „Promenade d'un sceptique“ и др.,—то въ нихъ онъ является уже положительнымъ врагомъ христіанства и популяризаторомъ пантеистическаго взгляда на жизнь, какъ на „безпрерывное броженіе“, „постоянный и безостановочный обмѣнъ субстанціи“, „вѣчный круговоротъ“ и т. д. Усвоивъ пантеистическое міровоззрѣніе, Дидро отрицаетъ и личное безсмертіе, какъ отрицаетъ и смерть, увѣряя своихъ читателей, что родиться, жить и умирать—это значитъ только мѣнять формы своего существованія.

Жанъ Д'Алямберъ (1717—1783), поверхностный философъ, но глубокоученный математикъ, извѣстенъ какъ сотрудникъ Дидро по составленію и изданію „Энциклопедіи“, редактированіе которой онъ, впрочемъ, оставилъ съ 1757 г. Какъ философъ онъ хотѣлъ быть скептикомъ, сомнѣвающимся даже въ томъ, что внѣ насъ существуетъ нѣчто, соотвѣтствующее нашимъ представленіямъ. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ христіанства, которое, впрочемъ, отождествлялъ лишь съ ученіемъ іезуитовъ.

Вольтеръ (1694—1778) можетъ быть названъ самымъ выдающимся и самымъ выразительнымъ представителемъ легкомыслія и невѣрія, господствовавшихъ во Франціи въ теченіи всего XVIII столѣтія. Не только его сочиненія, но и самая его личность представляютъ глубокой психологической интересъ. Богато одаренный природными способностями, живой и энергичный, любознательный и остроумный, онъ, къ сожалѣнію, уже въ дѣтствѣ попадаетъ подъ губительное вліяніе одного католическаго аббата, своего крестнаго отца, человѣка безвравственнаго, развратнаго и совершенно невѣрующаго, жившаго въ открытой связи съ женщиною легкаго поведенія,—что особенно вредно могло повліять на мальчика, если принять во вниманіе, что его воспитатель былъ аббатъ католическаго монастыря, давшій обѣтъ всегдашняго цѣломудрія и занимавшій среди католическаго духовенства выдающееся положеніе. Затѣмъ Вольтеръ поступаетъ для полученія воспитанія въ іезуитскую коллегію Людовика Великаго, видитъ тамъ всю безнравственность и грязь іезуитовъ, возмущается ихъ ложью и интриганствомъ, и выходитъ изъ

воспитавшей его школы съ самою непримиримою враждебностію и ненавистію къ католической церкви, которую онъ отождествляетъ съ христіанствомъ вообще. Честолюбивый выше всякой мѣры, руководившійся въ своемъ поведеніи и дѣятельности лишь чувственностію и эгоизмомъ, крайне корыстный и тщеславный, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, Вольтеръ задается цѣлію пробраться въ кругъ высшаго парижскаго общества и быть популярнымъ въ немъ. Но мелкія и грязныя чувственныя страсти часто ставятъ ему непреодолимыя преграды на пути къ достиженію этой мелочной цѣли, и приводятъ его въ раздраженіе. Пожертвовавъ своими убѣжденіями, Вольтеръ становится камеръ-юнкеромъ французскаго двора; но вскорѣ же послѣ этого онъ долженъ былъ бѣжать въ Англію и укрываться отъ преслѣдованій. Коронованный вольнодумецъ, Фридрихъ II прусскій, приближаетъ Вольтера къ себѣ, даетъ ему, за восхваленіе своихъ философскихъ и поэтическихъ дарованій, камергерскій ключъ, высокій орденскій знакъ, 20,000 лиръ ежегоднаго содержанія, прекрасную квартиру, столъ, экипажъ; но Вольтеру этого мало; властолюбіе заставляетъ его домогаться вліянія на ходъ европейской политики,—и Фридрихъ охладѣваетъ къ нему. Грязный процессъ съ жидомъ Абрамомъ Гиршелемъ, въ который вовлекло Вольтера его гнусное и ненасытное корыстолюбіе, вынудилъ Фридриха прогнать Вольтера отъ себя и отнять у него камергерскій ключъ и орденъ. Поразительно у Вольтера и его легкомысленное безнравственное увлеченіе женскимъ поломъ, находившееся часто въ зависимости отъ того, какая изъ женщинъ можетъ предоставить ему лучший комфортъ. Онъ не стѣснялся лгать и клеветать на другихъ для того только, чтобы достигнуть своей цѣли или оправдать себя (такъ онъ оклеветалъ, напримѣръ, несчастнаго Фрейтага, резидента короля Фридриха II). Неудивительно, если, при такой нравственной беспочвенности, Вольтеръ такъ-же легкомысленно мѣнялъ свои убѣжденія, какъ и свои привязанности къ женщинамъ легкаго поведенія. Отказавшись отъ вѣрованія въ богооткровенную истину христіанства и ставъ въ явно враждебныя отношенія къ католической церкви, Вольтеръ нѣкоторое время не хотѣлъ раздѣлять, пови-

димому, ни какого міровоззрѣнія, жилъ изо дня въ день, не зная сегодня, что онъ скажетъ по данному вопросу завтра. Но убѣжавъ въ Англію отъ преслѣдованія французскаго правительства, онъ увлекается сначала эмпирическою философіею Локка, а потомъ астрономическою теоріею Ньютона, желалъ свести ее къ общему натуралистическому міровоззрѣнію. Вмѣстѣ съ Локкомъ онъ утверждаетъ, что матерія можетъ мыслить. О своемъ отношеніи къ міровоззрѣнію Локка Вольтеръ самъ говоритъ открыто: „Послѣ такихъ несчастныхъ скитаній, усталый, измученный, стыдясь, что искалъ столько истинъ и нашелъ столько химеръ, я воротился къ Локку, какъ блудный сынъ, который возвращается къ своему отцу; я отдался въ руки человѣка скромнаго, который ни когда не притворяется, что знаетъ то, чего не знаетъ, который не обладаетъ, правда, несмѣтными богатствами, но средства котораго хорошо извѣстны и который наслаждается самымъ прочнымъ благомъ безъ всякаго хвастовства“. Впрочемъ, воззрѣнія Локка и Ньютона не удовлетворили Вольтера. Онъ знакомится съ Руссо и вступаетъ съ нимъ въ самыя дружественныя сношенія; но стоило Руссо въ письмѣ къ Д'Алямберу признать театральныя представленія того времени вредными въ педагогическомъ отношеніи, Вольтеръ сталъ его врагомъ навсегда. Знакомство и дружба съ англійскимъ деистомъ Болингброкомъ даютъ поводъ Вольтеру изучить воззрѣнія деизма; онъ увлекается сочиненіями Коллинза, Вольстона и въ особенности—личнаго своего друга—Болингброка. Такимъ образомъ Вольтеръ становится деистомъ. Это сближаетъ его съ французскими матеріалистами, и онъ является однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ по составленію и изданію знаменитой въ своемъ родѣ энциклопедіи. Д'Алямберъ былъ однимъ изъ его ближайшихъ друзей.

Самъ Вольтеръ не хотѣлъ того, чтобы его считали атеистомъ. И дѣйствительно, будучи богохульникомъ, онъ не былъ совершеннымъ безбожникомъ. Онъ не вѣровалъ въ Бога своимъ грязнымъ, безнравственнымъ, наполненнымъ похотливыми страстями сердцемъ; но разумъ его ясно говорилъ ему о необходимости признать бытіе Божіе. И Вольтеръ указываетъ три довода разума или три доказательства, убѣждающія его въ бы-

тіи Божіемъ. Первое, приводимое имъ доказательство, можетъ быть названо доказательствомъ пользы отъ вѣрованія въ бытіе Божіе, потому что только вѣра въ Бога, награждающаго за добродѣтель и наказывающаго за преступленія и пороки, по мнѣнію Вольтера, можетъ быть единственною твердою и необходимою опорою нравственнаго порядка какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. Это доказательство Вольтеру казалось настолько убѣдительнымъ, что онъ видѣлъ себя вынужденнымъ высказать извѣстное положеніе: „si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer“ (если бы Бога не было, то его нужно было бы выдумать). Кроме того Вольтеръ признаетъ полное научное значеніе за доказательствомъ бытія Божія—такъ называемымъ космологическимъ и въ особенности—физико-теологическимъ. Но что такое, по Вольтеру, Богъ?—Это—наивысшая сила,—но сила не безграничная. По мнѣнію Вольтера, Богъ есть творецъ міра, Мздовоздатель: въ рукахъ Его находятся судьбы міра. Но міръ Богъ могъ создать не иначе, какъ только иъ создалъ его въ дѣйствительности, т. е., при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ и существуетъ въ настоящее время. Неразрѣшимою загадкою для Вольтера служилъ только фактъ существованія зла въ мірѣ, чего онъ никакъ не могъ примирить съ благостію, мудростію и всемогуществомъ Бога, какъ Творца міра. Въ рѣшеніи этого вопроса Вольтеръ рѣшается скорѣе ограничить всемогущество Бога, чѣмъ благодать Его. Хотя душа для матеріалистическаго представленія Вольтера есть не болѣе, какъ дѣятельность мозга, тѣмъ не менѣе онъ не только не отрицаетъ возможности продолженія существованія ея послѣ смерти человѣка, но въ практическихъ дѣляхъ онъ даже находитъ необходимымъ само по себѣ въ высшей степени однакоже невѣроятное для него предположеніе личнаго безсмертія. Само собою понятно, что книгъ Св. Писанія какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта Вольтеръ не признавалъ дѣломъ Божественнаго Откровенія. Моисея онъ объявилъ личностью мифическою, Пятокнижіе—сборникомъ арабскихъ сказокъ. Отрицая божественное происхожденіе христіанской религіи, Вольтеръ былъ невысокаго мнѣнія и объ ея Основателѣ. Іисусъ Христосъ былъ для него только галилейскимъ Сокра-

томъ, по простотѣ и ясности духа стоявшимъ ниже Конфуція, но во всякомъ случаѣ талантливымъ, дѣльнымъ, симпатичнымъ, безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи, проповѣдывавшимъ не глубокомысленную, но чистую мораль, не чуждымъ сознательнаго обмана въ отношеніи къ тѣмъ мнимымъ чудесамъ, о которыхъ рассказываютъ евангелисты, но всетаки сравнительно съ другими довольно честнымъ мечтателемъ. По мнѣнію Вольтера, Христосъ меньше всего думалъ о томъ, чтобы учредить новую религію. Происхожденіе церкви Вольтеръ признаетъ лишь дѣломъ намѣреннаго обмана со стороны духовенства; а христіанская догматика, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ неумѣлое соединеніе метафизическаго ученія Платона съ іудейскою религіею. Неудивительно, что, имѣя такое невыгодное мнѣніе о христіанской церкви, ея догматическомъ ученіи и духовенствѣ, Вольтеръ поставилъ задачею всей своей жизни именно полемику противъ господствующей церковной вѣры и критику христіанской догматики. Христіанское духовенство и христіанскую церковь, подъ которою безразлично разумѣтся какъ католичество, такъ и протестантство, Вольтеръ считалъ самымъ вреднымъ и губительнымъ учрежденіемъ для государственной, общественной и частной жизни, потому что они поддерживаютъ и распространяютъ всякаго рода суевѣрія, воспаляютъ фанатизмъ и производятъ вражду между народами. „Религія, говоритъ Вольтеръ, состоитъ въ добродѣтели, а не въ бессмысленной болтовнѣ богословія. Мораль идетъ отъ Бога и повсюду одна и та же; богословіе идетъ отъ людей и повсюду иное и повсюду смѣшно. Поклоненіе Богу, наказывающему и награждающему, соединяетъ всѣхъ людей; нечестивое и заслуживающее презрѣнія богословіе раздѣляетъ ихъ“. Поэтому Вольтеръ думаетъ, что если бы народныя правители понимали свою собственную выгоду, то они не связывались бы ни съ философами, ни съ церковію. Послѣ этого повятно, почему Вольтеръ такъ беспощадно нападаетъ и на христіанскую церковь, и на христіанское духовенство. Онъ самымъ настойчивымъ образомъ требуетъ отъ каждаго правительства совершеннаго уничтоженія всѣхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ духовенству; онъ указываетъ на вредъ,

причиняемый государству монастырями, и требуетъ если не совершеннаго уничтоженія ихъ, то, по крайней мѣрѣ, отнятія у нихъ имущества и ограниченія данныхъ имъ привилегій. Онъ возстаетъ противъ установленія постовъ, противъ запрещенія работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и т. п. Для церкви у него вѣтъ другого названія, кромѣ „l'infâme“. Впрочемъ, если вѣрить біографамъ Вольтера, въ дѣйствительной, практической жизни онъ не былъ такимъ непримиримымъ врагомъ церкви и духовенства, какимъ онъ является въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, извѣстно, что со многими изъ духовныхъ лицъ онъ находился даже въ дружественныхъ сношеніяхъ, а капуцинамъ города Жекса (во Франціи) дѣлалъ такъ много добра, что ихъ генераль называлъ даже его временнымъ отцомъ ихъ. Онъ выполнялъ, между прочимъ, и церковные обряды. Въ 1778 году, когда онъ былъ уже безнадежно боленъ, онъ пригласилъ къ себѣ аббата Faultier, объявилъ себя принадлежащимъ къ католической церкви и принялъ отъ него причастіе, боясь, чтобы на томъ свѣтѣ его „не отправили на живодерню“. — Какъ ни легкомысленны воззрѣнія Вольтера, но, благодаря ихъ художественному, часто исполненному глубокаго юмора изложенію, они пользовались необычайною популярностію и имѣли даже практическое значеніе—при томъ не только во Франціи, но и въ всей Европѣ,—и даже у насъ, въ Россіи. Вольтеръ велъ обширную переписку, находился въ постоянномъ сношеніи даже съ коронованными особами; къ нему, какъ къ пророку вѣка, со всѣхъ сторонъ свѣта обращались за совѣтами и наставленіями не только по дѣламъ частнымъ, но и государственнымъ. По справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ соотечественныхъ богослововъ, Вольтеръ однако-же „былъ силенъ не самыми идеями, которыхъ было очень немного, а способомъ нападенія на религію и на христіанство, ѣдкою и эффектною ироніею, которую онъ пускалъ на теологію и ея священныя идеи и предметы, и которая не убѣждала, а только возбуждала или—лучше—разрушала теологическія подпорки“; не ищите у него „тонкаго анализа, кропотливаго изслѣдованія; остроумная фраза, циническая сентенція, ядовитая своею изыщностью и легкостью, недальновидное и неглубокое, но ловко

сформированное возраженіе дѣлали больше вреда, нежели серьезная полемика“. Обладая громаднымъ состояніемъ, приобретеннымъ далеко не безупречнымъ путемъ, поклонникъ высшаго общества и врагъ демократіи, раздѣлявшій всѣхъ людей на *honnêtes gens* и *canaille*, презиравшій чернь и осуждавшій ее на вѣчную глупость и рабство, Вольтеръ однако распространеніемъ своихъ возрѣвій подготовилъ ту ужасную революцію, которая была произведена во Франціи въ концѣ 18-го столѣтія.

Жанъ Жакъ Руссо (1712—1778) послѣ Вольтера самый вліятельный французскій писатель 18-го вѣка; его судьба во многомъ сходна съ судьбою Вольтера. Потерявъ мать въ первый день своего рожденія, оставленный отцомъ, бѣднымъ женеvскимъ часовымъ мастеромъ, на 10-мъ году своей жизни, онъ сначала попадаетъ подъ неблагопріятное вліяніе одного духовнаго лица, жившаго въ соблазнительной связи съ богатою женщиною, которую Руссо долженъ былъ называть „таман“; затѣмъ онъ поступаетъ въ тюринскій монастырь; но скоро оставляетъ его, чтобы попасть въ лакеи одной знатной дамы. Обокравъ эту даму и сваливъ вину на неповинную горничную, онъ переходитъ въ услуженіе къ одному графу, который, впрочемъ, скоро прогоняетъ его. Тогда „таман“ снова беретъ его подъ свою опеку и помѣщаетъ въ семинарію для приготовленія къ священническому служенію. Здѣсь онъ однако же съ любовію занимался только изученіемъ музыки. Бросивъ семинарію, онъ долгое время таскался по бѣлому свѣту, доставая себѣ пропитаніе то уроками музыки, то письмоводствомъ у разныхъ лицъ, пока, наконецъ, „таман“ не взяла его къ себѣ и не вступила съ нимъ въ преступную связь, находясь въ то же время въ такой же соблазнительной связи съ своимъ лакеемъ. Это сдѣлала она, по словамъ Руссо, для того, чтобы предохранить его отъ связей съ развратными женщинами. Въ это время Руссо съ особеннымъ увлеченіемъ занимался изученіемъ литературныхъ произведеній, математики, философскихъ и богословскихъ наукъ. Кромѣ того онъ пробовалъ писать комедіи и оперы. Таковы были моральныя условія жизни Руссо, пока онъ при посредствѣ одной аристократки (г-жи Ерінау) не познакомился съ Гриммомъ и не сталъ изучать сочиненія

энциклопедистовъ, находясь въ оживленной перепискѣ съ Вольтеромъ и другими французскими вольнодумцами. Съ этого времени Руссо становится открытымъ врагомъ христіанства и, усвоивъ себѣ деистическое міровоззрѣніе, увлекается популяризациею ихъ и сотрудничествомъ въ изданіи энциклопедіи. Впрочемъ, въ 1757 году онъ оставилъ это сотрудничество, разсорившись съ Вольтеромъ и его единомышленниками. Въ 1759 году онъ написалъ тенденціозный романъ „Nouvelle Heloise“, который привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе затронутыми въ немъ социальными вопросами; каковы, напр.,—значеніе брака, воспитаніе дѣтей, смыслъ любви, приводящей къ самоубійству, вредъ цивилизаціи и указаніе на необходимость оставить культурныя формы и возвратиться къ жизни первобытной, близкой къ природѣ. Популяризація деистическаго міровоззрѣнія здѣсь занимаетъ въ особенности видное мѣсто. Въ 1762 году Руссо сразу издаетъ въ свѣтъ два сочиненія: „Contrat social“ и „Emile“. Первое, которое не безъ основанія называли французы „евангеліемъ революціи“, содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе социальныхъ идей, господствовавшихъ тогда въ Англіи. Въ немъ настойчиво требуется совершенное уничтоженіе не католичества только, а христіанства вообще. Но Руссо еще не могъ представить себѣ государства безъ всякой религіи и потому онъ, упрекая въ легкомысліи современныхъ матеріалистовъ и атеистовъ, рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ объявить государственною религіею тотъ самый деизмъ, который проповѣдывали англійскіе мыслители 17-го и 18-го вѣка и о которомъ онъ съ особеннымъ сочувствіемъ говорилъ въ своемъ тенденціозномъ романѣ—„Nouvelle Heloise“. Онъ проповѣдывалъ не религію догмата, а религію сердца, или, какъ онъ самъ говоритъ, религію естественную, основанную на идеяхъ Бога, добродѣтели и безсмертія. Эти же самыя мысли въ отношеніи къ религіи Руссо высказываетъ и въ своемъ педагогическомъ романѣ „Emile“, который Гётэ назвалъ „естественнымъ евангеліемъ воспитанія“, но который въ 1762 г. былъ сожженъ въ Парижѣ рукою палача какъ самая безбожная книга. Здѣсь Руссо отвергаетъ склонность человѣка къ грѣху и преступленіямъ, называя зло только слѣд-

ствіемъ неправильнаго воспитанія. Религіозному воспитанію онъ не приписываетъ никакого существенно-важнаго значенія и хотѣлъ бы, чтобы дѣти до 12-тилѣтняго возраста не знали о томъ, что существуетъ Богъ, находитъ неразумнымъ обученіе дѣтей молитвамъ, осуждаетъ родителей за религіозныя бесѣды съ дѣтьми и т. д. Вообще и здѣсь Руссо является непримиримымъ врагомъ христіанской церкви, которую онъ знаетъ, впрочемъ, только въ формѣ іезуитскаго католичества.

Жульенъ де Ламетри (1709—1751), ученикъ аббата Кордье, медикъ, отвергавшій медицину и писавшій сатиры на своего наставника и всѣхъ вообще врачей, неоставившій никакихъ слѣдовъ въ своей наукѣ, извѣстенъ только какъ крайній представитель атеизма и матеріализма. Въ своихъ сочиненіяхъ: „*Histoire naturelle de l'âme*“ (1745 г.), „*l'Homme machine*“ (1748 г.) и „*l'Homme plante*“ (1748 г.) онъ является самымъ непримиримымъ врагомъ христіанства и проповѣдникомъ совершеннаго безбожія. По его мнѣнію, самымъ счастливымъ можетъ быть только атеистическое государство. Онъ отвергаетъ безсмертіе души и загробную жизнь; чувственное наслажденіе объявляетъ высшею цѣлію человѣческаго существованія; не признаетъ существеннаго различія между добромъ и зломъ.

Поль Гольбахъ (1723—1789) извѣстенъ какъ самый отъявленный атеистъ, бывшій также сотрудникомъ по изданію Энциклопедіи. Будучи непримиримымъ врагомъ христіанской религіи, онъ всячески содѣйствовалъ распространенію атеизма среди современнаго общества. Въ своемъ домѣ онъ устраивалъ собранія для представителей тогдашняго атеистическаго направленія и даже издавалъ на свой счетъ многія сочиненія, написанныя атеистами и матеріалистами. Самъ онъ написалъ: „*Le christianisme développé. Histoire critique de Jésus Christ*“ (1770 г.). Кроме того, имъ написано или, по крайней мѣрѣ, на его средства издано подъ именемъ Мирабо пресловутое сочиненіе— „*Systeme de la nature ou des lois du monde physic et moral*“ (1770 г.) Гольбахъ открыто проповѣдывалъ безбожіе, признавая произведеніемъ фантазіи всѣ представленія о Богѣ, добрыхъ и злыхъ духахъ, безсмертіи человѣческой души и загробной жизни. Онъ не только не раздѣлялъ мнѣнія Вольтера о поль-

вѣ вѣрованія въ бытіе Божіе, напротивъ онъ считалъ его даже вреднымъ какъ для общественной, такъ и для частной жизни, и совѣтывалъ избѣгать его, такъ какъ представленіе о Богѣ ничего не объясняетъ, никого не утѣшаетъ, а только пугаетъ. Вотъ, напр., какую тирадою оканчиваетъ онъ свою „*Système de la nature*“: „Расторгните цѣпи, сковывающія смертныхъ. Удалите этихъ боговъ въ область фантазіи, откуда они были вызваны страхомъ. Внушите смѣлость разумному существу; придайте ему энергіи; пусть оно дерзнетъ, наконецъ, уважать себя, сознавать свое достоинство; пусть рѣшится оно освободиться и быть счастливымъ и свободнымъ“. Наконецъ, Гольбахъ отрицалъ свободу воли, не приписывалъ реального значенія злу и считалъ истинною нравственностію лишь ту, которая основывается на себялюбіи, интересѣ, благожелательствѣ. По своему общему міровоззрѣнію, Гольбахъ былъ крайній матеріалистъ.

Гельвецій (1715—1771) также извѣстенъ какъ атеистъ, ярый противникъ христіанства, а по общему міровоззрѣнію—матеріалистъ. Отрицая бытіе Божіе, онъ училъ, что міромъ управляетъ слѣпой случай; самолюбіе есть единственно-истинный принципъ всѣхъ дѣйствій человѣка. Тѣмъ не менѣе общественное благо онъ ставилъ выше частнаго и для достиженія его считалъ всѣ средства дозволенными. Подавленіе страстей и христіанскую проповѣдь о воздержаніи онъ обозвалъ просто „глупостями“, потому что только страсть можетъ оживлять духъ, поддерживать энергію и содѣйствовать къ достиженію благотворныхъ результатовъ.

Кондорсе (1743—1793), математикъ, ревностный проповѣдникъ революціи и другъ жерондистовъ,—былъ человѣкъ совершенно невѣрующій, богохульникъ и непримиримый врагъ христіанской религіи,—по своему общему міровоззрѣнію, онъ былъ послѣдователемъ философскаго ученія Кондильяка. Его сочиненія изданы въ 12-ти томахъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какое крайнее невѣріе и безбожіе были распространяемы съ ожесточеніемъ и непонятною ревностію французскими энциклопедистами въ XVIII столѣтіи и какъ трудна была борьба съ ними для христіанскихъ апологетовъ. Къ счастью, Франція могла выставить длинный рядъ энергичныхъ, даровитыхъ, ученыхъ и убѣжденныхъ защитниковъ христіанскаго вѣроученія и правоученія.

Изъ французскихъ апологетовъ христіанства прошлаго и настоящаго столѣтія съ полнымъ правомъ заслуживаютъ упоминанія такія почтенныя лица, какъ *Боссюэтъ, Фенелонъ, Пуаретъ, Турнеминъ, аббатъ Жанесъ, Луи Расинъ, Берни, Бернаръ, Битобе, Гуттевилъ, Тюрретенъ, Бонне, Бержъе, Шатобріанъ, Клемансъ, Соренъ, Трюбле, Верне, Лемуанъ, Рустанъ, Голланъ, Балтусъ, Бастидъ, Бюффъе, Иоганъ де Колоніа, Дюге, Дютертръ, Генардъ, Дюгамель, Франсуа, Гейе, Жюкля, Дефори, Кажо, Геренъ дю Роше, Ришардъ, Ноннотъ, Люфъ, Лярше, Тома, Помпиньянъ, Бюлле, Цара-дю-Шанья, Флексъе-де-Реваль, Ренъе, Ламуретъ, Буазенъ, Де-ля-Люцернъ, Делямаръ, Жаккело, Пикте, Дюарттръ, Лесфевръ, Деляплясе, Фрейсину, Маркъ Карти, Равиньянъ, Вентюра, Лякордеръ, Феликсъ, Вермилло, Зенакъ, Сабатье, Зигеръ, Реймондъ, Жомъ, Женудъ, Россели де Лоркъ, Дюпанлу, Барранъ, Поверъ, Ля Шаданедъ, Ляфоре, Мартине, Лоней, Дешамъ и мн. др., а изъ новѣйшихъ: Гизо, Пресансе, Огюстъ Никола, Э. Навиль, Поль Жане, Дидонъ и др. Изъ всѣхъ названныхъ христіанскихъ апологетовъ мы однакоже остановимъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ.*

Прежде всего необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ эту эпоху весьма важное вліяніе на развитіе Основнаго или Апологетическаго Богословія имѣлъ французскій философъ *Рене Декартъ* или *Ренатусъ Картезіусъ* (1596—1650), какъ его тогда обыкновенно называли. Будучи великимъ математикомъ, астрономомъ и физикомъ, онъ въ то же время былъ и великимъ мыслителемъ. Онъ положилъ начало новой философіи, самостоятельной и независимой, отдѣливъ ее отъ богословія. Онъ указалъ ей ея собственный методъ и тотъ начальный пунктъ, отъ котораго долженъ исходить каждый истинный философскій мыслитель. По мнѣнію Декарта, только сомнѣніе въ истинѣ заставляеть человѣка искать истину и приобрѣтать твердое убѣжденіе. И вотъ онъ выставилъ какъ основное положеніе своей самостоятельной и новой философіи слѣдующій тезисъ: *de omnibus est dubitandum*—сомнѣваться слѣдуетъ во всемъ! Такое положеніе крайне смутило тогдашнихъ ортодоксальныхъ католическихъ богослововъ. „Если вужно сомнѣваться во всемъ,—говорили они,—то, слѣдова-

тельно, нужно сомнѣваться и въ бытіи Божіемъ"? Неудивительно послѣ этого, что Декартъ былъ объявленъ атеистомъ, безбожникомъ, врагомъ Божественнаго Откровенія и христіанской церкви. Но на самомъ дѣлѣ Декартъ безбожникомъ ни когда не былъ. Напротивъ онъ указалъ даже самымъ апологетамъ христіанства тѣ чисто раціональныя начала, на которыхъ можетъ складываться разумное убѣжденіе въ бытіи Божіемъ и въ истинахъ Божественнаго Откровенія. И дѣйствительно всѣ указанные нами французскіе апологеты въ своей борьбѣ съ невѣріемъ опирались на выводы, сдѣланные изъ философіи Декарта и его ученика Мальбранша, по которому именно въ Богѣ заключалась и самая достовѣрность нашего раціональнаго познанія.

Боссюэтъ (1627—1704), знаменитый французскій проповѣдникъ, историкъ и богословъ, называемый французскими католиками послѣднимъ отцомъ церкви, жилъ въ 17-мъ вѣкѣ и, конечно, не могъ вести непосредственно борьбы съ французскими энциклопедистами 18-го столѣтія. Но онъ основатель цѣлую школу христіанскихъ апологетовъ. На его долю выпало вести борьбу съ тѣмъ невѣріемъ, которое въ видѣ прискорбнаго наслѣдства было передано его современникамъ еще отъ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, затѣмъ—съ идеями англійскаго деизма, которыя съ конца 17-го вѣка уже были распространены и во Франціи, а главнымъ образомъ—съ тѣми раціоналистическими началами, которыя были раскрыты реформаціею и протестантствомъ. То, что было выработано Боссюэтомъ противъ невѣрія, вытекавшаго изъ этихъ началъ, апологеты прошлаго вѣка легко примѣняли и въ борьбѣ съ энциклопедистами. Сочиненія Боссюэта изданы въ 46 томахъ. Правда, они не отличаются особенною глубиною богословской мысли и основательностію научнаго изслѣдованія; но Боссюэтъ представилъ въ нихъ наглядное доказательство того, что христіанскія истины могутъ быть достояніемъ народныхъ массъ лишь тогда, когда будутъ излагаемы языкомъ живымъ, изящнымъ и увлекательнымъ.

Фенелонъ (1651—1715), современникъ Боссюэта первоначально другъ его, но впослѣдствіи нашедшій въ немъ своего

врага и преслѣдователя за свое гуманное отношеніе къ ино-мыслящимъ, также не могъ вести непосредственно борьбы съ французскими энциклопедистами; но онъ указалъ начала для построенія цѣлой системы христіанской апологетики. Онъ показалъ примѣръ послѣдующимъ защитникамъ христіанства, что христіанскія истины могутъ быть доказываемы не только на основаніи Божественнаго Откровенія и историческихъ свидѣтельствъ, но и на основаніи положеній здравой философіи. Въ этомъ отношеніи для насъ представляетъ особенный интересъ его сочиненіе о бытіи и свойствахъ Божіихъ. (*Traité de l'existence, et des attributs de Dieu*), изданное въ его цѣломъ видѣ только три года спустя послѣ смерти Фенелона. Въ первой части этого сочиненія, которая была опубликована безъ вѣдома Фенелона еще при его жизни, приводится доказательство бытія Божія, вытекающее изъ разсмотрѣнія міроваго устройства и чудесъ видимаго творенія, и опровергается ученіе древнихъ эпикурейцевъ о случайномъ происхожденіи міра. Вторая часть начинается изслѣдованіемъ въ духѣ Декарта объ основаніяхъ философской несомнѣнности, данной въ самодостовѣрности мыслящаго субъекта, и затѣмъ уже приводятся доказательства бытія Божія такъ называемыя—метафизическія, вытекающія изъ прирожденныхъ человѣческому разуму идей. За этими доказательствами слѣдуетъ уже философское раскрытіе свойствъ Божіихъ, на основаніи представленія о самомъ существѣ Божіемъ,—единства, простоты, вѣчности и неизмѣняемости Божества. Между метафизическими доказательствами бытія на первомъ мѣстѣ Фенелонъ ставитъ то, которое вытекаетъ изъ несовершенства человѣческой природы. Основная мысль этого доказательства состоитъ въ слѣдующемъ: такъ какъ человѣкъ не есть существо бесконечно совершенное, то онъ, очевидно, существуетъ не чрезъ самаго себя, а чрезъ другое Существо, которое уже не нуждается для своего бытія ни въ какомъ предшествующемъ Существомъ и, заключая въ себѣ всѣ совершенства, не зависитъ внѣ себя ни отъ какого начала. Другія метафизическія доказательства Фенелонъ выводитъ изъ понятія о бесконечномъ, изъ идеи необходимаго существа и, наконецъ, изъ самой природы идей нашего духа, въ которыхъ намъ от-

крываетъ себя самъ Богъ. Фенелонъ привлекъ на себя даже осужденіе папы за свой споръ съ Боссюэтомъ; но, благодаря своему свѣтлому уму и обширнымъ познаніямъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на современное общество и принесъ большую пользу своею борьбою съ невѣріемъ.

Пуаретъ (1646—1715), извѣстный французскій мистикъ, перевелъ на французскій языкъ сочиненія Тома Кемпійскаго и нѣкоторыя сочиненія нѣмецкихъ богослововъ,—и этимъ подготовилъ почву для дальнѣйшаго развитія христіанской апологетики въ борьбѣ съ французскими невѣрами. Въ своихъ оригинальныхъ сочиненіяхъ мистическаго направленія (*La paix des bonnes âmes*, 1687; *L'économie divine*, 1687; *La théologie du coeur*, 1690; *La théologie réelle*, 1700 и *Principes de la relig. appliquées à l'éducation*, 1705) онъ проводилъ главнымъ образомъ ту мысль, что религія есть потребность человѣческаго сердца, имѣетъ свой корень въ существѣ самаго духа человѣческаго и что этой потребности можетъ вполне удовлетворить только религія христіанская. Кромѣ того онъ опровергаетъ философскую систему Спинозы и ведетъ борьбу съ опирающимся на нее невѣріемъ.

Рене Жозефъ Турнеминъ (1661—1739), ученый иезуитъ, извѣстенъ многими своими изслѣдованіями по библейской хронологіи и этнологіи; но для насъ въ данномъ случаѣ интересны его сочиненія, написанныя противъ возраженій невѣрія и въ защиту христіанскихъ истинъ: „*De la liberté de penser sur la religion*“ и „*Reflexions sur l'athéisme attribué à quelques peuples par les premiers Missionnaires, qui leur ont annoncé l'Évangile*“ 1717. Последнее было издано въ видѣ предисловія къ сочиненію Фенелона „О бытіи и свойствахъ Божіихъ“ и было направлено преимущественно противъ атеистическихъ воззрѣній Беля и Спинозы. Въ немъ Турнеминъ прежде всего доказываетъ ту мысль, что отрицаніе бытія Бога, какъ Творца міра, противно логическимъ законамъ нашего мышленія и въ частности—закону причинности и достаточнаго основанія. Затѣмъ онъ переходитъ въ частности къ разбору основаній, приводимыхъ Белемъ въ пользу атеизма, и прежде всего опровергаетъ то положеніе его, будто бы существуютъ

или могутъ существовать дѣйствительные атеисты, т. е., люди, искренно убѣжденные въ небытіи Бога. Доводы, приводимые Белемъ въ доказательство этого положенія, по утвержденію Турнемина, вовсе не заключаютъ въ себѣ того, что онъ въ нихъ хочетъ видѣть, и притомъ не оправдываются исторіею. Если бы дѣйствительно и были такіе дикари, которые не имѣли бы никакого представленія о Богѣ, то этимъ доказывалось бы лишь то, что человѣкъ можетъ дойти до нравственнаго паденія, при которомъ забываетъ даже основную истину, коренящуюся въ его внутреннемъ существѣ и столь свойственную его уму и сердцу. Далѣе Бель указываетъ на секту китайскихъ философовъ, убѣжденно будто бы исповѣдающихъ атеизмъ. Но, по замѣчанію Турнемина, это указаніе невѣрно, потому что китайскіе философы, о которыхъ идетъ рѣчь, вѣруютъ въ высочайшее существо, только они составили себѣ невѣрное представленіе о немъ, считая его чѣмъ-то въ родѣ мірового духа, органомъ котораго является видимое звѣздное небо. Вѣруютъ они также въ сотвореніе міра и промышленіе, и потому, очевидно, слишкомъ далеки отъ теоретическаго атеизма. Бель увѣряетъ, что если бы дозволено было свободно исповѣдывать атеизмъ, то очень многіе люди далеко не зауряднаго образованія сразу и открыто объявили бы атеизмъ своимъ искреннѣйшимъ убѣжденіемъ. Но Турнеминъ по этому поводу говоритъ, что этому утвержденію Беля не слѣдуетъ вѣрить; изъ весьма многихъ лицъ, возвратившихся отъ явнаго безбожія къ вѣрѣ никто не подтвердилъ, чтобы онъ хотя на одинъ мигъ былъ убѣжденъ въ небытіи Бога. Послѣ этого Турнеминъ переходитъ къ разбору атеистическихъ системъ Эпикура и Спинозы и показываетъ ихъ несостоятельность.

Доказательства христіанскихъ истинъ на основаніи началъ картезіанской философіи многіе французскіе апологеты этого времени, въ виду борьбы съ атеистическимъ направленіемъ, господствовавшимъ во Франціи, нерѣдко излагали даже стихами и проводили въ сознаніе общества при помощи поэтическихъ произведеній. Къ такимъ стихотворцамъ—апологетамъ принадлежатъ, напр., слѣдующія лица: *аббатъ Genest, кардиналъ Пониньякъ, Людовикъ Расинъ и кардиналъ Берни.*

Аббатъ Genest написалъ стихами' сочиненіе „Principes de philosophie, ou preuves naturelles de l'existence de Dieu et de l'immortatité de l'âme, en vers. Paris, 1716“, въ которомъ онъ излагаетъ принципы Декартовой философіи, и въ частности—доказательства бытія Божія и безсмертія души. И нужно сказать, что это стихотворное произведеніе пользовалось большою популярностію среди французскаго общества.

Кардиналь—архіепископъ *Полиньякъ* (1661—1741), выдающійся дипломатъ' въ правленіе Людовика XIV, написалъ на латинскомъ языкѣ повѣсть „Анти-Лукрецій“ въ двѣнадцать пѣсняхъ, въ которыхъ подвергается критическому разбору эпикурейская мораль, космофизика и ученіе объ атомахъ, а также доказывается духовность человѣческой природы, отсутствіе души въ собственномъ смыслѣ у животныхъ и, наконецъ, идетъ рѣчь о чудныхъ механизмахъ тѣлъ животныхъ и людей, точно такъ-же какъ и растений, о размноженіи породъ, о величественномъ зрѣлищѣ міроваго цѣлаго и его чуднаго устройства, о минералахъ, ископаемыхъ и произведеніяхъ природы, сокрытыхъ на днѣ моря. Поставивъ цѣлю своей поэмы опроверженіе атеизма вообще, Полиньякъ поэтому ведетъ борьбу не только съ атомизмомъ эпикурейцевъ, но и со всѣми философскими ученіями, которыя могутъ давать хотя нѣкоторое основаніе для атеизма и противорѣчатъ философскимъ положеніямъ Декарта.

Луи Расинъ (1692—1763), сынъ знаменитаго французскаго трагика, также обладавшій довольно значительнымъ поэтическимъ дарованіемъ, написалъ поэму „La Religion“. Первая пѣснь этой поэмы для насъ имѣетъ особый интересъ, такъ какъ она носитъ чисто апологетическій характеръ, излагая основную истину всякой религіи—доказательство бытія Божія. Это доказательство Расинъ выводитъ: а) изъ мудраго и дивнаго устройства міра, б) изъ идеи Божества, врожденной всѣмъ людямъ и выражающейя въ мысли о безконечномъ и, наконецъ, в) изъ врожденнаго нравственнаго чувства, свидѣтельствующаго о неизмѣнномъ законѣ вѣчной правды и справедливости. Врожденностію идеи о Богѣ Расинъ объясняетъ и всеобщность религіозной вѣры среди человѣчества, о чемъ язычество свидѣлствуетъ даже и своими заблужденіями. Ате-

измъ представляется Расину ужаснымъ извращеніемъ ума и сердца, предъ которымъ создрагается все внутреннее существо здравогомыслящаго человѣка; отпадая отъ Бога, человѣчество погрѣшало въ своемъ представленіи о Богѣ; но и въ мрачномъ язычествѣ отрицаніе Бога признавалось заслуживающимъ всеобщаго презрѣнія.

Берни (1715—1794), сначала аббатъ, затѣмъ французскій посланникъ въ Венеціи, потомъ министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XV, наконецъ кардиналь-архіепископъ и французскій посланникъ въ Римѣ, также написалъ въ стихахъ поэмю—„Religion vengée“, состоящую изъ десяти пѣсенъ, имѣющихъ апологетическое значеніе. Въ первой пѣсни указываются причины безбожія и религіозныхъ заблужденій: гордость и невоздержаніе; въ слѣдующихъ семи (2—8) изображается искаженіе истинной религіи въ идолопоклонствѣ, атеизмѣ, эпикурейскомъ матеріализмѣ, философскомъ ученіи Спинозы, деизмѣ, пирронизмѣ и ересяхъ; въ девятой пѣсни рѣчь идетъ о томъ, какъ губительно отсутствіе религіозности для умовъ и сердець, а въ десятой воспѣвается торжество религіи. Особенно прекрасно изображается въ этой поэмѣ, обнимающей своимъ содержаніемъ всѣ міровыя событія въ религіозной области, имѣющія важное историческое значеніе,—паденіе древнеязыческой римской имперіи и появленіе магометанства.

Жаккело принадлежитъ къ числу выдающихся французскихъ апологетовъ, защищавшихъ истину христіанства отъ нападокъ тогдашнихъ атеистовъ и матеріалистовъ. Въ частности онъ ведетъ борьбу съ атеистическимъ ученіемъ Беля и обстоятельно излагаетъ какъ доказательства бытія Божія, такъ и доказательства духовности и безсмертія души. Ему принадлежатъ два трактата апологетическаго содержанія: 1) *Sur la conformité de la foi avec la raison*. Amsterdam. 1705 и 2) *Système abrégé de l'âme et de la liberté*.

Жакъ Соренз (1677—1730), знаменитѣйшій проповѣдникъ своего времени, обладавшій блестящими дарованіями, остроуміемъ, рѣдкимъ краснорѣчіемъ, отзывчивый къ потребностямъ своего времени, въ теченіи 26 лѣтъ (1704—1730) произносилъ въ Гаагѣ свои знаменитыя проповѣди предъ многочис-

сленными и избранными слушателями, на которыхъ онъ производилъ всегда весьма сильное и могущественное впечатлѣніе. Его любимую темою было съ одной стороны разоблаченіе современнаго невѣрія и безбожія, а съ другой—апологетическое раскрытіе христіанскихъ истинъ. Проповѣди Сорена изданы въ двѣнадцать томахъ. Содержаніе ихъ самое разнообразное. Въ нихъ въ самомъ живомъ и увлекательномъ изложеніи разъяснены всѣ важнѣйшія христіанскія истины и опровергнуты всѣ тогдашнія возраженія противъ нихъ, такъ что изъ проповѣдей Сорена легко было бы составить вполне систематическую апологетику христіанства, которая могла бы удовлетворить всѣмъ разумнымъ требованіямъ того времени.

Иоаннъ Альфонсъ Тюрретенъ (1671—1737), воспитанный въ идеяхъ Декарта, лично знакомый съ Ньютономъ и въ некоторыми изъ англійскихъ деистовъ, а также и ихъ противниками, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Боскуотомъ и другими французскими апологетами христіанства, долгое время былъ ректоромъ парижской академіи и профессоромъ систематическаго богословія. Защищая христіанскую религію, онъ велъ упорную борьбу съ современнымъ невѣріемъ и преимущественно съ міровоззрѣніемъ Гельвеція. Изъ многочисленныхъ его сочиненій для исторіи христіанской апологетики представляютъ особенный интересъ два слѣдующія: 1) *Cogitationes et dissertationes theologicae, quibus principia religionis, cum naturalis tum revelatae, adstruuntur et defenduntur* (въ двухъ томахъ) и 2) *Dissertationes de veritate religionis judaeicae et christianae*. Въ первомъ раскрываются и защищаются общія истины какъ естественной, такъ и откровенной религіи, во второмъ доказывается истина и божественное происхожденіе ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго откровенія. Последнее сочиненіе Тюрретена въ 1747 году, въ виду распространеннаго невѣрія французскими матеріалистами, *Верне* перевелъ на французскій языкъ, значительно переработалъ его и издалъ въ семи томахъ подъ заглавіемъ: *Traité de la vérité de la religion chrétienne*.

Дюне (1649—1733) принадлежитъ къ популярнѣйшимъ апологетамъ христіанства, защищавшимъ христіанскую религію

отъ нападковъ невѣрія конца 17-го и первой четверти 18-го вѣка. По своимъ приемамъ и методу онъ еще близокъ къ Гуэцию и его сочиненію—*demonstratio evangelica*. Не смотря однако-же на свою ревность въ борьбѣ съ невѣріемъ и христіанскими врагами, Дюге подвергся многимъ преслѣдованіямъ со стороны Рима за то, что не захотѣлъ подписать папской буллы *Unigenitus*.

Флексъ де Реваль—анонимъ, подъ которымъ писалъ *Franz Xaver Feller*,—весьма плодовитый католическій писатель и энергичный противникъ Вольтера (1735—1802). Онъ принадлежалъ къ ордену іезуитовъ; обладалъ блестящими природными дарованіями, серьезною научною подготовкою и отличался необычайнымъ трудолюбіемъ. Онъ издалъ 60 томовъ *Dictionaire historique* и *Journal historique et litteraire* 1774—1794. Но для насъ интересны его полемико-апологетическія сочиненія: 1) *Examen critique de l' Histoire naturelle de M. de Buffon*. 1773; 2) *Catechisme philosophique ou recueil d' observations propres à defendre la religion chrétienne contre ses ennemis*. 1777; 3) *Entretiens de Yoltaire et de M. P. Docteur de Sorbonne, sur la necessité de la religion chrétienne et catholique par rapport ou salut*. 1771; 4) *Lettre sur le Dîner du comte de Boulainvilliers* (такъ озаглавлено сочиненіе Вольтера) и 5) *Examen impartial des époques de la nature de M. le comte de Buffon*. 1780. Въ этихъ сочиненіяхъ подвергаются критикѣ противухристіанскія воззрѣнія французскихъ вольнодумцевъ, выдающимся представителемъ которыхъ былъ Вольтеръ, и доказывается какъ истинность, такъ и необходимость христіанской религіи.

Луи Бастидъ, извѣстный французскій проповѣдникъ и христіанскій апологетъ, кромѣ множества рѣчей и проповѣдей, въ которыхъ онъ обличалъ невѣріе своего времени и нравственную распущенность, написалъ и издалъ въ свѣтъ апологетическое сочиненіе „*De l'accomplissement des prophéties*. Paris. 1706“. Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ истинность ветхозавѣтныхъ пророчествъ, которыя со всею точностію исполнились въ дѣйствительности; а отсюда онъ заимствуетъ доказательство истинности христіанской религіи противъ возраженій невѣрія своего времени.

Гутевиль написалъ въ четырехъ томахъ интересный апологетическій трудъ: *La religion chrétienne prouvée par les faits*. Paris. 1722⁶. Цѣль этого труда состоитъ въ томъ, чтобы доказать божественное происхожденіе христіанской религіи и защитить важнѣйшія христіанскія истины отъ нападковъ со стороны невѣрія, порожденнаго деизмомъ. Гутевиль въ своихъ общихъ воззрѣніяхъ находился подъ вліяніемъ картезіанской философіи и въ особенности подъ вліяніемъ Николая Мальбранша, стремившагося объединить религію съ философіею, христіанство съ метафизикою. Но на воззрѣніяхъ Гутевиля сказалось вліяніе и другого великаго философа—Лейбница. И Гутевиль часто стремится соединить эти два философскія міровоззрѣнія, въ пониманіи важнѣйшихъ христіанскихъ истинъ. Это особенно замѣтно въ разсужденіяхъ Гутевиля о чудесахъ. По его заключенію, чудеса и пророчества суть самыя несомнѣнныя доказательства божественнаго происхожденія христіанской религіи. Но какъ возможны чудеса? И не суть ли они дѣйствія произвольныя въ отношеніи къ постоянно и неизмѣнно дѣйствующимъ законамъ? Какъ извѣстно, по Мальбраншу, всѣ идеи сотворенныхъ вещей отъ вѣчности находятся въ Богѣ и всѣ вещи суть только видоизмѣненія Бога. Въ мірѣ тѣла все происходитъ только отъ Бога и сами по себѣ тѣла даже не могутъ дѣйствовать другъ на друга; но все происходящее въ мірѣ чрезъ Бога совершается произвольно, а подчинено Богомъ общимъ и высшимъ законамъ—*lois générales*. По этому взгляду или нужно относить чудеса къ другимъ, неизвѣстнымъ намъ *lois générales*, или же слѣдуетъ смотрѣть на нихъ какъ на исключенія изъ общихъ законовъ, предусмотренныя отъ вѣчности и вошедшія въ міровой планъ вмѣстѣ съ *lois générales*. Лейбницъ не допускаетъ послѣдняго предположенія и смотритъ на всѣ сверхъестественныя дѣйствія вообще какъ на явленія высшаго порядка, сверхъестественнаго по отношенію къ обыкновенному порядку жизни окружающей насъ природы. Гутевиль въ своемъ объясненіи чудесъ соединяетъ оба эти взгляда. Вмѣстѣ съ Мальбраншемъ онъ признаетъ, что идеи всего совершающагося въ мірѣ отъ вѣчности находятся въ Богѣ и что существуетъ два ряда общихъ законовъ разви-

тія міровой жизни, изъ которыхъ одни намъ извѣстны, другіе вѣтъ, вслѣдствіе чего явленія, совершающіяся по послѣднимъ законамъ, намъ кажутся какъ бы исключеніемъ изъ дѣйствія законовъ перваго ряда, намъ извѣстныхъ. Вмѣстѣ съ Лейбницемъ онъ допускаетъ въ міровомъ развитіи раздѣленіе явленій на два разряда: явленія высшаго и низшаго порядка, при чемъ явленія перваго порядка по сравненію съ явленіями втораго порядка являються дѣйствіями сверхъестественными, такъ какъ естественными явленіями мы привыкли считать только явленія низшаго порядка, какъ чаще совершающіяся предъ нашими глазами. Чудотворецъ, просвѣщенный божественнымъ разумомъ, знаетъ, что въ данный моментъ должно совершиться чудесное событіе; предусмотрѣнное отъ вѣчности, и творитъ то, что въ силу господства неизмѣнныхъ, хотя и невѣдомыхъ намъ, lois générales, и въ силу соотвѣтствующаго этимъ lois установленія мірового теченія должно совершиться съ необходимостію. Методъ изслѣдованія у Гуттевиля однакоже—по преимуществу историческій.

Делямаръ написалъ довольно интересный апологетическій трактатъ: „La foi justifiée de tous reproches de contradiction avec la raison, et incredulité convaincu d'être en contradiction avec la raison dans ses raisonnements contre la revelation. Paris. 1762“. Въ этомъ сочиненіи онъ ведетъ борьбу съ атеистическимъ ученіемъ Бея, но постоянно имѣетъ въ виду всѣ обычные возраженія англійскихъ деистовъ и французскихъ энциклопедистовъ, направленные противъ христіанства. Самъ Делямаръ придерживается выводовъ, къ которымъ пришелъ Лейбницъ, философію котораго онъ считаетъ вполне достаточною для оправданія истинъ Божественнаго Откровенія. Заключение, которое дѣлаетъ Делямаръ, состоитъ въ томъ, что Божественное Откровеніе не противорѣчитъ выводамъ здраваго разума, а призваніе истины христіанства можетъ имѣть для себя достаточное основаніе даже въ его моральной очевидности. Съ особенною обстоятельностью Делямаръ доказываетъ возможность и необходимость чудесъ и пророчествъ, которыя никогда, до конца міра, не могутъ потерять въ христіанствѣ своего значенія какъ сверхъестественныя удостовѣренія его истины.

Бальтусъ извѣстенъ какъ апологетъ христіанства и обличитель невѣрія, господствовавшаго въ западной Европѣ въ теченіи 18-го вѣка. Онъ написалъ апологетическое сочиненіе— „La religion chrétienne, prouvée par l'accomplissement des Prophéties de l'Ancien et du Nouveau Testament, suivant la methode des SS. Pères. Paris. 1728“,—въ которомъ онъ, подобно Бастиду, въ исполненіи ветхозавѣтныхъ пророчествъ въ жизни и дѣятельности Господа, нашего Іисуса Христа находитъ несомнѣнное доказательство истины христіанской религіи, чрезъ что онъ расходится со взглядами Гроціуса и Ринарда Симона, господствовавшими тогда въ богословскомъ мірѣ.

Бернаръ въ своемъ сочиненіи— „Traité de l'excellence de la religion chrétienne, 1732“—также доказываетъ съ основательностію истину христіанства въ виду распростраеннаго невѣрія и обращаетъ вниманіе своихъ читателей на превосходство христіанской религіи не только предъ ветхозавѣтною и языческими религіями, но и предъ всѣми философскими ученіями.

Бюффье принадлежитъ къ выдающимся французскимъ апологетамъ христіанства. Въ 1732 году онъ издалъ въ свѣтъ свое сочиненіе— „Exposition des preuves les plus sensibles de la véritable religion“. Въ этомъ сочиненіи прежде всего доказывается бытіе Божіе; эта истина для Бюффье представляется несомнѣнною вслѣдствіе всеобщаго вѣрованія людей въ существованіе Бога, вслѣдствіе неразумія и бессмысленности атеизма и, наконецъ, по несостоятельности философскихъ ученій, отрицающихъ бытіе личнаго Бога, и въ частности по несостоятельности господствовавшей въ то время философіи Спинозы. Отъ этой истины Бюффье переходитъ къ разъясненію христіанскаго ученія о Божественномъ Откровеніи. По его заключенію, нѣтъ ничего разумнѣе какъ вѣрованіе въ то, что сказано Богомъ. Ибо если Богъ есть существо всемогущее, премудрое, личное, всевѣдущее и всеблагое, то Онъ не только можетъ открываться людямъ, и говорить имъ, но и не недостойно Его хотѣть—сообщать людямъ откровеніе. Если же Богъ, по Своему всемогуществу, можетъ говорить къ человѣку, а по благодати Своей, дѣйствительно говорить ему, то сказанное должно быть истиннымъ, потому что совершенно немыслимо, чтобы Богъ

былъ причастенъ лжи, желая какъ бы обманывать свои одаренныя разумомъ творенія. Тайственная непопятность божественнаго слова, по заключенію Бюффье, не можетъ быть основаніемъ противъ достовѣрности его, такъ какъ непонятное еще не должно быть признаваемо противнымъ здравому разуму, а напротивъ совершенно ясно и естественно, что откровенія высочайшаго разума и наивысшей мудрости должны быть исполнены тайственности для ограниченнаго разума и ограниченнаго пониманія, каковы разумъ и пониманіе у людей. Наконецъ, по изслѣдованію Бюффье, совершенно разумно принимать, какъ изреченіе Божіе, то, что намъ возвѣщается во имя Бога проповѣдникомъ, облеченнымъ Божественнымъ достоинствомъ, какимъ былъ Иисусъ Христосъ. Эту истину Бюффье доказываетъ точнымъ и тщательнымъ раскрытіемъ свойствъ возвышенной личности Иисуса Христа и Его чудотворной дѣятельности по свидѣтельствамъ евангелистовъ, которыя онъ признаетъ самыми достовѣрными и неоспоримыми. При этомъ онъ сообщаетъ самыя несомнѣнныя основанія для убѣжденія въ томъ, что все чрезвычайное и чудесное, дѣйствительно совершенное Христомъ и въ Его имя Его апостолами и исповѣдниками, есть чудо въ истинномъ смыслѣ, имѣющее сверхъестественный характеръ. Въ этомъ обстоятельномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ Бюффье усматриваетъ полное оправданіе христіанской вѣры и потому утверждаетъ, что христіанинъ, вѣрующій въ Божественное Откровеніе, стоитъ на самой твердой почвѣ чистыхъ и неоспоримыхъ фактовъ. Въ заключеніе Бюффье указываетъ на права и достоинство церковнаго учительства. По его убѣженію, совершенно разумно вѣровать, что Христомъ было проповѣдано именно то, что намъ возвѣщается какъ Его ученіе установленнымъ Имъ священствомъ. Къ признанію этого церковнаго учительства вынуждаетъ уже недостаточность внѣ его испытанныхъ и возможныхъ средствъ—достигнуть несомнѣннаго и совершенно точнаго познанія христіанской истины, а за его вѣрность и подлинный авторитетъ ручается слово Св. Писанія о неподвижности церкви, исполненіе котораго подтверждается какъ фактъ непрерывавшимся рядомъ преемниковъ апостольскаго служенія.

Трюбле разоблачаетъ невѣріе, которое было распространяемо французскими энциклопедистами, въ своемъ апологетическомъ сочиненіи—„Pensées choisies sur l'incrédulité. Amsterdam. 1755.

Лемуанъ противодействовалъ распространенію невѣрія среди своихъ современниковъ съ большою ревностію и энергіей. Онъ перевелъ очень много апологетическихъ сочиненій англійскихъ ученыхъ на французскій языкъ и въ томъ числѣ—два сочиненія англійскаго апологета Шерлока. Кромѣ того онъ написалъ оригинальное сочиненіе—„Sur les écrits de M. Woolston, sa condamnation et les ouvrages qu'on a publiés contre lui“,—въ которомъ онъ опровергаетъ взгляды и сужденія извѣстнаго англійскаго деиста Вольстона.

И. Р. А. Дюгамель считается однимъ изъ плодovitѣйшихъ французскихъ писателей 18-го вѣка. Между прочимъ, имъ написано три сочиненія и въ защиту христіанства: 1) *Lettres flamandes, où histoire des variations de la pretendue religion naturelle.* 1752; 2) *Quatre lettres d'un philosophe a un docteur de Sorbonne sur les explications de M. Buffon.* 1751 и 3) *Projet d'instruction pastoral sur les erreurs du livre intitulé: Histoire du peuple de Dieu.* 1754. Изъ нихъ въ первомъ Дюгамель опровергаетъ взгляды энциклопедистовъ, и сенсуалистическія воззрѣнія Кондильяка, какъ они были популяризованы аббатомъ Прадомъ; во второмъ онъ полемизируетъ съ Бюффономъ, а въ третьемъ—съ *Беррюэ*. И его сочиненіе—первое, въ которомъ подвергнуты были опроверженію атеистическія воззрѣнія этого невѣрующаго вольнодумца.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ.*

(Окончаніе будетъ).

ОЦѢНКА УЧЕНІЯ ПРОТЕСТАНТОВЪ ОБЪ АНТИХРИСТѢ-ПАПѢ.

Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли и множество другихъ протестантскихъ богослововъ, объявивши папу настоящимъ антихристомъ, должны были доказать этотъ взглядъ.

Такъ какъ никто изъ древнихъ богослововъ такого взгляда на папъ не имѣлъ, и такъ какъ протестанты, по принципу своего исповѣданія, ученіе вѣры извлекаютъ, раскрываютъ и подтверждаютъ исключительно изъ Писанія, то для объясненія и обоснованія своего ученія о папѣ, какъ настоящемъ антихристѣ, они обратились къ Писанію. Лютеръ примѣняетъ къ папѣ вторую половину 11-й и всю 12-ю главу книги пророка Даниїла, предсказанія Іисуса Христа въ Его рѣчи о разрушеніи Іерусалима и о послѣднихъ временахъ міра, изображеніе человѣка грѣха во Второмъ Посланіи къ Θεссалоникійцамъ и другія мѣста Писанія. Прочіе протестантскіе богословы, имѣющіе одинаковый съ Лютеромъ взглядъ на папу, какъ настоящего антихриста, подобно ему, старались обосновать его на Писаніи. Всего чаще основаніе для своего воззрѣнія они находили въ изображеніи человѣка грѣха у Апостола Павла. При этомъ задача ихъ состояла въ томъ, чтобы доказать, что ученіе, нравы, характеръ, свойства и дѣйствія папъ совершенно сходны съ тѣми, какіе во Второмъ Посланіи къ Θεссалоникійцамъ и въ параллельныхъ мѣстахъ Писанія усвояются антихристу. Для выполненія такой задачи неизбѣжно приходилось, съ одной стороны, изображать папство болѣе чернымъ, чѣмъ каково было оно на самомъ дѣлѣ, чтобы оно имѣло болѣе сходства съ антихристомъ, а съ другой, въ виду несходства, или

неполнаго сходства изображеннаго въ Писаніи антихриста съ папствомъ, приходилось нѣкоторыя изреченія Писанія объ антихристѣ и объ его царствованіи толковать извращенно, съ явными натяжками. Выходила ложь съ той и другой стороны. Въ результатъ взглядъ на антихриста въ самомъ существѣ своемъ оказался совершенно невѣрнымъ, фантастическимъ, а обоснованіе его не могло не быть шаткимъ, ненаучнымъ и фальшивымъ. За разъ получались лишенная безпристрастія и невѣрная оцѣнка папства, ложное ученіе объ антихристѣ и о времени и признакахъ его пришествія и извращенное пониманіе многихъ важнѣйшихъ мѣстъ Писанія. Протестантское ученіе объ антихристѣ — картина, написанная своеобразно, живо, яркими и разноцвѣтными красками, но, — вслѣдствіе забвенія основнаго закона творчества, что художникъ долженъ руководиться чувствомъ истинны, быть вѣрнымъ живописателемъ и истолкователемъ природы и духа и не доработать своего творчества предвзятымъ взглядомъ и личнымъ страстямъ, — картина, очень мало похожая на дѣйствительность и даже изображающая совсѣмъ не тотъ предметъ, который задумали изобразить, а едва-едва похожій на него. Протестантское полемическое ученіе объ антихристѣ представляетъ поразительный примѣръ того, какое огромное и злоторное вліяніе оказываютъ страсти человѣка на его воззрѣнія, убѣжденія, ученіе, и какіе пелѣные взгляды подъ этимъ вліяніемъ могутъ зарождаться, всенародно проповѣдываться, распространяться среди цѣлыхъ и многихъ, образованныхъ притомъ, народовъ, существовать многіе вѣка. Протестантское полемическое ученіе объ антихристѣ является невольнымъ свидѣтелемъ и той истины, что религіознымъ обществамъ, оторвавшимся отъ единаго тѣла истинной вселенской церкви, даже при самомъ глубокомъ уваженіи къ Писанію и при самомъ искреннемъ, ревностномъ и настойчивомъ желаніи доискаться истиннаго смысла его ученія, при твердомъ намѣреніи толковать Писаніе безпристрастно и объективно, всетаки очень трудно удержаться въ предѣлахъ правильныхъ методовъ толкованія и очень легко толкованіямъ здравымъ предпочесть объясненія искусственныя и неправильныя, или даже измыслить толкованія нелѣпыя. Въ такихъ об-

ществахъ живетъ неискоренимая потребность не свои мнѣнія провѣрять ученіемъ Писанія и покидать ихъ, если они не выдерживаютъ такой провѣрки, а, напротивъ, въ самомъ Писаніи искать и во что бы то ни стало находить подтвержденіе своихъ взглядовъ. При наличности такой потребности можно въ изреченіяхъ Писанія, особенно малопонятныхъ и темныхъ, находить смыслъ, чуть не противоположный тому, какой въ нихъ есть въ дѣйствительности. Субъективизмъ и неограниченный произволъ въ толкованіи Писанія, управляемый ложными вѣроисповѣдными ученіями, сектантскимъ фанатизмомъ, а также и личными страстями, составляютъ принадлежность всѣхъ вообще сектъ. Свойственны они и протестантамъ, и даже проявились у нихъ съ особенною силою и раскрылись необычайно широко и разнообразно, какъ вообще въ толкованіи Писанія, такъ, въ частности, въ изъясненіи пророчествъ послѣдняго объ антихристѣ. Субъективизму и произволу въ толкованіи Писанія у протестантовъ благопріятствуетъ принятый у нихъ принципъ изъяснять Писаніе изъ самого Писанія, по собственному разумѣнію, не руководясь толкованіями святыхъ отцовъ. На практикѣ, впрочемъ, этотъ принципъ примѣняется послѣдовательно весьма немногими протестантскими богословами. Огромное большинство ихъ при изъясненіи Писанія слѣдуютъ Лютеру, Кальвину, Цвингли, Меланхтону и богословамъ 17-го столѣтія, которые имѣютъ для нихъ значеніе отцовъ ихъ исповѣданія и богословія, слѣдуютъ имъ не только въ томъ, въ чемъ они были правы, но и повторяютъ за ними ихъ ереси, лжеученія, неправильныя изъясненія Писанія и явныя нелѣпости. Въ частности они повторяютъ ихъ нелѣпое ученіе объ антихристѣ. Это богословы церковнаго направленія, или конфессіоналисты. Почти всѣ вышеупомянутые протестантскіе богословы—конфессіоналисты. У нихъ мало личнаго произвола въ толкованіи Писанія, но за то они слѣдуютъ лжи и произволу отцовъ своего исповѣданія. Отвергнувши помощь и руководство при изъясненіи Писанія древнихъ великихъ и истинныхъ толкователей его—святыхъ отцовъ и учителей Церкви, они подчинились авторитету своихъ отцовъ, еретическихъ, лжеучительныхъ, и подчинились ему раболопно. Въ результатѣ

оказывается тотъ-же произволь въ толкованіи Писанія, только не личный, а вѣроисповѣдный, вводящій личность въ рабство. Какъ вездѣ и всегда, такъ и здѣсь, необузданный произволь привелъ къ рабству. Какъ тяжело ярмо этой вѣроисповѣдной тираніи, какъ крѣпки ея оковы и какъ велико подчиненіе ей личнаго разума, это особенно рѣзко обнаруживается въ томъ, что нелѣпое ученіе Лютера и другихъ главъ реформаціи о папѣ, какъ антихристѣ, было повторяемо огромнымъ большинствомъ протестантскихъ богослововъ и даже доселѣ имѣетъ горячихъ приверженцевъ.

Что касается до протестантскихъ богословъ не церковнаго направленія—свободомыслящихъ, сектантскихъ, полураціоналистовъ и раціоналистовъ, то они при изъясненіи Писанія или слѣдуютъ каждый своему личному усмотрѣнію и разумѣнію, или подчиняются авторитету вожаковъ своихъ школъ и направленій.

Въ результатѣ и здѣсь получаютъ или личный произволь и субъективизмъ въ изъясненіи Писанія, или рабское подчиненіе живымъ и недолговѣчнымъ авторитетамъ главарей разныхъ богословскихъ направленій.

Произволу и субъективизму въ толкованіи Писанія протестантами благопріятствуетъ шаткое и двусмысленное ученіе самихъ главъ протестантскаго исповѣданія о боговдохновенности Писанія. Хотя они и признали Писаніе боговдохновеннымъ, но ограничили понятіе боговдохновенности и примѣненіе его къ Писанію, объявивши нѣкоторыя священныя книги Новаго Завѣта второканоническими, имѣющими меньшій авторитетъ и меньшее достоинство, нежели прочія священныя книги, названныя перво-каноническими. Это было зловѣщимъ началомъ дурнаго и опаснаго дѣла: другіе протестантскіе богословы пошли далѣе въ умаленіи боговдохновенности Писанія, и многіе изъ нихъ дошли до прямого отрицанія ея. Но даже и въ своемъ первоначальномъ видѣ это ученіе подорвало уваженіе къ Писанію, и это не смотря на то, что Писаніе объявлено единственнымъ источникомъ вѣроученія. Въ частности на протестантское ученіе объ антихристѣ могло оказать дурное вліяніе то, что къ второ-каноническимъ книгамъ былъ отнесенъ и Апокалипсисъ.

Справедливо возстали протестанты противъ обычая латинской церкви употреблять при Богослуженіи и въ школахъ Библію на непонятномъ народу латинскомъ языкѣ; законно вооружились они противъ наклонности духовенства этой церкви держать Писаніе подъ спудомъ и не давать его въ руки мірянъ; хорошо сдѣлали они, что перевели Писаніе на народныя языки, внесли чтеніе его въ церковь, въ школу, въ семью, однимъ словомъ, хорошо то, что они дали Библію всему народу на общепонятномъ для каждаго языкѣ и позаботились объяснить ея ученіе. Но дурно то, что ни пасторы, ни богословы протестантскіе, ни даже сами главы реформаціи не имѣли и не имѣютъ надлежащаго благоговѣнія предъ этой „книгой изъ книгъ“, а потому не могли ввухить благоговѣнія къ ней и народу. Первовиновники реформаціи и ихъ приверженцы, съ одной стороны, признали Библію единственнымъ источникомъ христіанской вѣры, важнѣйшимъ сокровищемъ, которое дано Богомъ человѣку, и почти единственнымъ орудіемъ спасенія человѣка, распространили ее по всей землѣ, превратили почти все свое Богослуженіе въ чтеніе и объясненіе ея, написали безчисленное множество комментаріевъ на нее; а съ другой стороны, заподозрили благовдохновенность многихъ частей ея и предоставили право каждому человѣку понимать и толковать ее такъ, какъ онъ можетъ и какъ хочетъ. Такое двойственное отношеніе къ Библии и результаты произвело двойственныя—хорошіе и дурные. Протестанты освободились отъ многихъ заблужденій Латинской церкви, но за то усвоили новыя, еще болѣе тяжкія, заблужденія; протестантскіе богословы далеко подвинули впередъ изъясненіе Библии, особенно историческое, археологическое и филологическое, но успѣхи ихъ въ изъясненіи Библии не освободили ихъ отъ лжеученія въ вѣрѣ, и, кромѣ того, рядомъ съ хорошими въ научномъ отношеніи толкованіями у нихъ накопилось множество толкованій плохихъ, извращенныхъ и опасныхъ для самой вѣры. Библія въ рукахъ протестантовъ оказалась орудіемъ обоюдоострымъ—и хлѣбомъ жизни, и смертельнымъ ядомъ. По всему свѣту они распространили Библію и ея толкованія, а впускаютъ-ли они при этомъ людямъ то святоотеческое наставленіе, что не только изъяснить

Библию, но и приступать къ чтенію ея нужно съ благоговѣніемъ и съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ своею благодатію помогъ уразумѣть истинный смыслъ Писанія и сдѣлалъ чтеніе его душеполезнымъ? Нѣтъ, не внушаютъ, потому что сами не имѣютъ этого благоговѣнія и молитвеннаго настроенія. Напримѣръ, Лютеръ толковалъ Писаніе и въ то же время скрежеталъ зубами на папу и изрыгалъ неприличную брань. Но развѣ человѣку, объятому гнѣвомъ, ненавистію, злобою, религіознымъ фанатизмомъ, или другими какими страстями, подобаетъ толковать Библию? Прилично-ли хулы, насмѣшки и изліянія злобы, хотя бы и вызванныя, подкрѣплять ссылками на Писаніе. Соответствуетъ-ли это достоинству Писанія? Или можетъ-ли дать здоровое, животворное и дѣйственное толкованіе Писанія богословъ, который самъ не имѣетъ ни благоговѣнія, ни молитвеннаго настроенія, ни благодатнаго мира въ душѣ, ни даже крѣпкой вѣры? А такихъ богослововъ у протестантовъ—легіонъ. Они приступаютъ къ толкованію Писанія съ большимъ или мѣвшимъ запасомъ учености исторической, археологической, филологической, этнографической, географической, естественно-научной, съ острымъ разсудочнымъ анализомъ, или съ философскимъ умозрѣніемъ, но часто не имѣютъ другихъ существенныхъ условій правильнаго и животворнаго изъясненія Библии: благоговѣйнаго отношенія къ слову Божіе, молитвеннаго настроенія, правой и крѣпкой вѣры, свободы отъ страстей и отъ вѣроисповѣдныхъ, или школьныхъ, или личныхъ лжеученій. Въ результатѣ у протестантовъ появляются комментаріи многоученые, но безжизненные и въ самой основѣ своей лживые, полураціоналистическіе, или совсѣмъ раціоналистическіе. А такіе комментаріи еще болѣе подрываютъ уваженіе къ Библии, вмѣсто того, чтобы возвращать его; а самыя крайніе изъ нихъ подкапываются даже подъ самыя основы христіанской вѣры. Правда у богослововъ церковнаго направленія крайняго раціонализма нѣтъ, но духъ и начатки раціонализма коренятся въ самомъ существѣ, въ самыхъ основахъ протестантскаго исповѣданія, и потому самыя церковныя и благочестивыя протестантскіе богословы всетаки не свободны отъ раціонализма. Напр., нельзя не

замѣтитъ произвола разума и потому раціонализма въ призна-
ніи антихриста лицомъ коллективнымъ,—тѣмъ болѣе, что къ
этому ученію протестанты пришли не путемъ объективнаго и
безпристрастнаго изученія и изъясненія Писанія, а только по-
тому, что они признали антихристомъ папъ, а папъ много. Это
и есть толковательный раціонализмъ, когда не Писаніемъ про-
вѣряютъ свое ученіе, а для самоизмышленнаго ученія во что-
бы то ни стало отыскиваютъ опору въ Писаніи и ради этого
извращенно толкуютъ Писаніе.

Полемическое ученіе протестантовъ объ антихристѣ прояв-
ляетъ и ту, самую характерную, черту протестантизма, что оно
вызвано недовольствомъ, оппозиціей и протестомъ противъ
папства и латинскаго духовенства и противъ ихъ злоупотреб-
леній. Оно само есть протестъ. Въ немъ болѣе, нежели въ
другихъ протестантскихъ направленіяхъ ученія объ антихри-
стѣ, выразились сущность, характеръ протестантизма и глав-
ныя свойства протестантизма: вражда и борьба противъ пап-
ства, духовенства и порядковъ Латинской церкви, полемическій
задоръ, вѣроисповѣдный фанатизмъ, преклоненіе предъ автори-
тетомъ Лютера и другихъ главъ реформаціи, пренебреженіе
къ ученію святыхъ отцовъ древней церкви, раціоналистическій
субъективизмъ и произволь въ толкованіи Писанія, пользованіе
Писаніемъ и извращеніе смысла его ученія въ цѣляхъ оправ-
данія вѣроисповѣдныхъ заблужденій.

Должно, наконецъ, упомянуть о томъ вліяніи, какое протес-
тантское вѣроисповѣдное ученіе объ антихристѣ оказало на
ученіе объ антихристѣ внѣ протестантства. Не смотря на свою
ложность, вѣроисповѣдное протестантское ученіе о папѣ, какъ
антихристѣ, выступило за предѣлы протестантскаго исповѣда-
нія и стозвалось и въ тѣхъ странахъ, гдѣ исповѣдуются пра-
вославная вѣра, особенно въ Россіи. Нѣкоторые, хотя и немно-
гіе изъ православныхъ русскихъ богослововъ, подобно протес-
тантамъ, признавали папу антихристомъ. Въ Юго-Западной
Россіи, начиная съ конца 16-го вѣка, эта мысль возбуждена
была въ православныхъ тѣми страшными насиліями и крова-
выми гоненіями, которыя имъ привелось испытывать отъ па-
пистовъ и уніатовъ, вводившихъ и распространявшихъ унію

насилъственно. Но, кромѣ того, эта мысль могла быть взята и въ готовомъ видѣ у кальвинистовъ, которыхъ въ 17 вѣкѣ было не малое число въ Вильнѣ и вообще въ Западной Россіи и въ Польшѣ. Но насилъства со стороны уніатовъ и папистовъ, несомнѣнно, располагали православныхъ воспринять отъ кальвинистовъ ихъ ученіе о папѣ, какъ настоящемъ антихристѣ. А изъ Юго-Западной Россіи это ученіе проникло и въ Великороссію. Впрочемъ въ Великороссіи оно могло возникнуть и самостоятельно, будучи воспринято русскими отъ нѣмцевъ, которыхъ было не мало въ Москвѣ еще при Алексѣѣ Михаловичѣ.

Укажемъ для примѣра слѣдующихъ православныхъ русскихъ богослововъ, которые признавали папу настоящимъ антихристомъ.

Стефанъ Зизаній въ своей книжкѣ подъ заглавіемъ: „Сказаніе на осьмой вѣкѣ“, написанной въ 1596 году и вошедшей позже, въ 1644 г., въ Кириллову книгу, доказывалъ, что папа—антихристъ, и что за теперешнимъ антихристовымъ временемъ вскорѣ послѣдуетъ кончина міра ¹⁾).

Почти современникъ Зизанія, авторъ „Книги о вѣрѣ“, въ главѣ 30-й, высказалъ мнѣніе, что въ 1666 году антихристъ торжественно явится въ лицѣ папы. ²⁾).

Въ сборникѣ Церковно-историческаго Музея при Кіевской Духовной Академіи № 410, 18-го вѣка, на листахъ 1—53 помѣщено компилятивное сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: „Сія книга невѣдомыхъ тайнъ яко свитокъ развивающійся въ осмой тысящи“. Здѣсь послѣ разсужденій о предтечахъ и помощникахъ антихриста слѣдуетъ краткое замѣчаніе о папѣ со ссылкой на Святаго Кирилла: „мѣсто готовятъ князю міра сего послѣднему, глаголюще, яко нашъ единъ имать быти отецъ папа и всѣхъ по своей воли во всемъ мірѣ собереть, его же и жидове имутъ воспріяти, понеже онъ возьметъ власть величайшую мерзость работы египетскія и соннымъ богомоліемъ и церковь Соломовю древняго закона предѣсти ради создати покусится, но не мною яко верхи покрыты будутъ“. Затѣмъ на листѣ 35 говорится о явленіи антихриста: „и ны-

1) К. Невоструева. Слово Святаго Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка.... 101 стр.

2) Тамъ же. 101—102 стр.

нѣ объявился проклятый змѣи скверный звѣрь антихристъ и богомерска скверная проклятая служба его антихристова преданная возрастаетъ“. На поляхъ противъ этого мѣста замѣчено: „нынѣ вся прелесть сія исполнися и вся совершися въ конецъ“. Затѣмъ слѣдуетъ большое поученіе объ антихриствѣ, направленное противъ папы, и замѣтка: „зри единогласно вси святіи отцы рекуть яко чернецъ антихристъ будетъ“; а въ концѣ—другая замѣтка: „разумѣй, возлюбленніи, единогласно вси святіи отцы глаголють яко антихристъ чернецъ будетъ въ новомъ Іерусалимѣ въ послѣднемъ третіемъ Римѣ иматъ царствовать“, а на поляхъ замѣчено: „въ Москвѣ“¹⁾.

Эта послѣдняя замѣтка по характеру раскольничья. Но весь сборникъ по содержанию противораскольничій.

Склонный къ протестантству и непріязненно относившійся къ папамъ и къ латинской вѣрѣ знаменитый русскій богословъ 17-го вѣка Теофанъ Прокоповичъ признавалъ папу антихристомъ. Не задолго до смерти своей, въ 1735—1736 годахъ, Теофанъ Прокоповичъ, съ цѣлью опровергнуть раскольничье ученіе объ антихриствѣ, началъ писать сочиненіе подъ заглавіемъ: *Показаніе прореченнаго прежде въ словесѣхъ Божіихъ, издавна уже явившагося въ міръ великаго антихриста, чрезъ характеры его, въ Священномъ Писаніи предложенные и по его явленіи отъ многихъ предшедшихъ лѣтъ узнанные и нынѣ ясно видимые на немъ*. Теофанъ расположилъ это сочиненіе на двѣ части: въ первой онъ перечислялъ безъименно отличительныя свойства антихриста, означенныя въ Священномъ Писаніи; во второй онъ намѣренъ былъ примѣнить ихъ къ папѣ, слѣдуя примѣру протестантскихъ богослововъ. Но онъ не успѣлъ окончить это сочиненіе: написана только первая часть, да и то не вся. Сочиненіе это остается въ рукописи.

Профессоръ А. Бѣляевъ.

¹⁾ В. Истринъ. Откровеніе Меодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Давида въ византійской и славяно-русской литературы. Изслѣдованіе и тексты. 245—246 стр.

Ученіе о боговдохновенности Св. Писанія въ средніе вѣка.

ОТДѢЛЪ ІХ.

Несогласные съ общецерковнымъ ученіемъ взгляды на боговдохновенность Св. Писанія въ XIV и XV вѣкахъ.

I.

Согласіе средневѣковыхъ авторовъ въ ученіи о вдохновеніи св. Писанія въ XIV и XV вѣкахъ можетъ быть названо общимъ и полнымъ. Довольно незначительныя исключенія изъ этого происходили не столько отъ намѣреннаго измѣненія обычныхъ понятій о вдохновеніи, сколько отъ преувеличенныхъ мистическихъ или даже пантеистическихъ взглядовъ на него.

Такъ Раймундъ Луллъ (1315), при своей ревности къ изученію Библии, обнаруживаетъ явную склонность къ мистической теософіи. Съ одной стороны, онъ старается чрезъ изученіе восточныхъ языковъ сдѣлать болѣе глубокимъ знаніе св. Писанія, съ другой,—въ своихъ сочиненіяхъ знакомитъ Западъ съ таинственнымъ ученіемъ Каббалы и на основаніи его пытается доказать всѣ догматы христіанской вѣры, не исключая даже догматовъ о троичности Лиць въ Богѣ и о воплощеніи Сына Божія. Самъ Луллъ хвалился личнымъ вдохновеніемъ и утверждалъ, что его „*Doctrina generalis*“, которую на Западѣ долгое время называли „Лулловой наукой“, вдохновлена ему непосредственно отъ Бога. Поэтому, послѣдователи Лулла называли своего учителя трубою св. Духа, орудіемъ Бога, а въ послѣдствіи начали даже приписывать Ветхій Заветъ Богу Отцу, Новый—Сыну Божію, а ученіе Раймунда Лулла—Духу Святому ¹⁾).

¹⁾ Н. Denzinger. Vier Bücher von der religiösen Erkenntnis. 1856. Band I Seit. 352. Cnfr. Richner. Geschichte der Philosophie. Band II. Seit. 128.

Подобную же склонность къ смѣшенію границъ между естественнымъ знаніемъ и сверхъестественнымъ откровеніемъ, или вдохновеніемъ позднѣе обнаруживаетъ испанскій врачъ, ученикъ Лулла, Раймундъ Сабундскій (около 1437 года). Въ предисловіи къ своему труду: „Theologia naturalis“ онъ обѣщаетъ изложить все, что необходимо и полезно знать христіанину какъ для вѣры, такъ и для нравственности. Онъ увѣряетъ, что изъ его натуральной теологіи можно съ большею достовѣрностью узнать все, о чемъ говоритъ и что предписываетъ св. Писаніе. Содержаніе для своего труда, по его собственному указанію, онъ почерпалъ только изъ двухъ книгъ: книги природы и книги св. Писанія. Достовѣрность Библии онъ довольно пространно доказываетъ на основаніи учевія о Божествѣ Іисуса Христа.

Богъ создалъ міръ для собственной славы и для блага самихъ созданий. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что Іисусъ Христосъ, объявившій себя предъ людьми Сыномъ Божиимъ и Богомъ, какъ таковой, получилъ подобающую славу и поклоненіе въ христіанской церкви. Поэтому, было бы въ высшей степени оскорбительно для славы Божіей предполагать, будто ученіе и рѣчи Христа, записанныя въ Св. книгахъ, не были истинными. А если Іисусъ Христосъ, дѣйствительно, есть Сынъ Божій и Богъ, то и ученіе Его божественно, и самое Св. Писаніе заслуживаетъ безусловной вѣры.

Первоначально, до грѣхопаденія прародителей, источникомъ богопознанія для человѣка служила только одна природа. Когда же человѣкъ палъ, то въ качествѣ второй книги ему дано было Св. Писаніе. Первая книга оказалась уже недостаточной; первобытный человѣкъ уже потерялъ умѣніе читать ее, потому что по собственной винѣ лишился своего духовнаго зрѣнія ¹⁾. Книга природы и книга Св. Писанія, впрочемъ, отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одна доступна всѣмъ, а другая только нѣкоторымъ. Кромѣ того, книга природы не

¹⁾ Theologia naturalis. Strassburg. 1501 prolog. Duo videlicet sunt libri nobis dati a Deo, liber universitatis creaturarum, sive liber naturae, et alius liber sacrae scripturae.—Conveniunt tamen in hoc, quod ambo sint ab eodem autore profecti, unde etiam unus non contradicit alteri.

подвержена порчѣ чрезъ поддѣлки и подлоги, а Св. Писаніе не только можетъ быть испорчено, но даже и неправильно понято. Напротивъ, обѣ эти книги совершенно сходны въ томъ отношевіи, что произошли отъ одного и того же Виновника, а потому другъ другу противорѣчить не могутъ.

Должно, однако, замѣтить, что Раймундъ Сабундскій иногда былъ непослѣдователенъ въ собственныхъ сужденіяхъ. Первоначально въ предисловіи къ своей натуральной теологіи онъ общаетъ все содержаніе вдохновеннаго Писанія объяснить натуральнымъ способомъ. Въ другихъ же мѣстахъ своего сочиненія онъ съ большею рѣшительностью утверждаетъ, что многія выраженія Св. Писанія далеко возвышаются надъ человѣческимъ разумомъ и природою.

Знаменитый гуманистъ и теософъ, Рейхлинъ (1522), пытался отыскать мистическій ключъ къ пониманію Божественнаго Откровенія въ Каббалѣ и пифагоровомъ ученіи о числахъ. Для распространенія своихъ оригинальныхъ взглядовъ и своего таинственнаго ученія онъ написалъ разсужденіе „О чудотворномъ словѣ“ въ 1494 году и „О каббалистической наукѣ“ въ 1517 г.

Рейхлинъ опредѣлялъ Каббалу, какъ символическую теологію, въ которой не только буквы и слова служатъ знаками предметовъ, но и самое численное значеніе буквъ въ свою очередь имѣетъ высшій таинственный смыслъ. Въ Св. книгахъ, по Рейхлину, содержатся безчисленныя тайны, въ которыхъ сокрыто не только исполненіе прошедшаго, но и предопредѣленіе будущаго. Эти тайны не столько нужно изъяснять, сколько на основаніи ихъ пророчествовать ¹⁾.

Еще замѣтнѣе этотъ родъ мистической теософіи выступать въ сочиненіяхъ Корнелія Агриппы (1541).

Агриппа порицаетъ схоластическое богословіе и признаетъ единственно истиннымъ только богословіе истолковательное (*theologiam interpretativam*). Оно состоитъ въ объясненіи пророческихъ писаній, причемъ самое объясненіе должно происходить не по собственному разумѣнію и праву толковниковъ, не

¹⁾ П. Denzinger. Vier Bücher von der religiosen Erkenntnis. Band I. Seit. 376. Cnfr. сочиненіе L. Geiger. Joh. Reuchlin, sein Leben und seine Werke. Berlin. 1871.

по образцу перипатетиковъ, чрезъ разнаго рода опредѣленія, раздѣленія и сочиненія, но съ помощью Св. Духа, вдохновившаго Св. Писаніе. Самъ Духъ Святой открываетъ Себя путемъ особаго рода знанія, занимающаго средину между рациональнымъ познаніемъ и пророческимъ созерцаніемъ. Къ буквальному, аллегорическому, моральному и аналогическому способу изъясненія Агриппа присоединяетъ еще типическій и психическій. Высшую ступень богопознанія Агриппа называетъ пророческою теологіею. Средствами для приобрѣтенія ея онъ считаетъ внутреннее созерцаніе вещей въ божественномъ свѣтѣ, или личное вдохновеніе. Чтобы устранивъ противорѣчіе своей системы съ вдохновеннымъ Писаніемъ, Агриппа вынужденъ былъ допустить двоякій способъ изъясненія Св. Писанія ¹⁾.

Какъ чрезъ Моисея данъ былъ двойной законъ: буквальный и духовный, писанный и устный, такъ и евангеліе имѣетъ два значенія: вѣдшее для несовершенныхъ христіанъ и внутреннее для совершенныхъ. Возвышенный смыслъ и глубокое содержаніе даютъ Агриппѣ поводъ восхвалять вѣру пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ, какъ учителей возвышеннѣйшей теологіи. Онъ желаетъ, чтобы Слово Божіе было сохраняемо въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ, чтобы къ нему не было примѣшиваемо никакое человѣческое толкованіе, такъ какъ слово Божіе достаточно ясно и само объясняетъ себя. Высшее разумѣніе, или вдохновеніе, даруемое непосредственно отъ Св. Духа или же чрезъ посредство ангела, сообщало не одно только религіозное знаніе, но давало возможность какъ бы въ зеркалѣ вѣчности созерцать весь кругъ естественныхъ и сверхъестественныхъ явленій.

Какъ кажется, Агриппа имѣлъ въ виду низшія ступени вдохновенія, когда утверждалъ, что св. писатели, хотя и исполненные св. Духа, все-таки иногда отступали отъ истины. Впрочемъ, св. писатели, по его мнѣнію, заблуждались не по собственнымъ побужденіямъ, но только впадали въ обыкновенныя человѣческія ошибки, когда Богъ перемѣнялъ свои намѣренія ²⁾.

¹⁾ Denzinger. Ibidem. Band I Seit. 382, Band 2 Seit. 185. Rixner. Geschichte der Philosophie. Band 2. Seit. 217.

²⁾ Intelligi volo, non sponte errantes, sed humanitus lapsos aut mutata Dei sententia deficientes—De vanit. scient. cap. 99.

Такъ или иначе, но это утверждение Агриппы нельзя примирить съ его положительными взглядами на божественное вдохновеніе.

Современникомъ Агриппы былъ родственникъ ему по духу Теофрастъ Парацельсъ (1541). Онъ смотритъ на Моисея, пророковъ и апостоловъ не только какъ на вдохновенныхъ лицъ, но и какъ на каббалистовъ. Свойственный имъ способъ познанія доступенъ также и другимъ людямъ, когда Св. Духъ воспламеняетъ въ нихъ внутренній свѣтъ и затѣмъ открываетъ имъ мудрость и разумъ. Тогда и обыкновенные люди могутъ постигать тайны царствія Божія ¹⁾.

II.

Съ совершенно другой стороны видонзмѣляется общецерковное ученіе о вдохновеніи у Джона Уиклифа, Іоанна Гуса, Дезидерія Эразма и другихъ. Они шли путемъ мистицизма, но, въ пылу горячей борьбы съ католическою Церковью, нерѣдко пользовались оружіемъ раціонализма. Нѣкоторые изъ ихъ мнѣній по вопросу о вдохновеніи въ существенныхъ моментахъ уже напоминаютъ ученіе Лютера.

Джонъ Уиклифъ (1384 г.), профессоръ Оксфордскаго университета и приходскій священникъ Англій, пересадилъ на почву своего отечества ученіе альбигойцевъ. Съ отверженіемъ церковнаго преданія, онъ склонился къ признанію исключительнаго и безусловнаго авторитета Библіи. Свою богословскую систему онъ построилъ исключительно на свидѣтельствахъ Св. Писанія, которое тщательно изучалъ и ревностно защищалъ словомъ и перомъ противъ перетолкованій папства. Библія была для него единственнымъ источникомъ и нормою религіознаго знанія. Чтобы сдѣлать ее доступною всѣмъ мірянамъ, Уиклифъ перевелъ ее на родной англійскій языкъ. Ученіе о вдохновеніи Св. Писанія Уиклифъ довольно пространно излагаетъ въ своемъ главномъ сочиненіи „Trialogus“ ²⁾.

Какъ учить вѣра, Христосъ есть ближайшій виновникъ Св. Писанія. Авторитетъ Господа безконечно выше авторитета всякаго человѣка. Слѣдовательно, и его книга, или Св. Писаніе

¹⁾ Denzinger. Loc. citat. Band I Seit. 390; Band II, Seit. 187 и др.

²⁾ Ioannis Wiclif: Trialogus. Изданіе F. Lechler, 1860.

безъ сравненія превосходить всякое другое человѣческое писаніе. Даже сочиненія великихъ учителей, хотя бы они были истинными, по сравненію съ словомъ Божиимъ, должны быть названы апокрифами и не заслуживаютъ никакой вѣры, кромѣ развѣ того случая, когда они основываются на самомъ Св. Писаніи. Фундаментомъ для ученія о богодухновенности Св. Писанія служитъ вѣра Церкви, по которой мы исповѣдуемъ, что Христосъ былъ Богъ и человѣкъ, рожденный во плоти, что Онъ, какъ повѣствуютъ евангелія, обращался среди людей и предназначилъ евангелистовъ какъ бы своихъ писцовъ, для письменнаго начертанія христіанскаго закона и католической вѣры. Естественный выводъ изъ этого есть тотъ, что Св. Писаніе въ каждой своей части безусловно истинно и достовѣрно, такъ какъ содержаніе его есть ученіе Господа Іисуса Христа, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть никакой ошибки. Что касается Св. Писанія ветхаго Завѣта, то оно обладаетъ высшимъ авторитетомъ уже потому, что Христосъ цитуетъ всѣ книги Ветхаго Завѣта, какъ цѣлый сборникъ и въ отдѣльности. Вообще же всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта имѣютъ божественный авторитетъ, потому что все содержаніе ихъ произошло отъ Бога ¹⁾).

Для правильнаго пониманія Св. Писанія, по ученію Джона Уиклифа, необходимо, чтобы вѣрующій самимъ Господомъ былъ наставленъ въ правой логикѣ и въ точной философіи. Ошибки въ пониманіи слова Божія большею частью происходятъ отъ горделиваго пристрастія къ собственной логикѣ, между тѣмъ какъ логика Св. Писанія самая вѣрная, ясная и общепотребительная. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ Уиклифъ предлагаетъ держаться такого правила: кто вѣрно понялъ то или другое мѣсто Библии, тотъ долженъ восхвалить за это Господа; если же онъ еще не достигъ этого, то долженъ удовлетвориться, какъ ученикъ, простою буквою Писанія. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ остерегаться впадать въ Св. Писаніе высшій ду-

¹⁾ Trialogus Lib. III cap. 31. pag. 240.—Christus in communi vel particulari allegat omnes libros legis veteris, quos oportet catholicos acceptare, et ita paris auctoritatis sunt omnes codices novae legis et veteris, de quanto credimus, quod suae sententiae a Spiritu sancto emanarunt.

ховный смыслъ, пока еще не освободился отъ сомнѣній, потому что такой человѣкъ, по Иерониму, есть еретикъ ¹⁾.

Сколь мало данное правило разрѣшаетъ вопросъ о пониманіи слова Божія, столь же мало послѣдователенъ Джонъ Уиклифъ въ отношеніи къ Св. Преданію. Въ одномъ мѣстѣ онъ рѣшительно утверждаетъ, что большую часть своихъ взглядовъ онъ основываетъ на мнѣніяхъ и изреченіяхъ св. отцевъ, съ вѣроятностью извлеченныхъ изъ Св. книгъ ²⁾. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, онъ пытается обосноваться только на вѣрѣ въ Св. Писаніе и законахъ разума. Иногда же выражаетъ желаніе исключительно удерживаться въ границахъ Св. Писанія, признавая вполне достаточнымъ то, что сказано въ немъ, а все остальное почитая изобрѣтеніемъ самихъ людей ³⁾.

Іоаннъ Гусъ (1415), профессоръ Пражскаго университета и проповѣдникъ при Виелеемской часовнѣ, во многихъ своихъ взглядахъ былъ ученикомъ Джона Уиклифа. Св. Писаніе онъ признаетъ по происхожденію и содержанію словомъ Божиимъ, высочайшимъ правиломъ и рѣшающимъ авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры. Гусъ вполне проникся взглядомъ Уиклифа на Св. Писаніе, какъ единственный источникъ религіознаго знанія. Онъ требовалъ усвоенія религіи путемъ личнаго убѣжденія и средство къ такому усвоенію указывалъ въ личномъ пониманіи слова Божія. Церковное преданіе представлялось ему только какъ историческое развитіе истины, содержащейся, по ея существованію, въ Св. Писаніи. Ссылки на Св. Писаніе, однако, не помогли Іоанну Гусу на Константскомъ соборѣ (въ 1415 г.), и паписты, съ которыми онъ вступилъ въ горячій споръ объ ученіи Уиклифа, осудили его, какъ еретика, на сожженіе.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ, по ученію Гуса, Господь говорилъ съ людьми пророческимъ и прикровеннымъ языкомъ, въ Новомъ же Завѣтѣ небесный отецъ говоритъ намъ въ единокровномъ Своемъ Сынѣ, какъ учитъ апостоль Павелъ ⁴⁾. Праотцы Ветхаго

1) *Triologus. Liber III, cap. 31; pag. 243.*

2) *Ibidem. Liber II, cap. 21; pag. 112: Plurior pars illius materiae, quam hic dico, est sanctorum sententia, elicita probabiliter ex scriptura.*

3) *Triologus, Lib. IV, cap. 21; pag. 319—Propono me tenere in limitibus fidei scripturae sciens, quod dicta in illa sufficiunt, et alia inventa humanitus communiter non fundantur.*

4) *Ioannes Hus, Opera Latina (1524) T. I pag. 15. De anatom. Antichr. cap. XII.*

и Новаго Завѣта—пророки и апостолы—образуютъ въ совокупности какъ бы два блестящіе хора, съ Иисусомъ Христомъ по срединѣ. Всѣ они единогласно возвѣщаютъ о Сынѣ Божіемъ, явившемся во плоти и ученіе ихъ, распространяясь чрезъ проповѣдь, служило и будетъ служить во всѣ вѣка свидѣтельствомъ истинной вѣры ¹⁾. Свойства Св. Писанія даютъ Гусу основаніе сравнивать его съ такого рода пищею, которая не слишкомъ нѣжна, но и не груба. Св. Писаніе занимаетъ какъ бы средину, потому что ученіе евангелистовъ и апостоловъ одинаково удовлетворяетъ какъ ученыхъ такъ и неученыхъ людей ²⁾.

Однако, въ продолжительномъ и ожесточенномъ спорѣ, который велъ Гусъ съ „антихристомъ“, какъ онъ называлъ представителей римско-католической іерархіи, обнаружилось, что и противники его въ свою очередь ссылались на вдохновенное Писаніе. Чтобы обезсилить доказательства ихъ, Гусъ возражалъ, что истины вдохновеннаго Писанія въ католической Церкви затемнены и повреждены многими человѣческими выдумками и опредѣленіями. А эти послѣднія не только не могутъ быть доказаны на основаніи Св. Писанія, но даже находятся частью въ явномъ, частью въ прикровенномъ, противорѣчій съ нимъ. Нельзя сказать, чтобы Гусъ порывалъ всякую связь съ Преданіемъ вселенской Церкви; нѣтъ,—онъ старался только доказать ту истину, что католическая Церковь его времени, особенно же университеты отступили отъ истиннаго ученія Христа и проповѣдаютъ ученіе антихриста ³⁾.

Въ доказательство того, что его собственное изъясненіе Библии вполне истинно и безошибочно, Гусъ указывалъ на личное убѣжденіе въ своемъ высшемъ предъизбраніи и предназначеніи. Онъ и его послѣдователи суть люди, „предопредѣленные“ Богомъ, люди, обладающіе Духомъ Христовымъ и истиннымъ

¹⁾ T. I pag. 78. b.—De abol. sectis cap. III.

²⁾ T. I pag. 30 b Talis (cibus) est laudabilis, quia neque nimium subtilis, neque nimis grossus et sic tenet medium, differens a praedictis cibus. Et talis est doctrina evangelica et apostolica, sapientibus et insipientibus sufficiens—De anat. Ant. cap. XXVI.

³⁾ De anatom. Ant. cap. XXVI. T. I pag. 29 a. Nam cibi Antichristi tunc praeparantur, dum ejus doctrina variis et multis codicibus sigillata, in diversis gloriose legitur Universitatibus.

пониманіемъ Св. Писанія. Другіе же, т. е. слѣпые привержевцы римско-католической куріи, не имѣя Св. Духа, не могутъ и понимать слово Божіе правильно. Хотя бы они каждый день слѣшали слово Божіе и проповѣдали его, все же чрезъ это они впали бы въ еще большее ожесточеніе ¹⁾. Тайны слова Божія могутъ быть поняты только тогда, когда читатель или слушатель будетъ наставленъ въ нихъ самимъ Духомъ Святымъ, а это возможно только для людей достойныхъ ²⁾.

Каждый христіанинъ, причастный Духу Іисуса, справедливо можетъ быть названъ „духовнымъ человѣкомъ“. Онъ получилъ и сохраняетъ Св. Духа, и Имъ онъ руководится въ жизни. Этотъ „духовный человѣкъ“ судитъ о всемъ и лично непогрѣшимъ, такъ какъ никогда не ошибается въ изъясненіи вдохновеннаго Писанія. Объ этомъ свидѣтельствовалъ еще апостоль Іоаннъ, извѣстный глубиною своихъ богодухновенныхъ созерцаній, когда говорилъ, что рожденный отъ Бога не грѣшитъ и не можетъ согрѣшати, такъ какъ онъ рожденъ самимъ Св. Духомъ (I Іоан. III, 9). Если бы возрожденный христіанинъ чрезъ изученіе Св. Писанія дошелъ бы до ереси, то слово апостола Іоанна оказалось бы ложнымъ ³⁾. Напротивъ, нечестивый человѣкъ, хотя бы онъ былъ облеченъ саномъ епископа или даже былъ самимъ святѣйшимъ папою,—не въ состояніи правильно судить о „человѣкѣ духовномъ“, непосредственно руководимомъ Св. Духомъ. Свое личное объясненіе Св. Писанія. Гусъ, по его убѣжденію, почерпалъ изъ непосредственнаго откровенія Божія. Подобно мистикамъ, онъ говорилъ, что самъ распятый Іисусъ открылъ ему разумъ къ пониманію слова Божія. Это откровеніе вошло въ его душу, въ его сердце, какъ бы нѣкоторый сверхъ-естественный огонь, ощутительный даже тѣлесно и чрезвычайно пріятный ⁴⁾.

¹⁾ Sermones de Antichr. Sermo XXI. T. III pag 34 a. Saepe confiteri, missas audire, celebrare, multa prallere et cantare, omni die verbum Dei audire, legem praedicare et caetera omnia inquam ista et similia veniunt fallibus in obdurationem lapideam, quamdiu Spiritum Iesu non habent.

²⁾ Tom. I pag. 90 a. De regno Antichr.

³⁾ Joh. Friedrich: Die Lehre des Joh. Hns. Regensburg, 1862. Seit. 69.

⁴⁾ De sacerdot. et mon. abom. cap. XXII. I. II pag. 34 a. Et tunc maxime piissime Iesus crucifixus aperuit mihi aurem, id est, sensum, ut intelligerem

Ученіе Джона Уиклифа объ исключительномъ значеніи Св. Писанія, воспроизведенное отчасти Гусомъ, нашло для себя защитника въ лицѣ Іоанна Везеля (1481), бывшаго сначала профессоромъ въ Эрфуртѣ, потомъ проповѣдникомъ въ Майнцѣ и Вормсѣ. Везель уже съ полною рѣшительностью высказываетъ положеніе, усвоенное впоследствии протестантами, а именно, что Библія есть единственное руководство христіанской вѣры. Только въ евангеліи всѣ христіане составляютъ единое общество. Объяснять Писаніе можно только на основаніи его же самаго, безъ руководства какого-либо церковно-учительскаго авторитета ¹⁾.

Если вліяніе Везеля на современное общество было незначительно, то, наоборотъ, сочиненія знаменитѣйшаго изъ современныхъ гуманистовъ Дезидерія Эразма (1536) пользовались громаднымъ уваженіемъ среди людей всѣхъ классовъ. Критическимъ изданіемъ Новаго Завѣта Эразмъ далъ значительное побужденіе къ научному занятію библейскимъ текстомъ, а своими парафразами и примѣчаніями оказалъ большую заслугу экзегезису. Какъ ученый, посвятившій себя изданію, переводу и истолкованію Новаго Завѣта, Эразмъ преслѣдовалъ не одну только ученую цѣль, а хотѣлъ сдѣлать Священное Писаніе доступнымъ для всѣхъ и освободить его отъ искаженій, „Я желалъ бы“, говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію Новаго Завѣта, „чтобы слабыя женщины читали Евангеліе и посланія апостола Павла, желалъ бы, чтобы ихъ перевели на всѣ языки, чтобы ихъ читали и понимали не только шотландцы и ирландцы, но турки и сарадины. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы пахарь напѣвалъ стихи изъ Писанія, идя за плугомъ, ткачъ повторялъ бы ихъ подъ жульжаніе челнока и путникъ развлекался бы евангельскими рассказами во время скучнаго путешествія“.

Несмотря на свою ревность къ изученію и распространенію слова Божія, Эразмъ Роттердамскій не чуждъ было противо-

spiritivas huic tempori congruentes.— Et ingressus est in me, id est in pectus meum, quidam ignis etiam corporaliter subtilis, novus, fortis et inusitatus, sed valde dulcissimus.

¹⁾ Cruel. R. Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter. 1879. Seit. 616.

рѣчій какъ въ отношеніи къ реформациі Лютера, такъ и въ пониманіи вдохновенія Писанія. Въ своемъ комментарий на евангеліе Матѳея онъ утверждаетъ, что авторитетъ Писанія не колеблется, если отдѣльные св. писатели расходятся другъ съ другомъ въ словахъ или мысляхъ. Сумма того, на чемъ основывается наше спасеніе, остается при этомъ неповрежденной. Духъ Святой, руководившій мыслями апостоловъ, подавался имъ такъ, что они многое не сознавали, иногда находились какъ бы въ аффектъ или даже допускали ошибки въ мысляхъ и чувствованіяхъ (*ignorare quaedam et labi erraveque*). Въ частности, свои библейскія цитаты евангелисты приводили не изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, но довѣрялись памяти и потому впадали въ ошибки. Только Христосъ есть совершенная Истина и только Онъ свободенъ отъ ошибокъ. Ради ошибокъ отдѣльныхъ авторовъ не разрушался авторитетъ Св. Писанія въ его цѣломъ объемѣ ¹⁾).

Ученый католическій богословъ Эккъ указывалъ Эразму на крайность и опасность такихъ взглядовъ и писалъ ему: „Послушай, мой Эразмъ, не думаешь ли ты, что христіанинъ можетъ спокойно согласиться съ тѣмъ, что евангелисты должны были ошибаться въ евангеліяхъ? Если даже здѣсь колеблется авторитетъ, то гдѣ же еще искать истину?“ ²⁾. Но особенно напали на Эразма испанскіе монахи, профессора саламанскаго университета. Эразмъ вынужденъ былъ писать противъ нихъ апологію, въ которой пытался защитить свои взгляды и даже обосновать ихъ на твореніяхъ блаж. Иеронима, но защита оказалась чрезвычайно неестественной и неопредѣленной ³⁾. Конечно, онъ долженъ былъ въ значительной степени взять свои сужденія назадъ, но противорѣчіе все же осталось. Эразмъ указывалъ своимъ противникамъ на то, что взглядъ его на вдохновеніе предлагается имъ какъ средство для защиты авторитета слова

¹⁾ *Comment. in Matth. cap. 2 v. 27.* Сравни выраженіе того же Эразма въ толкованіи на X-ю главу Дѣяній Ап.: *Homines erant (scil. Apostoli), quaedam ignorabant, in nonnullis errabant.*

²⁾ *Erasm. Opera. Epistol. 303. Tom. III. 296.*

³⁾ *Apologia adversus Monachos quosdam Hispanos.* Здѣсь читаемъ: *Ubi memoriam et oblivionem gubernat Spiritus Sanctus, ibi tam est utilis oblivio quam memoria.*

Божія. По его мнѣнію, авторитетъ цѣлой Библия не уничтожается, если кто-либо изъ св. писателей допускаетъ ошибки въ послѣдовательности событій, при припоминаніи какого-либо имени или въ чемъ-либо подобномъ, что къ существу христіанской вѣры собственно не относится. Впрочемъ, если этотъ взглядъ нельзя принять, то Эразмъ готовъ охотнѣе повѣрить, что нѣкоторыя выраженія Св. Писанія испорчены или даже, если въ Св. Писаніи что-либо измѣнено, то это случилось для пользы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ человекъ, по причинѣ своей духовной немощи, не можетъ понять Св. Писаніе, хотя оно само по себѣ ясно. Сверхъ того, Эразмъ дѣлаетъ различіе между ошибками въ мысли и ошибками въ словѣ. Можетъ быть именно такой случай, что Духъ Святой допускаетъ ошибки въ словѣ или памяти у св. писателей, хотя самая мысль при этомъ остается неповрежденной ¹⁾).

Наряду съ этими довольно свободными сужденіями, которыя были выпущены изъ позднѣйшихъ изданій комментарія Эразма на евангеліе Маттея, у него встрѣчаются и совершенно другія, напр., что апостолы въ каноническихъ писаніяхъ не могутъ погрѣшать ни въ мысли, ни въ словѣ. Тамъ, гдѣ св. Духъ руководилъ воспоминаніемъ и забвеніемъ, послѣднее было такъ же полезно, какъ и первое, если можно только назвать забвеніемъ такой случай, когда рассказчику приходитъ что-либо на мысль и онъ тотчасъ же начинаетъ объ этомъ рассказывать.

Относительно практическаго пользованія Св. Писаніемъ Эразмъ Роттердамскій порицаетъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые по поводу одного какого-либо изреченія Св. Писанія говорятъ пышныя рѣчи, составляютъ силлогизмы и обширныя вступленія, и только уже на послѣднемъ мѣстѣ говорятъ о евангеліи, тогда какъ съ него-то именно они и должны были начать. Но онъ отвергаетъ также и произволь лютеранскихъ проповѣдниковъ, которые кричатъ въ одинъ голосъ: „евангеліе!“, а толковниками его хотятъ быть только сами ²⁾).

Д. Леонардовъ.

¹⁾ Advers. monach. quosdam Hispanos. Resp. 45 Hic fieri potuit, ut Spiritus sanctus passus sit illos labi in verbis aut fortasse roluerit eos labi memoria, manente sensus integritate.

²⁾ Opera, Epistol. 19 pag. 602. 603.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ВОЗРѢНІЯ

СВВ. ОТЦОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

(Продолженіе *).

2. Обзорѣніе произведеній свв. отцовъ и учителей церкви, въ которыхъ они касаются педагогическихъ вопросовъ.

Сдѣлавъ общій взглядъ на педагогическія возрѣнія свв. отцовъ и учителей церкви, мы приступимъ теперь къ обзорѣнію тѣхъ ихъ произведеній, въ которыхъ они такъ или иначе касаются педагогическихъ вопросовъ. Мы постараемся въ данномъ случаѣ указать главнымъ образомъ важнѣйшія ихъ произведенія, въ которыхъ они высказали основные взгляды на эти вопросы и болѣе или менѣе подробно разъяснили ихъ, при чемъ не будемъ подробно вдаваться въ разборъ этихъ сочиненій.

Изъ апологетическаго періода для насъ важны произведенія слѣдующихъ апологетовъ восточныхъ: Климента Александрійскаго († 217) и Оригена († 254); западныхъ: Тертуліана († 240) и Кипріана († 258). Изъ патристическаго періода мы будемъ имѣть въ виду произведенія слѣдующихъ знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви—восточныхъ: св. Василия Великаго († 379), св. Григорія Богослова († 390), св. Амфилохія Иконійскаго († 395), св. Іоанна Златоуста († 407), св. Исидора Пелусіота († 436); западныхъ: св. Амвросія Медиоланскаго († 397), бл. Іеронима († 420), бл. Августина († 430), св. Григорія Великаго (590—604), св. Бенедикта Нурсійскаго (480—544).

Кромѣ того, мы будемъ ссылаться и на постановленія апо-

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 2.

стольскія, поскольку въ нихъ выразились взгляды древней церкви, и на соборныя правила.

Изъ произведеній Климента Александрійскаго для насъ важны: „Λόγος προτρεπτικός“, „увѣщаніе язычниковъ“ въ 12 главахъ: „Παιδαγωγός“—„Педагогъ“ въ 3 книгахъ и „Στρωματεῖς“—„Строматы“ въ 8 книгахъ.

Въ первомъ сочиненіи Климентъ доказываетъ превосходство и древность христіанства предъ языческой религіей и философіей. Здѣсь важенъ взглядъ Климента на философію, въ которой онъ находитъ истинны, хотя, можетъ быть, и заимствованныя, по его мнѣнію, изъ св. Писанія.

Важнѣе для насъ второе его сочиненіе „Педагогъ“. Здѣсь Климентъ рисуетъ общій идеаль воспитателя въ лицѣ Слова—Христа. Любовь выставляется принципомъ, а богоподобіе—цѣлю воспитанія у такого педагога. Во 2 и 3 кн. Климентъ излагаетъ чистыя правила христіанской жизни и воспитанія. Педагогическая важность этого сочиненія понятна: здѣсь Климентъ довольно подробно и правильно изслѣдуетъ вопросъ о христіанскомъ воспитаніи, хотя имѣетъ въ виду главнымъ образомъ нарисовать не частный идеаль воспитанія, а идеаль общечеловѣческаго педагога. Но, помимо этого, здѣсь авторъ высказываетъ много мыслей и спеціально о воспитаніи юношества: опредѣляетъ характеръ и способъ воспитанія, указываетъ важность такого воспитанія для здѣшней жизни и будущей.

Въ третьемъ своемъ сочиненіи—„Строматахъ“ Климентъ излагаетъ начала Христіанской философій съ тѣмъ, чтобы опровергнуть ложныя мудрованія различныхъ гностиковъ его времени и заблужденія язычества. Здѣсь, между прочимъ, излагается взглядъ на отношеніе христіанства къ язычеству, философій къ христіанству, вѣры къ знанію,—устанавливается различіе истиннаго знанія отъ ложнаго. Педагогическое значеніе этого сочиненія заключается въ томъ, что здѣсь высказывается правильный взглядъ на отношеніе христіанства къ литературному достоянію язычества ¹⁾.

¹⁾ Больше подробно объ этихъ сочиненіяхъ излагается: у Freppel'я „Clemens d' Alexandrie“. Paris 1863 г.; у Schmid'a „Grundlinie d. Patrologie“ стр. 50—52 у Арх. Бориса: „Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отнош. къ грек. рим.

Изъ произведеній знаменитаго Оригена для насъ важны 3 его письма: къ Амвросію, къ Александрійскимъ братіямъ и къ св. Григорію Чудотворцу ¹⁾. Въ этихъ письмахъ Оригенъ высказываетъ свой взглядъ на изученіе философіи и свѣтскихъ наукъ, находя такое изученіе необходимымъ и полезнымъ.

Кромѣ того, взгляды Оригена на образованіе прекрасно переданы св. Григоріемъ Чудотворцемъ въ его похвальномъ Оригену словѣ, въ которомъ онъ говоритъ про Оригена, что онъ очень превозносилъ философію; онъ думалъ, что мудрость и разумъ обязываютъ человека ревностно изучать её и т. д. ²⁾.

Нѣкоторые взгляды на образованіе высказаны имъ и въ письмѣ, приведенномъ въ церковной исторіи Евсевія ³⁾. Нѣсколько мѣстъ съ педагогическимъ характеромъ можно найти у Оригена и въ его знаменитомъ сочиненіи „*Contra Celsum*“ (напр., lib 3, p. 643, 645 и др.). „Противъ Цельса“ и въ сочиненіи „*de principiis*“ (особенно 3-я книга); „О началахъ“.

Изъ произведеній выдающагося западнаго апологета Тертуллиана нужно указать на слѣдующія: „*Apologeticum*“ (Апологетикъ); „*ad nationes*“ (къ язычникамъ во 2 кн.); „*de anima*“ (о душѣ); „*de testimonio animae*“ (о свидѣтельствѣ души); „*de praescriptionibus haereticorum*“ (о давности противъ еретиковъ); „*resurrectione carnis*“ (о воскресеніи тѣла). Въ этихъ произведеніяхъ Тертуллианъ является горячимъ противникомъ древней философіи и ея изученія.

Въ сочиненіяхъ: „*de habitu muliebri*“ (о женскомъ покрывѣ); „*de cultu feminarum*“ (объ украшеніи женщинъ); „*de spectacu-*

образ.“ п. I; стр. 96—116; 134—138; 189—215; у Дмитревскаго: „Александр. школа“ стр. 34—78; у Скворцова: „Философія отцовъ и учителей“ періодъ аполог. стр. 201—224.

¹⁾ Origen Opera t. I, p. 3. s. 30—32. Edit Da-la-Rue (см. объ этомъ въ „Историч. учен. объ отцахъ церкви“ ч. I стр. 233—234, пр. 105; у Арх. Бориска цит. соч. п. I, стр. 136—137; у Huber'a „Die Philosophie der Kirchenväter s. 155.

²⁾ S. Gregor. Thaum. orat. in orig. s. VI. (См. объ этомъ панегирикъ у Neander'a: „Allgem Geschichte d. cristl Religion und. Kirche“. B. I, abt. 3. (1828 г.) s. 818—819; у Бориска цит. соч. стр. 168—169; Филаретъ въ цит. соч. стр. 137 говоритъ: „Похвальное слово Оригену—сочиненіе превосходное по изяществу слова, важное для исторіи церковнаго образованія“.

³⁾ Euseb. Histor. eccles. lib. VI. c. XVIII—XIX; Кое-что объ немъ, какъ учителѣ, говорится и въ сочин. бл. Иеронима: „*Liber de viris illustribus*“.

lis“ (о зрѣлищахъ); „de idolatria“ (объ идолослуженіи). Тертуллианъ возстаетъ противъ эстетическаго образованія, противъ изученія изящныхъ искусствъ, хотя въ послѣднемъ сочиненіи (de idolatria) не простираетъ своихъ жестокихъ ударовъ на литературное образованіе ¹⁾. Въ лицѣ Тертуллиана древняя церковь выставила характерную личность въ отношеніи взгляда на древнюю культуру и образованность и ея изученіе.

Къ взглядамъ Тертуллиана близко примыкаетъ и св. Киприанъ, которѣй имѣлъ для себя въ лицѣ перваго образецъ для подражанія, отъ чего сочиненія Киприана не отличаются ни новостію взглядовъ, ни оригинальностію ихъ изложенія: онъ часто повторялъ то, что сказано было Тертуллианомъ ²⁾. „Но св. Киприанъ стоитъ выше своего учителя,—говоритъ Архіеп. Филаретъ,—какъ по сердечной, нѣжной искренности, съ какою выражалъ онъ благочестивыя свои чувства, такъ и по естественности хода мыслей, по ихъ вѣрности, по слогу плавному и болѣе вѣрному“ ³⁾.

Киприанъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ западныхъ писателей, отличается практическимъ направленіемъ: у него не встрѣчаются философскія умозрѣнія и діалектическія разсужденія: его цѣлю было не анализировать христіанское ученіе, а скорѣе—вести его въ жизнь. сдѣлать послѣднюю во всѣхъ отношеніяхъ истинно-христіанскою ⁴⁾. Отсюда и всѣ сочиненія св. Киприана отличаются практическимъ характеромъ: въ нихъ рѣшаются разныя современныя жизненныя требованія и даются практическіе совѣты. Вотъ почему Киприанъ, какъ практикъ, съ пренебреженіемъ стносится къ философіи, этой отвлеченной наукѣ, что онъ высказалъ въ своихъ апологетическихъ сочиненіяхъ: „къ Довату о милости Божіей“; „о ничтожествѣ

¹⁾ Подробно объ его сочиненіяхъ см. у Möhler'a „Patrologie“ s. 701—789; у Freppel'я „Tertullien“ Par. 1864 г.; у Nirschl'я; Lehrbuch Patrr. 376; у Schmd'a цит. соч. ст. 58—61; у Филарета цит. соч. I ч. 185—196; у Бориса цит. соч. ст. 70—71; 126—130; 145—154; 184—185; всѣ сочиненія Тертуллиана существуютъ въ русс. пер. Корябева ч. I—IV 1847—1850 г.г.

²⁾ См. у Бориса цит. соч. 70—72; 185—186; у Филар. цит. соч. стр. 123. „Тертуллиана Киприанъ считалъ своимъ наставникомъ, говоритъ преосв. Филаретъ,—и самыя сочиненія показываютъ то же: стоитъ сличить трактаты Киприана de oratione dominica и de patientia съ таковыми-же Тертуллиана“. ³⁾ Ibid стр. 123.

⁴⁾ Борисъ цит. соч. п. I, стр. 186; Филаретъ цит. соч. т. I, стр. 123.

идоловъ“; и „къ Деметріану“. Изъ практическихъ сочиненій св. Кипріанъ нѣсколько педагогическихъ мыслей содержатъ слѣдующія: „О трудѣ и милостынѣ“, „объ одеждѣ дѣвѣ“ (24 гл.) ¹⁾, а также его письмо (62) „къ Помпонію о дѣвственницахъ“ ²⁾.

Перейдемъ теперь къ обзорѣнню произведеній отцовъ и учителей восточной церкви въ IV—V вв. Начнемъ съ св. Василія Великаго. Св. Василій Великій былъ не только великій богословъ, но и великій педагогъ, почему его произведенія имѣютъ для насъ особенную цѣнность.

Изъ его произведеній педагогическаго характера мы должны указать прежде всего на его капитальный трактатъ о чтеніи языческихъ сочиненій,—на его знаменитую 22-ю „Бесѣду къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями“ ³⁾. Время написанія этого педагогическаго трактата ученые относятъ къ концу жизни автора ⁴⁾, на основаніи начальныхъ словъ этой бесѣды ⁵⁾.

Цѣль этого трактата ясно опредѣляется традиціоннымъ его заглавіемъ: „Къ юношамъ, какъ надобно пользоваться еллинскою литературою“. Согласно съ этимъ заглавіемъ, и всѣ ученые единогласно признаютъ основной идеей этой бесѣды желаніе св. Василія разъяснить здѣсь и устранить предразсудки противъ изученія классической литературы,—раскрыть истин-

¹⁾ О сочиненіяхъ св. Кипріана см. Möhler'a „d. Patrol. s. 809—893; Schmid'a: „Grund. d. Patr.“ стр. 62—64; Филарета цит. соч. т. I стр. 123—132, у Бориса цит. соч. п. I, стр. 71—72; 185—186; на русс. языкѣ есть I—II тома его произведеній. Нѣсколько его сочиненій въ русс. переводѣ помѣщено въ „Хр. Чт.“ за 1825, 1832, 1835 и 1836 гг.

²⁾ См. Первый соб. корѣ. пр. 3 и 4.

³⁾ Это сочиненіе было одно изъ первоначальныхъ. Изданіе его то на греческомъ, то на латинскомъ, то на обоихъ мѣстѣ повторено до 200 разъ; оно переведено на всѣ европейскіе и нѣкоторые восточные языки. Charles in Fabr. Bibl. 9, p. 31—32. (См. у Филар. цит. соч. т. II с. 149, пр. 51).

⁴⁾ Daniel. Des etudes classiques dans la société chretienne p. 33: „cet opuscul est daté par saint Basile lui même, et il appartient a la fin de sa vie“.

⁵⁾ Вотъ какъ начинается эта бесѣда: „Много у меня побужденій посоветовать вамъ, что признано лучшимъ, и что, какъ я увѣренъ, будетъ вамъ полезно, и настоящій мой возрастъ, и упражненіе во многыхъ уже дѣлахъ, и достаточное извѣданіе всякихъ и всему научающихъ перемѣнъ сдѣлали меня опытнымъ въ дѣлахъ человеческихъ, такъ-что едва вступавшимъ въ жизнь могу указать какъ бы самый безопасный путь“ (S. Basilius Magnus. De legendis libris gentillum c. I, p. 243, ed. Garnier t. II; Русс. пер. ч. IV, стр. 344).

но-нравственное содержаніе литературныхъ сокровищъ и показать, что все великое и доброе въ произведеніяхъ еллиновъ было сообщено Богомъ человѣческому роду уже въ св. Писаніи¹⁾. Мысль эта не первымъ имъ высказывается,—она ранѣе высказывалась, напримѣръ, св. Іустиномъ Философомъ, Климентомъ Александрійскимъ и Оригеномъ²⁾. Но у св. Василія только она получаетъ полное, всестороннее разъясненіе и надлежащее освѣщеніе. Кромѣ того, св. Василій подражалъ въ своей рѣчи однородному по предмету и цѣли нравственно-педагогическому трактату Плутарха: „Quo modo adolescens роёtas avdire debeat“³⁾, при чемъ св. Василій пользуется даже выраженіями послѣдняго, не говоря уже о мысляхъ: это видно отчасти изъ сопоставленія нѣсколькихъ параллельныхъ мѣстъ обоихъ трактатовъ⁴⁾.

Мы не будемъ подробно разбиратъ этотъ трактатъ св. Василія, а только вкратцѣ укажемъ его сущность.

Весь трактатъ дѣлится на двѣ части и очень неравной величины. Въ первой части св. Василій доказываетъ юношамъ, что чтеніе языческихъ авторовъ можетъ быть имъ полезно; во второй—онъ даетъ имъ совѣтъ, какъ должно заниматься этимъ чтеніемъ, чтобы оно дѣйствительно сдѣлалось для нихъ полезнымъ. Въ обѣихъ частяхъ св. Василія разъясняетъ вопросъ о

¹⁾ Nicolae. „Grichische Literaturgeschichte in neuer Bearbeitung“. Dritt Band 1878 г. S. 211—212. То же высказываетъ и Garnier, издатель твореній св. Василія (s. Basilii opera omnia quae estant ed. g. Parisiis 1834 г. т. II. p. 243 и дал.), а также Tillemont и новѣйшіе издатели его твореній—Dubner и Lefranc. (Paris et Lyon 1839). (См. Docraens. D. Heil. Basilii und die class. Studien 1857, s. 29).

²⁾ Св. Іустинъ въ Увѣщательномъ словѣ къ Еллинамъ, въ разныхъ его мѣстахъ. Климентъ—въ „Λόγος προτρεπτικός“ „Παίδάγωγος“ и „Στρατηγικός“. Оригенъ въ письмахъ къ Амвросію, Алекс. братіямъ, къ св. Григорію Чудотворцу, также въ „похвальн. ему словѣ“ св. Григорія Чуд. гл. 6.

³⁾ „Πῶς δεῖ τὸν νέον ποιημάτων ἀκούειν“. Этотъ трактатъ цитруется подъ заглавіемъ: „De avdiendis adolescenti роёtis“. См. Nicolai цит. соч. В. II, 2 Häit s. 646.

⁴⁾ Эти параллельныя сопоставленія сдѣланы Архим. Борясомъ въ его цит. соч. пер. II, (Пр. Соб. 1886 г. ч. I, стр. 55—56), а также можно видѣть въ соч. Fralon'a: «Etude histor. et litter. sur. S. Basile Paris» 1861 г. p. 34 и 90; Nicolae цит. соч. В. III, s. 211. Въ этомъ трактатѣ св. Василій обнаружилъ богатую образованность и обширныя свѣдѣнія изъ древне-классической литературы.

пользѣ чтенія съ христіанской точки зрѣнія и о конечной цѣли человѣческой жизни—достигнуть блаженной загробной жизни.

Въ разсужденіи о пользѣ изученія классическихъ писателей св. Василій выставляетъ ту пользу, что это изученіе для христіанскаго юношества имѣетъ важное пропедевтическое значеніе для усвоенія высшихъ христіанскихъ истинъ и, помимо этого, другое, побочное значеніе—то, что оно содѣйствуетъ облаченію этихъ истинъ въ изящную словесную форму. Вопросъ о томъ, какъ должно заниматься чтеніемъ языческихъ авторовъ, св. Василій рѣшаетъ съ точки зрѣнія нравственнаго принципа: совѣтуетъ усвоить только то, что полезно для добродѣтельной жизни.

Кромѣ этого трактата, св. Василій касается вопроса объ изученіи классическихъ авторовъ въ двухъ своихъ письмахъ—противъ Евстаѳія Севастійскаго и къ Ливанію ¹⁾, а также и въ своихъ монашескихъ правилахъ ²⁾,—въ которыхъ онъ какъ-бы неблагосклонно относится къ этому изученію. Но такой взглядъ св. Василія, выраженный въ этихъ письмахъ и правилахъ, объясняется разными обстоятельствами, при которыхъ онъ ихъ писалъ, а также и иной точкой зрѣнія на это дѣло. Вообще св. Василій ничуть не измѣнилъ своего благосклоннаго отношенія къ классическому образованію, что и высказалъ въ вышеупомянутомъ трактатѣ, написанномъ имъ въ концѣ своей жизни, послѣ этихъ писемъ и правилъ ³⁾. Упомянемъ и о правилахъ св. Василія. Въ числѣ этихъ правилъ есть одно (15-й вопросъ и отвѣтъ), въ которомъ св. Василій начертываетъ цѣлую систему монастырскаго воспитанія и образованія. Здѣсь встрѣчаются мысли, имѣющія важное обще-педагогическое значеніе: о духѣ и характерѣ воспитанія, о наказаніяхъ, ихъ примѣненіи и значеніи, о методѣ и характерѣ обученія грамотѣ и проч.

Кромѣ указанныхъ сочиненій св. Василія, для насъ важны нѣкоторыя его письма, напр. 292, 268, 235, 24, 39, 22 и другія.

Изъ произведеній св. Григорія Богослова для насъ важны

¹⁾ Письмо противъ Евстаѳія 223 (по другимъ 215) и къ Ливанію 339 (по другимъ 328) см. Твор. св. Вас. въ русс. пер. ч. 7, 1848 г. (стр. 121-131 и 336-337).

²⁾ Монаш. прав. тв. русс. пер. ч. 5, воп. 15 (стр. 131—136).

³⁾ Прекрасно объясняетъ это кажущееся неблагосклонное отношеніе св. Василія къ классическому образованію Арх. Борися въ кат. соч. (Ир. Соб. 1886 г. I ч. стр. 45—53).

его похвальное слово св. Василию, которое онъ произнесъ въ Кесаріи надъ его гробомъ въ 381 г.; ¹⁾, первое обличительное слово на императора Юліана ²⁾,—написанное имъ по поводу закрытія послѣднимъ христіанскихъ школъ и запрещенія христіанскимъ учителямъ преподавать классическую литературу,—и два его стихотворенія (XLIX и L по изданію Мореля): первое озаглавляется: „*Παρά Νικοβούλου πρὸς τὸν πατέρα*“, (ad Nicobulum patrem Nicobuli filii nomine), а второе: „*Νικοβούλου πρὸς τὸν οὐῖόν*“ (Nicobuli patris ad filium) ³⁾.

Во всѣхъ указанныхъ произведеніяхъ св. Григорій является горячимъ защитникомъ изученія свѣтскихъ наукъ ⁴⁾.

Кромѣ того, мы будемъ имѣть въ виду и нѣкоторыя другія произведенія св. Григорія, въ которыхъ онъ такъ или иначе касается вопросовъ воспитанія и образованія, напр., его надгробное слово своей сестрѣ Горгоніи, его 79 письмо и др.

Отъ св. Амфилохія Иконійскаго, современника и друга св. Василия Великаго и св. Григорія Богослова, осталось и дошло до насъ обширное письмо въ стихахъ (ямбахъ) къ Селевку, племяннику св. Олимпіады (ея сестры) и внуку военачальника Траяна ⁵⁾. Письмо это педагогическаго характера и подобно рѣчи св. Василия: о надобности читать книги язычниковъ ⁶⁾. Въ

¹⁾ S. Greg. Nazians. Oratio funeribus in laudem. Basilii Mag. E. d. Morel. t. I, p. 323—324.

²⁾ Твор. св. Григорія въ русс. пер. ч. I-я, слово I-я обл. на царя Юліана с. 155—156.

³⁾ S. Greg. Naz. Carmen ad Nicobulum patrem. vv 42—66 ed. Morel.; ibid. carmen Nicobuli ad filium vv 1—6. (Цит. по Борису цит. соч. Пр. соб. 1886. ч. II, стр. 135—137).

⁴⁾ Болѣе подробный разборъ указанныхъ сочиненія св. Григорія можно найти у Бориса цит. соч. Спр. Соб. 1885 г. ч. 3, стр. 433—444; 1886 г. ч. 2, стр. 125—137; въ соч. Альфионова: „Юліанъ и его отношеніе къ христіанству“; Ауера: „Kaiser Iulian der Abtrünnige im Kamfe mit d. Kirchenvätern seiner Zeit“ 1855 г. s. 126 и др. у Ullman'a: „Gregor von Nazianz d. Theologe“. Darmst. 1825. s. 89 und pas.

⁵⁾ Что это письмо принадлежитъ св. Амфилохію, а не св. Григорію Богослову, какъ думаютъ нѣкоторые, доказывается свидѣтельствомъ отъ древности: ему приписываетъ Трульскій соборъ, писатель VI вѣка Козьма Индикоплавъ, св. Дамаскинъ, св. Козьма Маюмскій (см. у Архіеп. Фил. цит. соч. т. II, стр. 214—215).

⁶⁾ Въ виду особенно важнаго педагогическаго значенія этого письма св. Амфилохія, оно, подобно указанной рѣчи св. Василия, было нѣсколько разъ издаваемо отдѣльно отъ другихъ твореній св. Амфилохія. Таковы изданія: „Amphilochii

этомъ письмѣ св. Амфилохій совѣтуетъ Селевку прежде всего воспитать въ себѣ любовь и страхъ къ Богу и изученіе наукъ тѣсно соединить съ нравственнымъ своимъ развитіемъ ¹⁾.

Св. Іоаннъ Златоустъ, этотъ знаменитый проповѣдникъ и писатель древней церкви, очень много и во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній касается вопроса о воспитаніи и образованіи дѣтей, такъ что, если бы собрать всѣ эти его разсужденія во едино, то получился бы порядочный томъ ²⁾. Къ числу такихъ произведеній относятся слѣдующія: „О священствѣ“ ³⁾, довольно обширное сочиненіе, состоящее изъ 6 книгъ; 3-я книга (или слово) „противъ порицающихъ монашескую жизнь“; ⁴⁾ „бесѣды I—IV объ Аннѣ“ ⁵⁾; „бесѣда на слова вдовица да причитается не менши лѣтъ шестидесяти“ (II Тим. 5, 9) ⁶⁾; толкованія на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ (Бес. 12) ⁷⁾; толкованія на первое посланіе Ап. Павла къ Тимофею (Бес. 8 и 14) ⁸⁾; толкованія на посланіе Ап. Павла къ Титу (бес. 4) ⁹⁾; толкованія

epistola gr. et lat. ed. Zehner'a Schleus 1609 in. 8°; „Amphilochii de recta studiorum ac vitae ratione epistota ad Seleucum gr. et lat. ed. N. Ritteschusius Altorffi 1644 г. in. 8°“; „Gr. et lat. ed. A. Cuno Mag. 1695 in 4; „Gr. et lat. ed. I. Bernholdus altorffi 1740 г. in. 8°“; Fessleri „Institutiones. Patrologiae t. I“, 1850 г. p. 631; I. Ubalchii „Biblioteca patristica“. Ienae 1834 г. p. 413.

¹⁾ Болѣе подробный разборъ этого сочиненія см. у Бориса цит. соч. Цр. Соб. 1886 г. ч. II; ст. 139—143); у Архiep. Фил. цит. соч. ч. II; стр. 214—215.

²⁾ Такія выборки изъ твореній св. Златоуста о воспитаніи стали составляться очень давно. Такъ Камбефизъ (Paris. 1656 г.) издалъ сочиненіе св. Златоуста, подъ названіемъ: „О воспитаніи дѣтей“ (см. у Филарета цит. соч. т. II, стр. 320, пр. 252). Недавно вышла брошюра: „О воспитаніи дѣтей изъ твор. св. I. Злат.“ С. Пос. 1893 г. (16 стр.).

³⁾ Это сочиненіе св. Златоуста „о священствѣ“ много разъ было издаваемо отдѣльно. Лучшія изданія: Chrysostomi de sacerdotio lib. VI graec., ed. stereot. Lips. 1825 г.; Bengelii ejusdem prolegomenis et animadversionibus. O. suas notas adjecit. Leo. Lips. 1834 г.; Русс. пер. Сп. 1834 г.; русс. пер. Матвѣевскаго (Сп. 1872 и 1879 гг.); русс. пер. Колоколова Сп. 1874 г. Кроме того см. De sacerdotio patr. ed. Migne t. I, p. 2 (patr. graec. t. XVII).

⁴⁾ Это слово очень обширное. См. Твор. Злат. русс. пер. т. III, слова (1850) стр. 139—233.

⁵⁾ См. Твор. Злат. русс. пер. бесѣды т. II, (изд. 2-е), Сп. 1850, стр. 1—85.

⁶⁾ Бесѣды на разныя мѣста св. Писанія т. III, (Сп. 1863), стр. 140—175.

⁷⁾ См. Толк. Злат. на Посл. къ Коринѳ. русс. пер. ч. I, Сп. 1857, стр. 198—223.

⁸⁾ См. св. Злат. Бесѣды на 1-е посл. къ Тимофею русс. пер. (1859), стр. 108—129; стр. 194—214.

⁹⁾ См. Злат. Толков. на посл. къ Титу русс. пер. (1859), стр. 46—50.

на посланіе Ап. Павла къ Ефесянамъ (бес. 21) ¹⁾; а также толкованія на посланіе къ Колоссянамъ, на Ев. Матѳея и другія произведенія, которыя мы будемъ указывать въ своемъ мѣстѣ.

Въ сочиненіи „о Священствѣ“ св. Златоустъ доказываетъ необходимость разносторонняго образованія для кандидатовъ священства, которые берутъ на себя обязанность учить и руководить другихъ, при этомъ обличаетъ несправедливость мнѣнія, будто-бы служители алтаря могутъ быть такъ-же незнакомы съ образованностію, какъ незнакомы были апостолы. Златоустъ говоритъ, что апостолы не были такъ необразованы, какъ думаютъ, да, кромѣ того, они были исполнены особенныхъ даровъ св. Духа, недоступныхъ для другихъ (4 кн.). Въ 5 книги Златоустъ говоритъ, что священникъ съ умственнымъ развитіемъ долженъ соединять и нравственное совершенствованіе ²⁾. Въ остальныхъ сочиненіяхъ св. Златоустъ, по преимуществу, трактуетъ о воспитаніи въ собственномъ смыслѣ.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ изъ восточныхъ отцовъ о св. Исидорѣ Пелусіотѣ. Хотя онъ не оставилъ особаго сочиненія, въ которомъ-бы трактовалъ о педагогическихъ вопросахъ, но онъ часто касается послѣднихъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ ³⁾. Напр., въ письмахъ 76, 141 и 638 св. Исидоръ говоритъ, что первымъ и важнѣйшимъ предметомъ человѣческаго знанія должно признать Господа Бога, истины вѣры и благочестія, а потому совѣтуетъ „посѣвать въ дѣтяхъ, когда они еще малы, ученіе сперва о Божіемъ величіи, о Промыслѣ, а потомъ и о добродѣтели“. Въ письмѣ 543 излагаетъ порядокъ чтенія и изученія св. Писанія.

¹⁾ См. Бесѣды Злат. на посланіе Ап. Павла къ Ефес. русс. пер. ч. I, стр. 344—359 (Сп. 1858 г.).

²⁾ Болѣе подробно это сочиненіе разобрано у Преосв. Филарета цит. соч. т. II, стр. 320—322; у Бориса цит. соч. (Пр. Соб. 1886 г. ч. II 388—389).

³⁾ Число этихъ писемъ, извѣстное Свидѣ и Никифору, простиралось до 10,000, но нынѣ не превышаетъ 2090 (см. у Филарета цит. соч. т. III, стр. 69). Изданія сочиненій св. Исидора: S. Isidori Pelusioti Epistolarum libri V. Paris V 638; Venetiis 1745; Petri Possini Isidorianae collationes, quibus ipistolae suplentur. Romae 1670. О сочиненіяхъ в изданіяхъ Намейеръ; Comm. de s Isidors p. 29—147. Большая часть писемъ, переведенныхъ въ М. Д. Академія, помѣщены въ Хр. Чт. за 1826, 1828, 1830, 1832, 1834—1836 г.г.; нѣсколько избранныхъ писемъ въ Воскр. Чтен. 1848—1849 (см. у Филарета цит. соч. пр. 32). Кромѣ того, см. у Migne ser. gr. t. 78, coll. 9—1674.

Въ письмѣ 134 онъ совѣтуетъ съ самаго ранняго возраста „упражняться въ изощряющихъ разсудокъ наукахъ“. Въ письмѣ къ еп. Елафію (201) сильно негодуетъ на тѣхъ, которые въ его время изучали словесность не для существенной пользы духовной, а лишь для того, что-бы сладкою, красивою рѣчью ласкать одинъ слухъ слушателей и забавлять ихъ, но заключаетъ говоря, что надобно писать слогомъ Демосеена. До 130 писемъ его касаются правилъ изящной рѣчи. Вообще нужно сказать, что св. Исидоръ, какъ наставникъ практической ¹⁾, высказалъ довольно много дѣльныхъ мыслей о воспитаніи и образованіи дѣтей и далъ много полезныхъ практическихъ совѣтовъ ²⁾.

Перейдемъ теперь къ обзорѣнію произведеній западныхъ отцовъ и учителей церкви.

Изъ сочиненій св. Амвросія Медиоланскаго мы должны обратить вниманіе на его трактатъ: „о должностяхъ священниковъ“ (въ 3 книгахъ), въ которомъ, между прочимъ, есть особая глава (17 гл. 1 кн.), подъ заглавіемъ „о юношескихъ должностяхъ“ ³⁾. Кромѣ этой главы, нѣсколько педагогическихъ мыслей можно найти и въ другихъ книгахъ и главахъ (напр., въ 20 гл. 1-й кн., 20 гл. 2 кн. и др.) этого сочиненія. Касается педагогическихъ вопросовъ св. Амвросій и въ своихъ толкованіяхъ на посланіе къ Ефесеянамъ (гл. 6, 4), а также въ письмѣ къ Сисинію (83). Свой взглядъ на необходимость изученія свѣтскихъ наукъ св. Амвросій высказываетъ и въ письмѣ къ императору Валентиніану ⁴⁾, въ которомъ онъ ходатайствуетъ предъ послѣднимъ о возвращеніи христіанамъ права свободно преподавать свѣтскую литературу,—права, отнятаго у нихъ извѣстнымъ эдиктомъ Юліана.

¹⁾ „Практическая философія, по его словамъ, есть основаніе зданія и самое зданіе, логика—украшеніе, созерцаніе—вѣнецъ“ (Пис. 201). Св. Исидоръ, подобно своему учителю св. Златоусту, былъ болѣе практическаго склада мыслей; этотъ характеръ его виденъ и въ его педагогическихъ воззрѣніяхъ.

²⁾ Объ его сочиненіяхъ можно найти болѣе подробныя разсужденія у Kihn'a, Kirchenler 2 aufl. VI B. S. 964 ff; у преосв. Филарета цит. соч. I. III, с. 68—74; у Schmid'a цит. соч. с. 101—102; въ соч. „Жизнь св. Исидора“ (Приб. къ тв. св. со. 14).

³⁾ См. Слав. перев. изд. 1776 г. стр. 13. Это сочиненіе св. Амвросій написалъ по образу ццероновскаго „de officiis“ и не безъ вліянія послѣдняго.

⁴⁾ Epist. XXX ad imper. Valentinianum. Соч. св. Амвросія въ Patr. Migne t. 14—17; вѣзднованіе оныхъ можно найти у Филарета цит. соч. т. II, 225—232; въ Патрологіяхъ Schmid'a, Möhler'a, Alzog'a и др.

Гораздо болѣе, чѣмъ св. Амросій, высказалъ свои взгляды на воспитаніе бл. Иеронимъ. Изъ его произведеній для нашей цѣли важны: письмо къ Летѣ ¹⁾, супругѣ извѣстнаго Токсоція,—которая заботилась воспитать свою дочь Павлу въ служеніи Богу и теперь просила совѣта относительно этого у бл. Иеронима;—письмо къ сенатору Гавденцію о воспитаніи маленькой Накатулы ²⁾;—письмо къ папѣ Дамасу ³⁾;—письмо къ римскому ритору Магну ⁴⁾;—письмо къ Евстохіи ⁵⁾;—сочиненіе противъ Руфина, пресвитера аквилейскаго ⁶⁾;—толкованія на посланія къ Ефесянамъ ⁷⁾.

Въ письмахъ къ Летѣ и Гавденцію бл. Иеронимъ очень подробно касается вопроса воспитанія и образованія и, хотя онъ даетъ здѣсь совѣты о воспитаніи дѣвочекъ, но они могутъ быть примѣнены и къ воспитанію мальчиковъ. Эти два письма—образцы мудрыхъ совѣтовъ о воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія. Особенно это вужно сказать о первомъ письмѣ, въ которомъ представляется почти цѣлая система женскаго воспитанія. Правда, оба письма по мѣстамъ проникнуты строго—аскетическимъ характеромъ, но это потому, что они ближайшимъ образомъ относились къ юнымъ дѣвамъ, еще отъ утробы матерней предназначеннымъ для жизни иноческой. Въ письмахъ къ ритору Магну и въ сочиненіи противъ Руфина бл. Иеронимъ является защитникомъ изученія свѣтскихъ наукъ. Правда, въ письмѣ къ Дамасу онъ ратуетъ противъ этого изученія, но ратуетъ только противъ крайняго увлеченія имъ. Въ письмахъ-же къ Евстохіи онъ порицаетъ себя за изученіе свѣтскихъ наукъ по особымъ обстоятельствамъ ⁸⁾.

Великій философъ и богословъ западной церкви—бл. Августинъ во многихъ своихъ произведеніяхъ и очень подробно касается разныхъ педагогическихъ вопросовъ. Изъ его произве-

¹⁾ Твор. Иерон. русс. пер. т. II, стр. 433—448.

²⁾ Твор. русс. пер. т. III, 85—91.

³⁾ Твор. т. I, п. 20, стр. 77—100.

⁴⁾ Твор. т. II, п. 65, стр. 250—255.

⁵⁾ Твор. т. I, стр. 100 и дал.

⁶⁾ Твор. т. IV, 366 и дал.

⁷⁾ См. у Migne т. XXVII греч. р. 540. Разборъ сочиненій бл. Иеронима можно найти у Филарета цит. соч. т. II, 354—384; у Бориса цит. соч. (Пр. Соб. 1887 г. ч. III, 170—187); у Zöckler'a Hieronimus. Sein Leben und Wirken aus seinem Schriften dargestellt. 1865; въ патрологіяхъ Schmig'a и др.

⁸⁾ См. у Бориса цит. соч. (Пр. Соб. 1887 г. ч. III стр. 174—175 и др.

деній для насъ важны слѣдующія: „о порядкѣ“ (de ordine), „поправки“ (Retractationes); „о христіанской наукѣ“ (de doctrina christiana); „исповѣдь“ (confessiones) и „объ оглашенія (de catechisandis rudibus).

Трактатъ „de ordine“ ¹⁾, состоящій изъ двухъ книгъ, написанъ былъ бл. Августиномъ вскорѣ послѣ его обращенія, когда онъ, отказавшись отъ риторской профессіи, жилъ въ сельскомъ уединеніи въ окрестностяхъ Милана, на дачѣ друга своего Верекунда ²⁾. Въ этомъ сочиненіи онъ трактуетъ о тѣхъ наукахъ, какія можно и необходимо изучать христіанину,—говоритъ о характерѣ этого изученія.

„Retractationes“ ³⁾, какъ самое слово показываетъ („поправки“), написано съ цѣлю исправить нѣкоторыя мысли, слишкомъ преувеличено высказанныя въ первомъ сочиненіи. Здѣсь, между прочимъ, бл. Августинъ упрекаетъ себя за преувеличеніе важности свѣтскихъ наукъ, высказанное имъ въ „de ordine,—наукъ, которыхъ многіе святые не знали, а нѣкоторыхъ изъ знающихъ не сдѣлали святыми“ ⁴⁾. Дѣйствительно, въ „de ordine“ есть такое мѣсто ⁵⁾, изъ котораго вытекаетъ заключеніе, что тѣ, чей умъ не былъ развитъ изученіемъ свободныхъ наукъ, никогда не достигнутъ того высокаго созерцанія, какое составляетъ единственное блаженство праведныхъ въ этой жизни. Очевидно, поправка бл. Августина относится къ этой мысли, и остальное, гдѣ рѣчь идетъ не о благодатныхъ дарахъ, но о богословской наукѣ, остается во всей силѣ ⁶⁾.

Еще болѣе имѣетъ для насъ значенія сочиненіе бл. Августина „de doctrina christiana“ (о христіанской наукѣ), состоящее изъ четырехъ книгъ. Начато оно 397 г., окончено 426 г. ⁷⁾. Это сочиненіе ⁸⁾ включаетъ въ себѣ много мыслей педагогическаго характера, хотя спеціальная его цѣль—выяснить и опредѣлить правила для лучшаго и надлежащаго уразумѣнія Св. Писанія. Особенно важна для насъ изъ этого сочиненія

¹⁾ „De ordine“ т. I ед. Migne col. 1006; русс. пер. т. ч. II, стр. 139—226.

²⁾ Написано около 381 г. см. Жизнь и творенія бл. Августина II, 1855 г. стр. 32.

³⁾ Ед. Migne pat. t. I col. 538. Написано св. 427 г. соч. „Жизнь и творенія“ стр. 29.

⁴⁾ Migne ibid. Lib. I, стр. 3.

⁵⁾ См. русс. пер. ч. II, гл. 9, стр. 199.

⁶⁾ Daniel, Des Etudes classiques dans la société chretienne. 55.

⁷⁾ „Жизнь и творенія бл. Августина“, стр. 70.

⁸⁾ Русскій перев. этого сочиненія издаи. въ 1835 г. въ Кіевѣ.

вторая книга, озаглавливающаяся: „О знаніяхъ и языкѣ вообще,—о качествахъ, необходимыхъ для изъясненія Св. Писанія, и о препятствіяхъ и пособіяхъ къ изъясненію онаго“¹⁾. Здѣсь бл. Августинъ трактуетъ о томъ, такіа званія и науки необходимы для правильнаго пониманія Св. Писанія и какъ изучать ихъ. Онъ указываетъ тѣ же науки, что и въ „de ordine“, но только болѣе подробно выясняетъ значеніе ихъ и, кромѣ того, даетъ многочисленныя и мудрыя совѣты относительно пользованія ими безъ вреда для нравственности“²⁾. Важна для насъ и 4-я книга этого сочиненія, въ которой бл. Августинъ даетъ „ваставленіе церковному оратору“.

Въ своей „исповѣди“ (confessiones)³⁾ бл. Августинъ сильно критикуетъ постановку дѣла воспитанія и образованія въ современныхъ ему школахъ, а также упоминаетъ и о своемъ домашнемъ воспитаніи. Онъ много высказываетъ здѣсь психологически—вѣрныхъ наблюденій и прекрасно ихъ иллюстрируетъ. Критика современнаго строя воспитанія отягчается у него крайнею рѣзкостью, въ виду его сильно развращающаго вліянія на тогдашнее юношество, примѣромъ чего бл. Августинъ выставляетъ самаго себя. Критикуя характеръ современнаго образованія, бл. Августинъ находитъ его „нелѣпымъ“, въ виду игнорированія въ данномъ случаѣ нравственными требованіями. Судя съ этой точки зрѣнія, бл. Августинъ потому и называетъ занятія свѣтскими науками въ тогдашнихъ школахъ „суетными занятіями нелѣпостями“⁴⁾. Много дѣльныхъ мыслей высказываетъ онъ здѣсь и по поводу тогдашней школьной дисциплины. Что касается сочиненія „de catechisandis rudibus“, то оно важно въ томъ отношеніи, что здѣсь, напр., бл. Августинъ требуетъ при оглашеніи и вообще при первоначальномъ ученіи „наглядности“ обученія, а также старается обосновать все первоначальное преподаваніе на историческомъ методѣ (narratio)⁵⁾.

1) Ibid., стр. 67—160.

2) Ibid., кн. II, гл. LVIII.

3) Русс. пер. 1-я ч. всл. Сочиненіе это написано имъ около 400 г. и состоитъ изъ 13 книгъ, изъ которыхъ въ первыхъ десяти изображается жизнь бл. Августина отъ самаго его рожденія до времени обращенія его въ христіанство, а въ послѣднихъ трехъ размышленія на слова Бѣтописателя: „въ началѣ Богъ сотвори небо и землю“ (см. „Жизнь и творенія бл. Августина“ стр. 39).

4) Твор. I ч., I кн. гл. 16—18.

5) „Жизнь и творенія бл. Августина“, стр. 88; а также соч. Palmer'a: „die Pädag. d. Kirchen“ стр. 155. Болѣе подробное изложеніе указанныхъ сочиненій бл. Августина можно найти у Филарета цит. соч. т. III, стр. 25—44; у Борьса

Кромѣ указанныхъ сочиненій, мы будемъ ссылаться, гдѣ будетъ нужно, и на другія его сочиненія, такъ или иначе касающіяся разсматриваемыхъ нами вопросовъ, таковы, напр.: „объ учителѣ“ (de magistro); „о музыкѣ“ (de musica); письмо къ Бонифацію (XCVIII); толкованія на I-е посланіе къ Тимофею и др.

Упомянемъ еще изъ западныхъ отцовъ о св. Бенедиктѣ Нурсійскомъ и св. Григоріи Великомъ, какъ послѣднихъ представителей свято-отеческой педагогики и переходныхъ въ средне-вѣковой.

Св. Бенедиктъ Нурсійскій, основатель знаменитаго Монте-Кассинскаго монастыря ¹⁾, составилъ монашескія „правила“ (Regula S. Benedicti) ²⁾, состоящія изъ 73 главъ, въ которыхъ, между прочимъ, даются и наставленія относительно воспитанія и образованія дѣтей. Наставленія эти, какъ вообще всѣ правила, отличаются большою строгостію ³⁾.

Въ духѣ св. Бенедикта высказываетъ свои взгляды и св. Григорій Великій ⁴⁾, изъ произведеній котораго для насъ важны: „Правило пастырское“ ⁵⁾, „Диалоги или разговоры о жизни ит. соч. (Пр. Соб. 1887 г. 3 ч. стр. 267—286); у Palter'a ит. соч. 145—149 и 153—156; у Schmid'a ит. соч. 121—128, и др.

¹⁾ Этотъ монастырь, въ которомъ, по уставу св. Бенедикта, старые монахи должны были заниматься и занимались списываніемъ рукописей (ordo scriptorium) и обученіемъ дѣтей, оказалъ великую услугу дѣлу воспитанія и образованія въ средніе вѣка, а также и наукѣ, разныя памятники которой были здѣсь сохранены, а потомъ издаваемы (см. у преосв. Филарета ит. соч. т. III, стр. 144).

²⁾ Эти правила до 1595 г. имѣли уже до 100 изданій; съ комментаріями Смаграда и Туррекрематы изданы они въ Кельнѣ 1575 г. Помѣщены in Holsteni codice regularum Par. 1673 г.; съ учеными комментаріями Гуго Менандра въ его изданіи правилъ Бенедикта; съ исправленнымъ текстомъ: Marteni regula et comm. in reg. S. Benedicti Par. 1690. 4, 1695 (см. у Филарета ит. соч. 3 т. стр. 144, пр. 2). Эти правила, пришедшіяся, вслѣдствіе своего практическаго характера, по духу западнымъ христіанамъ, имѣли большое вліяніе на другіе монашескіе уставы запада. Папа св. Григорій Великій называетъ эти правила сочиненіемъ «discrione praecipuam, sermone loculentam», а Николай Германскій свои объясненія на эти правила заключаетъ такими словами: „ut rosa flasi floram, sic est liber iste liberorum“. (См. Grundlinie Patr. Schmid'a стр. 167).

³⁾ Богѣе подробно разобраны эти правила у Schmid'a ит. соч. с. 166—167; у Palmer'a ит. соч. стр. 163—164; у Филарета ит. соч. т. III, с. 144—145; у Brandes'a—Leben Benedicts Regel и Erklärung derselben 3 Bänd. 1856—1858 г.; у Lechner'a—Leben d. H. Benedikt: Regensb. 1859 г.

⁴⁾ Св. Григорій не отличался ни любовію къ образованности, ни высокою образованностію. Но онъ замѣчательнѣе своею практическою дѣятельностію, и его педагогическіе совѣты отличаются именно такимъ характеромъ (см. Филар. ит. соч. т. III, стр. 183).

⁵⁾ Русс. пер. „Нрав. наст.“ въ Хр. Чт. 1847 г. по нѣсколькимъ разговорамъ Migne t. LXXV—LXXIX.

и чудесахъ италійскихъ отцовъ“ въ 4-хъ книгахъ ¹⁾); письмо къ Дезидерію, еп. Виндобонскому (Вѣнскому)“ ²⁾); „письмо къ императорской принцессѣ Теокистѣ о воспитаніи принцовъ“ ³⁾), и отчасти толкованія на книгу Іова (21 гл. 19 ст.) ⁴⁾).

Въ третьей части „Пастырскаго правила“ св. Григорій, излагая ученіе о пастырской дѣятельности въ отношеніи различныхъ классовъ людей, предлагаетъ и педагогическія наставленія; говоритъ о дѣйствіяхъ въ отношеніи къ юношамъ,—говоритъ, что суровость и строгость болѣе дѣйствуютъ въ отношеніи къ нимъ, чѣмъ къ возмужалымъ лицамъ, къ которымъ необходимо примѣнять болѣе мягкія увѣщанія и т. д.

Въ письмѣ къ Дезидерію св. Григорій возстаетъ противъ чтенія и изученія классическихъ авторовъ ⁵⁾).

Въ письмѣ къ императорской принцессѣ Теокистѣ (ep. lib. VII, 26) св. Григорій даетъ ей нѣсколько наставленій относительно воспитанія принцевъ: совѣтуетъ воспитать ихъ къ нравственному образу жизни,—установить между ними любовь,—научить съ кротостію обращаться съ подчиненными и т. д.

Въ толкованіи на книгу Іова (21 гл., 19 ст.) св. Григорій говоритъ о томъ, что за грѣхи отцовъ отвѣчаютъ дѣти, а потому отцы должны вести себя добродѣтельно и воспитывать дѣтей надлежащимъ образомъ ⁶⁾).

Кромѣ указанныхъ свв. отцовъ и учителей церкви, мы будемъ ссылаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на другихъ, на примѣръ св. Іустина Философа, св. Кирилла Іерусалимскаго, св. Антонія Великаго, Евсевія Кесарійскаго, св. Григорія Нисскаго, св. Аѳанасія Великаго, св. Епифанія Кипрскаго, св. Ефрема Сирина и др.,—сочиненія которыхъ, по незначительности въ нихъ педагогическихъ сужденій, подробно разсматривать не будемъ.

Н. Миролобовъ.

(Продолженіе будетъ).

1) Въ Хр. Чт. за 1834 (836 и др.).

3) Ibid.

2) Epist. lib. VII, 25.

4) Всѣ его сочин. въ издан.

5) Ep. II, 51 Guillon Biblioth. t. XXIV, p. 129 и дал.

6) Болѣе подробный разборъ указанныхъ сочиненій можно найти у Schmid'a цит. соч. стр. 171—173; у преосв. Филарета цит. соч. т. III, стр. 183—186; у Palmer'a цит. соч. стр. 128—129; отчасти у Бориса цит. соч. (Пр. Соб. 1884 г. ч. III, стр. 471—472; у Heeren'a—Geschichte d. class. Lit. im Mittelalter. t. I, 78—80; у Lau. Greg. d. Gr. Leipz. 1845; у Wolfsgruber'a Greg. d. gr. Baut. 1890 г.; у Del Pozzo, Lastoria della vita di. s. Greg. Roma 1758 г.

Іудейскія и Христіанскія идеи въ книгахъ Сивиллъ.

(Продолженіе *).

3. Эсхатологическія представленія сивиллъ.

Едва-ли не самой интересной темой въ сивиллиныхъ книгахъ являются эсхатологическія представленія. Гоненія со стороны язычниковъ на іудеевъ 2 в. до Р. Хр. и послѣдователей Христа первыхъ 3 вв. по Р. Хр. оживили у тѣхъ и другихъ надежды на лучшее будущее, когда они—гонимые—будутъ блаженствовать, а гонители получаютъ отъ Бога достойное по дѣламъ ихъ возмездіе. Сивиллы, какъ послушныя своему народу служанки, влагаютъ въ свои стихи эти народныя ожиданія, причемъ стараются какъ можно больше приподнять завѣсу таинственнаго будущаго и развертываютъ предъ нами одну за другой картины будущихъ судебъ міра и человѣчества... Къ сожалѣнію только, эти картины, при замѣтномъ, какъ увидимъ, двойствѣ своихъ сюжетовъ ¹⁾, сливаются между собой и съ трудомъ, поэтому, передаются. Для удобства въ изложеніи эсхатологическихъ представленій сивиллистовъ отмѣтимъ главнѣйшіе въ нихъ пункты. Почти всѣ они ²⁾ концептрируются около явленія на землю Христа. По представленію іудео-христіанскихъ сивиллъ, приходитъ Мессія, открываетъ земное царство для праведниковъ, совершаетъ *первый судъ* (предварительный) надъ язычниками; происходитъ паденіе язычества. Но не теперь еще конецъ міра. Этотъ конецъ совпадаетъ съ оконча-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г., № 3.

1) У іудео-христіанскихъ сивиллъ.

2) За исключеніемъ эсхатологическихъ представленій іудеевъ.

тельными судомъ надъ язычниками и всѣми людьми, для котораго снова явится Христосъ. Концу міра будутъ предшествовать явленіе гнуснаго человѣка—веліара (антихриста) и нѣкоторыя другія печальныя событія въ жизни человѣчества, а сопровождать его будутъ вѣчныя блаженство праведниковъ и мученіе грѣшниковъ. Въ изображеніи этого послѣдняго суда и конца міра къ іудео-христіанскимъ сивилламъ присоединяются сивиллы—христіанскія и іудейская. Первыя вносятъ значительныя подробности въ изображеніе послѣдняго времени, а вторая говоритъ о немъ далеко не такъ полно и ясно. Положивъ въ основаніе, при изложеніи эсхатологіи сивиллистовъ, эсхатологическія картины іудео-христіанскихъ сивиллъ, мы будемъ отфвять на нихъ эсхатологическія представленія іудейской и христіанскихъ сивиллъ ¹⁾.

Всѣ сивиллисты изъ іудео-христіанъ ждуть явленія Христа для открытія земнаго царства. Это царство характеризуется у нихъ грубо-чувственными, болъшею частію, чертами. „Изъ небесной страны придетъ счастливый мужъ, въ рукахъ онъ держитъ скипетръ, который вручилъ ему Богъ. Прекрасный человѣкъ, лучшій изъ евреевъ, онъ—тотъ, руки котораго распростерты были нѣкогда на плодоносномъ дровѣ, который остановилъ нѣкогда солнце; онъ говоритъ пріятнымъ голосомъ, священными губами ²⁾. „Этотъ человѣкъ воцарится со славою надъ всѣми; онъ возвратитъ всѣмъ добрымъ богатство, которое отняли у нихъ (злые) люди. Всѣ города онъ разрушитъ до основанія посредствомъ сильнаго огня и спалитъ жилища людей, дѣлавшихъ злое; а городъ, который служилъ Богу, онъ сдѣлаетъ блестящимъ, какъ звѣзды, какъ луна и солнце... и

¹⁾ Такой порядокъ въ изложеніи эсхатологіи сивиллистовъ не соответствуетъ историческому порядку развитія эсхатологическихъ представленій древности, по которому хилиазмъ христіанскаго времени развился изъ іудейской эсхатологіи. Мы рѣшились пожертвовать соответствіемъ этому историческому порядку въ цѣлихъ большаго удобства въ изложеніи эсхатологіи сивиллистовъ, въ которой наиболѣе развитою является именно іудео-христіанская эсхатологія,—ей, поэтому, и естественно отвести центральное мѣсто въ воспроизведеніи эсхатологическихъ представленій сивиллъ.

²⁾ 5, 256—259. Сивилла, очевидно, отправляется въ изображеніи Мессіи отъ Его прообразовъ—Моисея и Иисуса Навина, совершенно забывшая историческаго Христа.

воздвигнетъ въ немъ священный храмъ, видный и роскошный.— построишь неизмѣримо великую и высокую башню, которая бы касалась облаковъ и была всеѣмъ видима, такъ что все вѣрные и праведные станутъ созерцать славу вѣчнаго Бога... Востокъ и Западъ тогда прославятъ владычество Господа“¹⁾. Неземное благоденствіе наступитъ тогда для людей: земля и богатство будутъ общимъ достояніемъ, исчезнутъ между людьми рабство и всякіе пороки: прелюбодѣяніе, позорная любовь къ мальчикамъ, роздоры, убійство и пр.; въ замѣнъ ихъ утвердятся между ними взаимная другъ о другѣ заботливость, любовь и радость²⁾. „Когда совершитъ это вышній громовержецъ-Богъ и оснуетъ величайшій храмъ, тогда и наступитъ время святыхъ“³⁾. Преимущественное положеніе въ этомъ царствѣ сивилла предоставляетъ, конечно, своимъ единовѣрцамъ—іудеохристіанамъ. „Тогда возвысится божественное поколѣніе благословенныхъ іудеевъ, будущихъ обитателей неба, которые жить будутъ въ центрѣ страны, около Божьяго храма, окруженные вплоть до Юппіи высокою стѣною!“⁴⁾ Къ нимъ возвратится прежнее благоволеніе Бога, и вкушать они будутъ снова небесную манну⁵⁾. „Тогда не ступитъ, говоритъ сивилла единовѣрцу, несчастная нога еллина въ твоей странѣ... Но почетомъ окружатъ тебя превосходные слуги: они будутъ готовить тебѣ трапезу съ священной бесѣдой и пріятными Богу молитвами“⁶⁾. Кто эти слуги іудеевъ и въ чемъ ихъ участіе въ благахъ будущаго царства Мессіи? Въ этихъ слугахъ нужно видѣть, кажется достойнѣйшихъ изъ язычниковъ. Это, вѣроятно, тѣ изъ нихъ, которые признаютъ въ явившемся Мессіи всеобщаго царя и добровольно покинутъ своихъ боговъ. „Изида—богиня несчастная!—воскликаетъ сивилла, обращаясь къ египетскимъ божествамъ. И у водъ Нила, и на пескахъ Ахерона ты, безпутная, будешь одинока; имя твое повсюду

1) 5, 413—428.

2) Блага этого царства коснутся даже міра животныхъ: они будутъ свободны отъ принудительнаго труда. 7, 146—147.

3) 5, 428—433; см. также 12, 346—354.

4) 5, 246—251. Сивилла только по имени христіанка, но мыслитъ по іудейски и причисляетъ себя къ іудеямъ.

5) 7, 144—149.

6) 5, 266—268.

забудется. И тебя, Сераписъ, возсѣдающій на камняхъ, постигнутъ многія бѣдствія: ты будешь лежать въ Египтѣ, какъ великій трупъ. Твои почитатели будутъ оплакивать тебя; а тѣ, что Бога воспѣли, чей духъ просвѣтленъ, познаютъ твою ничтожность. Жрецъ въ льняной одеждѣ будетъ проповѣдывать: „воздвигнемъ алтарь истинному Богу, переменимъ ложный законъ, завѣщанный намъ отъ отцовъ: слѣпо служили и поклонялись они богамъ изъ камня и глины; обратимъ сердца къ вѣчному Богу, воспѣвая Его, Бога-Творца, Который былъ отъ вѣка и до вѣка живъ будетъ, истиннаго Вседержителя и Владыку міра, подателя жизни, Бога великаго, сущаго вѣчно“. Въ Египтѣ будетъ тогда, замѣчаетъ сивилла, великій священный храмъ; избранный Богомъ народъ принесетъ въ немъ жертвы, и народу этому Богъ даруетъ безконечную жизнь“¹⁾. Вотъ эти то обратившіеся къ Богу язычники не лишены будутъ благъ Мессіанскаго царства. Намъ такъ понятво желаніе сивиллы привлечь къ Богу и язычниковъ: въ этомъ она видитъ торжество своей вѣры и посрамленіе языческаго безбожія. Но не менѣе понятво и то, почему сивилла не хочетъ дать язычникамъ одинаковыхъ съ іудео-христіанами правъ гражданства въ будущемъ царствѣ Христа. Она говоритъ о богатствѣ, какъ общемъ достояніи всѣхъ членовъ этого царства, объ общемъ пользованіи землей, такъ что она какъ будто включаетъ въ число полноправныхъ членовъ и язычниковъ; но такой выводъ ложенъ. Своимъ единовѣрцамъ или вообще іудеямъ, чуждой которымъ она не привыкла еще считать себя, сивилла представляетъ преимущественное положеніе въ будущемъ царствѣ; они—господа, но не слуги, а слуги, слѣдовательно, язычники. Сивилла даже не замѣчаетъ, что она противорѣчитъ себѣ, вводя слугъ въ царство Христа и въ то же время проповѣдуя объ отсутствіи въ немъ рабства. Правда, это служеніе нѣсколько не похоже на обычное рабство: „слуги приготавливаютъ тропезу съ священной бесѣдой и пріятными Богу молитвами“, т. е.,

1) 5, 484—503.—Подъ храмомъ въ Египтѣ разумѣется храмъ Леонтопольскій, разрушенный одновременно съ Іерусалимскимъ. О разрушеніи его и о гнѣвѣ Божиимъ на разрушителей сивилла говоритъ дальше (504—511) Подъ жрецомъ разумѣютъ Овію. Friedlieb, Einleitung, § 20, seit XLVI—XLVII.

иными словами—принимають участіе въ прославленіи Бога іудеями, въ ихъ Богослуженіи. Но участіе язычниковъ въ іудейскомъ Богослуженіи, конечно, не то-же, что служеніе іудеямъ, и, во всякомъ случаѣ, по существу нисколько не ниже Богослуженія іудеевъ. Очевидно, герделивой сивиллѣ нужно было представить языческихъ членовъ будущаго царства Христа обязанными своимъ участіемъ въ его благахъ не себѣ, а ея единовѣрцамъ—іудео-христіанамъ, ради вѣщанной славы послѣднихъ: они вводятъ ихъ въ это царство и руководятъ ими при пользованіи его благами. Но только достойнѣйшіе изъ язычниковъ, можно думать, войдутъ, по мысли сивиллѣ, въ земное царство Христа. „Тѣ же, которые хульные рѣчи посылали къ небу“, а равно и всѣ преступныя, злыя люди, „будутъ скрыты (во мракѣ), доколѣ не измѣнится міръ, и тамъ перестанутъ уже враждовать другъ противъ друга“ ¹⁾.

Какъ долго продолжится земное царство Христа, сивиллы опредѣленно не говорятъ; впрочемъ, онѣ какъ будто называютъ его безконечнымъ ²⁾ и, кажется, потому, что сливаются его съ тѣмъ вѣчнымъ блаженствомъ, которое наступитъ для праведниковъ послѣ кончины міра и всеобщаго суда надъ людьми. Нельзя не упрекнуть сивиллѣ, что онѣ не указали момента и обстоятельствъ смѣны одного блаженства другимъ. Впрочемъ, онѣ не имѣли сильныхъ побужденій быть особенно точными въ этомъ отношеніи: люди гонимые и страдающіе—а такими и были сивиллы—ждутъ непрекращающагося утѣшенія для себя въ будущемъ, отодвигаютъ продолженіе его (утѣшенія) въ безграничную даль и закрываютъ глаза отъ возможныхъ перерывовъ въ немъ. Иное дѣло—судъ Божій надъ язычниками: чтобы онъ дѣйствительно устрашалъ ихъ, нужно было болѣе или менѣе ясно указать моментъ и обстоятельства его наступленія. Христово Евангеліе возвѣщало о страшномъ всеобщемъ судѣ надъ людьми. Изъ этого суда сивиллы, увлекаемая неудержимымъ желаніемъ представить его неисчерпаемою чашею страданій для язычниковъ, сдѣлали два суда—предварительный и окончательный. Мы уже видѣли, что, открывая

1) 5, 271—272, 508—511.

2) Ibidem, 503.

земное царство Христа, сивиллы осудили язычниковъ, низринутли ихъ въ тартаръ и оставили ихъ тамъ, доколѣ не измѣнится міръ. Съ кончиной міра наступитъ *второй* судъ ¹⁾ надъ ними и надъ міромъ. Спрашивается, что же будетъ съ земнымъ царствомъ Христа? Прекратится-ли оно, чтобы члены его, испытанные на судѣ, перешли къ большей славѣ, чтобы блестяще реставрированная Іудея, потерпѣвъ измѣненіе, обратилась въ новую землю для „новыхъ“ обитателей,—или не прекратится, и Христосъ неразлучно пребудетъ съ членами его! Но тогда какъ же Онъ явится для всеобщаго суда, откуда самый судъ всеобщій, если на него не всѣ явятся, какъ возможенъ конецъ міра, если нетронутыми останутся твердыни Іудей? Сивиллы не рѣшаютъ этихъ вопросовъ, даже не ставятъ ихъ. Земное царство Христа онѣ сливаютъ съ вѣчною жизнью праведниковъ послѣ суда, опускаая обстоятельства обращенія перваго въ послѣднюю. Но еще далѣе. Второй окончательный судъ сивиллы предваряютъ концомъ міра, а этотъ послѣдній—печальными явленіями среди людей и въ природѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ явленій, напр., пришествіе антихриста, онѣ представляютъ, какъ увидимъ, настолько близкими, что первый судъ надъ язычниками и земное царство Христа—съ одной стороны, окончательный судъ и блаженство праведниковъ послѣ него—съ другой, невозможнымъ является представлять разновременными. Однако, ихъ нужно мыслить *раздѣльными* эсхатологическими моментами, хотя въ смутномъ представленіи сивиллъ они и соприкасаются и какъ бы сцѣпляются одинъ съ другимъ, отъ предварительнаго суда отличается окончательный; первый совпадаетъ съ блестящей реставраціей іудей, второй предваряется кончиной міра, а этой послѣдней предшествуетъ явленіе антихриста и другія печальныя событія среди людей.

Конечно, не всѣ сивиллисты одинаково подробно рисуютъ событія послѣдняго времени. Изъ этихъ подробностей, сообщаемыхъ той или другой сивиллой, намъ предстоитъ начертать цѣльную эсхатологическую картину, въ которой представленіе іудейской сивиллы ²⁾ мы соберемъ въ одно мѣсто, въ виду ихъ нѣкоторыхъ особенностей.

¹⁾ 4, 43.

²⁾ Не всѣ, впрочемъ, а нѣкоторыя.

Предъ кончиной міра, по представленію іудео-христіанской сивиллы, будетъ господствовать на землѣ смятеніе между людьми. „Дѣти не будутъ любить своихъ родителей, ни родители—дѣтей, по причинѣ безбожія и неожиданно наступившихъ бѣдствій и скорби. „Тогда и у тебя, восклицаетъ сивилла, обращаясь къ Риму, будетъ ужасная скорбь, и гибель постигнетъ тебя, ибо стануть обрушаться города и трескаться земля“ ¹⁾. Произойдутъ на землѣ междоусобныя войны ²⁾. Но несчастіемъ изъ несчастій будетъ для людей (и особенно для римлянъ) ³⁾ явленіе матереубійцы, подъ которымъ разумѣется антихристъ. Сивиллистическое представленіе о немъ будетъ исчерпано, если скажемъ о времени, въ которое ждуть сивиллы его явленія, о личности его и дѣйствіяхъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что сивиллы повсюду видѣли признаки, предвѣщавшіе конецъ міра, и смѣло назначали ему время. Когда время это приходило, а предсказанное событіе не наступало,—онѣ отодвигали срокъ его и снова начинали ждать его съ прежней неустрашимостью. Крайнимъ временемъ для явленія антихриста сивиллы назначали время послѣ правленія Антониновъ. „Послѣ того, говоритъ сивилла, какъ пятнадцать императоровъ смѣнятся, какъ влстители земли—отъ востока ея до запада,—явится царь съ бѣлыми волосами, имѣющій имя моря ⁴⁾. Онъ побѣдоносно обойдетъ міръ кругомъ, обогатится добычей, отнятой у народовъ, возведетъ молодого человѣка ⁵⁾ въ число боговъ и этимъ примѣромъ покажетъ подлинное происхожденіе идолопоклонства. Послѣ него будутъ царствовать еще три муза ⁶⁾, и ихъ время будетъ послѣднее. Тогда возвратится отъ предѣла земли убійца матери; онъ оставитъ убѣжище, въ которомъ доселѣ скрывался“ ⁷⁾. „Когда онъ придетъ, всякое земное созданіе содрогнется“ ⁸⁾ (а особенно римляне) ⁹⁾.

1) S, 81—87. Этотъ отрывокъ 8-й кл. Friedlieb относится къ 161—180 гг. по Р. X.; см. Eibleitung, § 26, seit LIX.

2) 4, 48—60; S, 350.

3) S, 37—49, 95 в слѣд.

4) Адрианъ—Адриатическое море.

5) Антиной.

6) Антонинъ, Маркъ Аврелій и Веръ.

7) S, 50—71.

8) 5, 152.

9) S, 71—80.

Но кто этотъ ужасный человекъ, и въ чемъ его пагубное вліяніе на людей?

По представленію іудео-христіанскихъ сивиллъ, этотъ человекъ божественнаго происхожденія, имѣющій отцомъ своимъ Зевса и матерью своею „священную Юнону“ ¹⁾ и есть бывший позорный повелитель великаго Рима, котораго ненавидѣлъ всякій смертный,—убійца матери и множества дѣтей, которыхъ онъ задушалъ еще въ утробахъ ихъ матерей, ²⁾—тотъ, который разрушилъ божественный храмъ и сожегъ множество гражданъ ³⁾, а потомъ скрылся въ какомъ-то убѣжищѣ на границѣ земли, откуда и придетъ предъ наступленіемъ послѣдняго времени. Будучи ужаснымъ прелюбодѣемъ и виновникомъ всевозможныхъ страшныхъ пороковъ среди людей ⁴⁾, онъ замышляетъ въ своемъ сердцѣ одно злое; при этомъ все знаетъ и умѣе всѣхъ ⁵⁾. А христіанская сивилла добавляетъ, что онъ змѣя по своей природѣ (характеру), очень кротокъ въ рѣчи ⁶⁾, и число имени его 50 ⁷⁾. Въ этой характеристикѣ антихриста прозрачно выступаетъ личность Нерона, обрисованная отчасти преувеличенными, отчасти прямо вымышленными, приспособительно къ языческому сознанию (божеств. происхожденіе, необыкновенный умъ, чудовищная безнравственность), чертами. Въ сознаніи современниковъ этотъ царь былъ какъ бы живымъ воплощеніемъ зла, исчадіемъ ада, такъ что, когда онъ умеръ, то всѣ, какъ извѣстно, были увѣрены, что съ его смертію наступаетъ моментъ Божественнаго гнѣва. Ожиданіе не сбылось, но распространилось вѣрованіе, что Неронъ не умеръ, а ушелъ на край земли, откуда и возвратится, когда приблизится кончина міра.

Дыша злобою и коварствомъ антихристъ, при своемъ умѣ, развратитъ множество людей—особенно изъ тѣхъ, по мысли христіанской сивиллы, которые мнятъ себя первыми благочестивцами ⁸⁾. Сивилла—іудео-христіанка—ждетъ, что онъ раз-

¹⁾ 5, 138—142.

²⁾ Ibidem, 143—145.

³⁾ Ibidem, 150, 397—407.

⁴⁾ Ibidem, 78. Friedlieb относитъ 10 кв. въ среднѣ 3 христ. вѣка, Einleitung.

§ 29, seit. LXVI.

⁴⁾ Ibidem, 146, 385—394.

⁵⁾ Ibidem, 366.

⁶⁾ 10, 81.

⁸⁾ 10, 80.

рушить храмъ Господа ¹⁾, ограбить всё имущество людей ²⁾ и, вмѣстѣ съ христіанкой, думаетъ, что антихристъ произведетъ сильную брань на землѣ, истребитъ множество людей, сокрушитъ великихъ тирановъ и всѣхъ попалитъ огнемъ, чего раньше не дѣлалъ ни одинъ побѣдитель ³⁾, а тѣ, которыхъ онъ возвыситъ, падутъ снова ⁴⁾. Къ этому христіанская сивилла еще добавляетъ, что воинственно-истребительное и сокрушительное шествіе матереубійцы по землѣ такъ могуче—неудержимо, что ему уступаютъ естественныя преграды: „матереубійца проколетъ равную по высотѣ длинѣ двухъ морей гору и окраситъ ея кровію убитыхъ имъ“. Особенно повредитъ онъ Римлянамъ: упоdobляя себя Богу, онъ будетъ презирать услужливый, раболѣпствующій предъ нимъ народъ. „Подъ его правленіемъ господствуетъ порядокъ, а народъ объятъ трепетомъ; когда онъ проѣзжаетъ чрезъ Авзаній, вода уходитъ въ море“ ⁵⁾. Но при всей своей силѣ антихристъ всё таки погибнетъ. По представленію іудео-христіанской сивиллы, люди заключатъ противъ него союзъ и уничтожатъ его, какъ только онъ вступитъ на безсмертный материкъ, т. е., вѣроятно, Іудею ⁶⁾. Христіанская сивилла замѣчаетъ, что этотъ матереубійца, распѣвающій пѣсни подъ игру на цитрѣ, исчезнетъ, наконецъ, покинувъ достоинство царя, и умретъ жалкой смертью, раскаяваясь въ своихъ беззаконіяхъ ⁷⁾. Предъ самой кончиной міра вѣроятно—уже по паденіи матереубійцы, имъ овладѣваетъ и правитъ властолюбивая женщина ⁸⁾. Это неразвитое представленіе, можно думать, заимствовано іудео-христіанской сивиллой изъ Апокалипсиса (17 глава).

Замѣчательно, что іудейская сивилла говоритъ о какихъ-то противникахъ Мессіи, изъ которыхъ одинъ есть веліаръ изъ Севастіи, а другой—властолюбивая женщина—вдова, явленіе которыхъ она ждетъ послѣ пришествія Мессіи предъ кончиной міра, а дѣятельность ихъ описываетъ чертами, почти вполне воспроизводящими дѣятельность антихриста. Этотъ веліаръ

1) 5, 400 и т. д.

2) 5, 102.

3) Ibidem, 367—373; 10, 81—82, 90—91.

4) Ibidem, 370.

5) 10, 84—89.

7) 10, 92—94.

6) 5, 374—411.

8) 8, 194—202.

переставляетъ высокія горы, останавливаетъ морское теченіе, блистающую луну и великое пламенное солнце, будить—воскрешаетъ умершихъ и творить много вообще чудесъ. Однако, въ нихъ нѣтъ ничего дѣйствительно чудеснаго; но всё въ нихъ обманъ, посредствомъ котораго велиаръ обольщаетъ людей, какъ вѣрующихъ, такъ и другихъ—внѣзаконныхъ людей, еще не увѣровавшихъ въ Бога ¹⁾. Но Богъ истребитъ его небеснымъ огнемъ вмѣстѣ со всѣми людьми, увѣровавшими въ него ²⁾. Послѣ гибели его овладѣваетъ міромъ властолюбивая вдова; она побросаетъ въ море принадлежащія людямъ золото, серебро, желѣзо и мѣдь ³⁾. Тогда, т. е., послѣ властвованія этой жены, наступитъ кончина міра.—На первый взглядъ представляется страннымъ, что у іудеевъ за 60—70 лѣтъ до Р. Хр. ⁴⁾ встрѣчаемъ ожиданіе велиара. Но въ Библии мы находимъ слѣды вѣрованія іудеевъ въ будущую жизнь съ вѣчными блаженствомъ и наказаніями (напр. Прем. Сол. 1, 13; 2, 23; Дан. 12, 2; 2 Макк. 6, 27; 7, 9). О кончинѣ міра іудеи 1 в. до Р. Хр. могли замѣтствовать свѣдѣнія у стоиковъ, у которыхъ сивиллисты вообще замѣтствовали нѣкоторыя подробности въ описаніи этого событія. Итакъ, если имъ была доступна вѣра въ кончину этого міра и въ будущую загробную жизнь, то допустимо, что они дошли до вѣры и въ явленіи велиара. Нѣкоторые ⁵⁾ толкуютъ же Даніилову „мерзость запустѣнія“ въ смыслѣ послѣдняго искушенія предъ наступленіемъ послѣдняго времени, чѣмъ уже допускается возможность вѣры въ явленіе его (искушенія) у іудеевъ даже времени пророковъ. Возможность этой вѣры тѣмъ легче допустить въ іудеяхъ 1 вѣка до Р. Хр. Обратимъ вниманіе на ихъ настроеніе, а равно на личность велиара и женщины-вдовы. Велиаръ происходитъ изъ Севастіи, т. е., изъ среды римскихъ правителей; власть надъ міромъ переходитъ отъ него въ руки властолюбивой вдовы. Здѣсь немножко извращены историческіе факты. Въ дѣйствительности не было передачи власти изъ рукъ правителя въ руки вдовы, но возможность такой передачи была полная. Извращенный сивиллою фактъ былъ такого ро-

¹⁾ 3, 63—70.

²⁾ Ibidem, 73—74.

³⁾ Ibidem, 75—80.

⁴⁾ Къ этому времени относятся этотъ отрывокъ (45—96) 3 книги.

⁵⁾ Напр. Ап. Варнава.

да: одинъ изъ тріумвировъ Антоній имѣлъ преступную связь съ извѣстной Клеопатрой, которая эту связь ставила средствомъ для достиженія всемірнаго господства. Такіе замыслы Клеопатры не могли не смущать іудеевъ. Они были проникнуты ожиданіями явленія Мессіи—всемірнаго царя. Дѣйствительность, выставлявшая широкіе властолюбивые замыслы со стороны римскихъ правителей, шла въ разрѣзъ съ ихъ ожиданіями. И вотъ опасеніе, чтобы и въ Мессіанское время не явились дерзкіе, подобные современнымъ, претенденты на всемірное господство, которое должно принадлежать одному только Мессіи, перешло въ ожиданіи ихъ. А сивилла подслушала умонастроеніе народа и запечатлѣла его въ своихъ стихахъ.

Конецъ міра откроется рядомъ страшныхъ знаменій въ природѣ. „Я хочу, говоритъ іудейская Сивилла ¹⁾, повѣдать признаки, по которымъ можно узнать, что приблизился конецъ всему на землѣ. Со временемъ на ясномъ вечернемъ и утреннемъ небѣ замѣтятъ надвигающіяся тѣни и сумракъ ²⁾; внезапно спадетъ съ неба пепелъ на всю землю ³⁾, солнечный свѣтъ померкнетъ посреди дневного разгара, на небѣ покажется луна“; „и ночь окутаетъ землю“ ⁴⁾—дополняетъ картину іудеянки сивилла—іудеохристіанская. „Въ широтахъ небесныхъ—продолжаетъ послѣдняя,—разсѣкаемыхъ молніей, раздадутся удары грома ⁵⁾, земля заколеблется и многихъ похоронитъ въ своихъ развалинахъ ⁶⁾“. „Со скалъ будетъ сдѣланъ сигналъ, говоритъ іудейская сивилла, каплющей съ нихъ кровью ⁷⁾, и начнется на небѣ борьба—люди увидятъ въ облакахъ сраженіе конницы съ пѣхотой, помчатся облачные фигуры, какъ будто бы какія дикія животныя“ ⁸⁾. Интересно, съ значительнымъ заимствованіемъ у стоиковъ, описываетъ эту борьбу пророчески—созерцательно іудеохристіанская сивилла. „Въ свѣтилахъ, говоритъ она, я видѣла угрозу блистающаго солнца и въ лучахъ луны замѣтила страшный гнѣвъ. Свѣтила

1) 3, 795—802.

2) См. также 8, 232—233.

3) См. также, 5, 274—275, 378; 7, 24—28; 4, 172—177: съ неба падаютъ еще огонь, кровь и дождь.

4) 5, 849; 7, 140—141 5) 4, 178; 5, 345, 379. 6) 4, 53—60.

7) Съ греческаго: „кровью и слезами скалъ“, которыя, вѣроятно испали на нихъ съ неба.

8) 3, 802—805.

затѣяли борьбу,—и Богъ допустилъ её“. Тогда на мѣстѣ солнца бушевало какое-то пламя“; Люциферъ держалъ сраженіе и стоялъ въ тылу Льва; двойной рогъ луны превратился въ ободъ. Козерогъ бодалъ въ затылокъ Быка; Телецъ отнялъ у него надежду на возвращеніе въ свое мѣсто. Дуга Оріона исчезла; Дѣва измѣнила участь близнецовъ въ Овенѣ. Плеяды болѣе не свѣтили; Змѣя скрыла свой поясъ; въ поясѣ Льва ныряли Рыбы. Не выдержалъ до конца Ракъ, устрешенный Оріономъ. Скорпіонъ простегнулъ свой хвостъ чрезъ страшнаго Льва, и Собака скрылась предъ пылающимъ солнцемъ. Но Водоносъ остановилъ ярость бушевавшаго пламенемъ Солнца. Само небо поднялось, чтобы поколебать борцовъ, и въ гнѣвѣ оно круто низрипало ихъ на землю. Они быстро бросились въ воды океана, землю оставивъ въ огнѣ, а небо—безъ свѣтилъ“ ¹⁾. Тутъ наступитъ конецъ міру. Богъ свернетъ небо въ трубку, какъ бы кто свертывалъ книгу ²⁾; и ливень страшнаго огня поглотитъ все—и землю, и море..., всѣ созданія сплавитъ во едино и очиститъ ихъ до чистоты, опустошитъ всѣ элементы міра. И не будетъ болѣе—ни свѣта, ни неба, ни ночей, ни разсвѣта, ни дней, занятыхъ у людей заботой; но будутъ существовать иные дни и ночи для одного огня и безформенной массы, въ которую обращенъ міръ ³⁾; „ни весны не будетъ, ни лѣта, ни зимы, ни осени“ ⁴⁾. И тогда не покажется уже—ни птицы въ воздухѣ, ни звѣрнаго слѣда на землѣ, ни рыбы, ни кораблей въ морѣ: все погибло... И не слышно будетъ ничего звука и голоса—ни человѣка, ни птицы, ни звѣря“ ⁵⁾...

Конецъ міра будетъ для людей столько же желаннымъ, сколько мучительнымъ будетъ для нихъ переживаніе страшныхъ катастрофъ въ природѣ. Обычное теченіе и порядокъ жизни прекратятся: „нигдѣ не будутъ ни сѣять, ни пахать“ ⁶⁾. Звѣри придутъ въ бѣшенство, люди впадутъ въ слѣпую ярость и въ кровопролитной рѣзнѣ начнутъ истреблять другъ друга ⁷⁾. Ужасная скорбь распространится на землѣ и болѣз-

1) 5, 511—531. Именами животныхъ названы, разумѣется, созвѣздія.

2) „И низринетъ его на землю“, по 8, 233.

3) 8, 339—340.

3) 5, 256—257, 337—346.

4) 3, 81—90; 8, 213—216, 412—427.

6) Ibidem, 276.

7) Ibidem, 350, 379—380; 8, 231.

ненный плачь огласить ее ¹⁾. Земля застонетъ, обливаемая кровью; злыхъ людей охватитъ скрежетъ зубной; люди станутъ умирать—одни отъ сильной скорби, другіе отъ страха, иные отъ голода и жажды, болѣзней и взаимнаго избіенія; всѣ же будутъ желать себѣ смерти ²⁾. Но „разумные люди, которые перенесутъ несчастья, сохраняются для жизни и получаютъ въ ней миръ и радость“ ³⁾.

Къ вящей скорби злыхъ и радости добрыхъ откроется судъ Божій надъ людьми. Іудейская сивилла не могла, конечно, начертать картины этого суда, но она выразила вѣру въ его наступленіе. „Служи всемогущему Богу, поучаетъ она египтянина, да будетъ и тебѣ часть, когда всему придетъ конецъ и наступитъ день Божественнаго воздаяніе добрымъ за добро“ ⁴⁾. Но зато іудео-христіанская и особенно христіанская сивиллы подробно рисуютъ картину этого суда. „Съ неба снидетъ, представляютъ они, вѣчный царь судить всякую плоть и весь міръ. Бога, сходящаго съ неба, увидятъ всѣ—вѣрующіе и не вѣрующіе, увидятъ Его окруженнымъ въ недоступной вышинѣ святыми“ ⁵⁾. Онъ „воскреситъ всѣхъ мертвыхъ, обновитъ ихъ и сдѣлаетъ такими, какими они раньше были“ ⁶⁾, и возсядетъ на престолѣ Судии судить души человѣческія ⁷⁾. „Тогда, замѣчаетъ іудео-христіанская сивилла, все (предсказанное) исполнится надъ домомъ Давидовымъ, потому что Ему—Судии—Самъ Богъ вручаетъ тронъ,—и ангелы почиваютъ у Него подъ ногами, одни господствуютъ надъ огнемъ, другіе надъ водой, одни охраняютъ города, иные управляютъ вѣтрами“ ⁸⁾. Судъ Божій застигнетъ людей враслохъ и измѣнитъ ихъ настроеніе ⁹⁾. „Они покинутъ идоловъ и презрѣнное богатство, а подстерегающій огонь спалитъ всю землю“ ¹⁰⁾... „Богъ будетъ судить благочестивыхъ и нечестивыхъ, поставивъ пастыря къ

1) Ibidem.

4) 3, 740—742.

2) 8, 350—353.

5) 8, 217—222; 5, 352.

3) 5, 384—385.

6) 4, 180—181; 8, 169—171; 205, 414—415.

7) 8, 223; 4, 182.

8) 7, 31—35, такое же представленіе объ ангелахъ содержатъ „Пастырь Ерма“—произведеніе, по происхожденію принадлежащее къ одному и тому-же времени, что и 7 сив. книга, т. е., ко 2 полов. приблизительно 2 в. по Р. Хр. Friedlieb, Einleitung. §§ 23 и 24.

9) Ibidem, 36—37.

10) Ibidem, 8, 223—226.

пастырю и овцу къ овцѣ для избличенія ¹⁾. „Онъ откроетъ каждому помышленія его сердца, и каждый расскажетъ всѣмъ, что онъ сдѣлалъ когда либо тайно“... Съ неба раздастся громкій звукъ трубы, но не за тѣмъ, чтобы разбудить мертвыхъ, а чтобы оплакать безпечныя дѣянія людей и ихъ страданія...; а стенающая земля раскроетъ свой тартарскій хаосъ... Къ судному престолу Божию подойдутъ всѣ цари ²⁾. Всѣ гордые, завистливые, корыстолюбивые и притѣснители будутъ избличены собственною совѣстью. „Теперь уже не скажутъ они несчастному: „завтра будетъ тебѣ или вчера было“ ³⁾... Никакого состраданія не проявится на судѣ Божіемъ къ нечестивымъ людямъ, напрасно они будутъ умолять Бога о помилованіи ⁴⁾, и жаждать свѣта и свободы (райскихъ) ⁵⁾. „На судѣ господствуютъ мудрость закона и слава праведныхъ; для того, чтобы Богъ не уготовлялъ во гнѣвѣ уничтоженія человѣческому роду, ему нужно было любить Бога“ ⁶⁾. „Знаменіемъ, ясною печатію оправданія и спасенія служить для вѣрующихъ дерево (т. е., крестъ Христовъ); это—рогъ, къ которому они всегда прибѣгаютъ; онъ сохраняетъ жизнь благочестивымъ, а для міра служитъ соблазномъ“ ⁷⁾.

Послѣ суда начнется вѣчная жизнь—блаженная для праведниковъ и мучительная для грѣшниковъ. Въ силу того, что іудеохристіанскія сивиллы сливали въ своемъ представленіи земное царство Христа съ вѣчной блаженной жизнью, на послѣднюю онѣ переносятъ черты перваго, такъ что трудно различить, гдѣ у нихъ рѣчь собственно о вѣчной жизни, гдѣ о земномъ царствѣ. А тамъ, гдѣ это различіе ясно, видимъ, что первая изображается немного духовнѣе послѣдняго. „Тѣ, кто исполнены были страха Божія,—говоритъ сивилла 4-й книги,—удостоятся вѣчной жизни (послѣ суда). Они будутъ жить на землѣ (вѣроятно, новой, обновленной), Богъ дастъ имъ душу, жизнь и питаніе. Всѣ они возликують, когда увидятъ опять отрадный и пріятный свѣтъ солнца. О, какъ счастливъ будетъ человѣкъ, который удостоится такой жизни“ ⁸⁾! вмѣстѣ съ прежнимъ бла-

1) Ibidem, 416—418.

2) Ibidem, 230—242.

3) Ibidem, 418—425.

4) 7, 29—30.

5) 8, 226—230.

6) 5, 353—360.

7) 8, 224—246.

8) 4, 186—190, 46.

говоленіемъ, люди, подъ которыми іудео-христіанская сивилла разумѣетъ, прежде всего, своихъ единовѣрцевъ, получаютъ отъ Бога чистый разумъ. Христіанская сивилла дополняетъ это представленіе о будущемъ блаженствѣ праведниковъ чисто духовными уже чертами: праведники будутъ имѣть безсмертіе и неувыдающую жизнь и вѣчный свѣтъ; и этимъ желаннымъ свѣтомъ будетъ для нихъ Іисусъ Христосъ ¹⁾. Но вообще, какъ видимъ, представленіе о вѣчной жизни у сивиллъ неразвито, такъ что неясная рѣчь іудеянки о вратахъ для блаженныхъ, о безсмертномъ умѣ и вѣчной радости ²⁾, не кажется здѣсь сравнительно ни особенно темной, ни особенно бѣдной по содержанію.

Изображеніе вѣчныхъ мученій и самаго ада находимъ у іудео-христіанской и христіанской сивиллъ. „Богъ низринетъ преступныхъ людей во тьму тартара, въ бездну, въ ужасный адъ“ ³⁾. Грѣшники здѣсь не исчезнутъ, но, заключенные тѣлесно, постоянно укоряемые въ душѣ, они будутъ сокрушаться, что хитрымъ истолкованіемъ Закона Божія хотѣли оправдать и оправдывали свои незаконныя дѣянія ⁴⁾ Напрасно они будутъ звать къ Богу о помилованіи: лицо Его отвращено отъ нихъ. Теперь поздно каяться; для покаянія даны были имъ дни въ земной жизни, гдѣ у нихъ была и ходатаица—Св. Дѣва ⁵⁾. Мученія грѣшниковъ будутъ, слѣдовательно, тѣлесныя и вмѣстѣ духовныя. Сивиллы охотнѣе описывали первыя мученія—тѣлесныя, а также и самый адъ. „Ты будешь обитать, обращается сивилла къ Риму, подъ землею, истребляемый нефтью, асфальтомъ, сѣрой и сильнымъ огнемъ съ пылью, и всякій (нужно думать—изъ праведниковъ), кто посмотритъ на адъ, услышитъ тамъ вопли и скрежетъ зубовный, увидитъ, какъ ты бьешь собственною рукою свою безбожную грудь“ ⁶⁾. „Тамъ будетъ ночь для всѣхъ—богатыхъ и бѣдныхъ. Нагими вышли они изъ земли, нагими и обратятся въ нее. Тамъ растутъ—не старѣютъ, и все думаютъ, когда же придетъ конецъ ихъ мучительной жизни. Ни раба тамъ пѣтъ, ни владыки, ни законовѣда, ни про-

¹⁾ 8, 410, 429.

²⁾ 2, 769—770. Проф. Глоріантовъ видитъ въ этихъ стихахъ указаніе именно на будущую жизнь. Хр. Чт. 77 г., ч. I, стр. 68.

³⁾ 4, 185, 43.

⁵⁾ 8, 357—358.

⁴⁾ 7, 121—129.

⁶⁾ Ibidem, 101—106.

дажнаго судьи; не проливается тамъ жертвенной крови на алтарь; не слышно ни литавры, ни кимвала, ни цитры...; нѣтъ оргій и опьяненія; не существуетъ ни преступнаго воровства, ни гнѣва, ни раздоровъ...; а есть только общее для всѣхъ безконечное время; оно и бережетъ ключъ отъ великой темницы, во исполненіе Божественнаго опредѣленія“¹⁾. Древне-іудейское представленіе шеола или тартара и евангельское изображеніе ада, очевидно, дали іудео-христіанской сивиллѣ матеріалъ, изъ котораго она создала такую поразительно-реальную картину адскихъ мученій.

Анализомъ эсхатологическихъ представленій мы закончимъ раскрытіе идей, общихъ всѣмъ сивиллистамъ, и обратимся къ идеямъ, встрѣчающимся у тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Упомянемъ, впрочемъ, еще объ общихъ сивиллистахъ (кромѣ сивиллы христіанской) идеяхъ историческихъ, каковы, напр.: рассказы о построеніи Вавилонской башни и смѣшеніи языковъ²⁾, о египетскомъ рабствѣ³⁾, о смѣнѣ разныхъ царствъ и народовъ, о всякаго рода несчастіяхъ, постигавшихъ іудею, разрушеніи храма, плѣненіи и др. Такъ какъ эти рассказы не представляютъ чего либо особенно оригинальнаго, кромѣ того развѣ, что смѣна царствъ представляется⁴⁾ въ порядкѣ—обратномъ изображенному прор. Даніиломъ, то мы удовлетворяемся однимъ упоминаніемъ о нихъ.

А. Волгинъ.

(Окончаніе будетъ).

1) 8, 107—122.

2) 3, 97—107; 8, 4—5.

3) Ibidem, 325—329, 9, 307—314.

4) 3-я книга. ;

О СЛУЧАЙНОСТИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

Эмиля Бутру, профессора Парижскаго Университета.

„Εἶναι καὶ ἐνταῦθα θεός“
(Aristot. De part. anim. I, 5).

(Переводъ со второго французскаго изданія подъ редакціей доцента Московской Духовной Академіи П. П. Соколова).

(Продолженіе *).

ГЛАВА III.

О р о д а х ъ.

Всѣ данныя въ опытѣ вещи являются формами *бытія*, которое случайно и по своему существованію, и по своему основному закону. Такимъ образомъ, въ основѣ все случайно. Тѣмъ не менѣе, роль необходимости была-бы еще очень велика, если-бы, въ мірѣ существовала только случайность, присущая бытію, какъ таковому, если-бы изъ бытія, разъ оно дано, все вытекало аналитически, безъ прибавленія какого—либо новаго элемента.

Но въ своихъ видимыхъ проявленіяхъ бытіе дано намъ не только, какъ бытіе вообще, т. е., какъ рядъ причинъ и дѣйствій. Формы бытія представляютъ кромѣ того сходства и различія, на основаніи которыхъ ихъ можно соединять въ группы, называемыя *родами* или *законами*, составлять изъ маленькихъ группъ болѣе значительныя, и т. д. Всякая форма, заключающаяся въ низшей группѣ, а fortiori содержится и въ высшей, часть которой составляетъ эта низшая группа. Част-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 1.

ное или менѣе общее находитъ такимъ образомъ свое объясненіе и основаніе въ общемъ или менѣе частномъ. Благодаря этому формы бытія можно систематизировать, объединять, мыслить.

Присуще-ли это свойство бытію, какъ таковому, или оно съ своей стороны есть нѣчто новое?

Безъ сомнѣнія, логическая организація не увеличиваетъ количества бытія, точно такъ-же, какъ бронзовая статуя не включаетъ въ себѣ больше вещества, чѣмъ металлъ, изъ котораго она сдѣлана. Однако, въ логически упорядоченномъ бытіи существуетъ качество, котораго не было въ бытіи чистомъ, и для котораго это чистое бытіе служило тоже матеріальнымъ условіемъ: объяснимость. Это качество основывается на существованіи типовъ или формальныхъ единствъ, подъ которыми распредѣляется разрозненная масса индивидуумовъ. Оно имѣетъ своимъ источникомъ существованіе *понятій*. Понятіе есть единство среди множества, сходство среди различій. Благодаря различной системѣ обобщенія, которую оно допускаетъ, оно устанавливаетъ іерархію между причинными связями, даетъ однимъ изъ нихъ, относительно болѣе общимъ, перевѣсъ надъ другими и такимъ образомъ создаетъ изъ міра причинъ и дѣйствій антиципированный символъ организаціи и жизни. Понятіе въ одно и то-же время едино, какъ родъ, и множественно, какъ собраніе видовъ. Отсюда, оно не заключается въ бытіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ сущность послѣдняго, по скольку дѣло идетъ объ эмпирически данномъ бытіи, есть разнообразіе, чистая множественность. Возвышаясь надъ бытіемъ, оно извлекаетъ изъ всѣхъ доступныхъ ему формъ существующаго тѣ, которыя могутъ доставлять ему соотвѣтствующіе элементы, т. е., формы, представляющія нѣкоторое сходство среди окружающаго разнообразія; и дѣлаясь центромъ системы, которую оно такимъ образомъ организовало, оно само реализуется. Единое по существу, понятіе не смѣшивается съ тѣми многочисленными формами, которыя оно опредѣляетъ, но воплощается въ нихъ, становится видимымъ и конкретнымъ. Благодаря такому внутреннему единенію съ вещами, оно образуетъ какъ-бы составную часть ихъ; но если-бы оно исчезло, вещи не перестали бы существовать. Вещи

тогда, безъ сомнѣнія, лишились-бы того гармоничнаго вида, который является слѣдствіемъ соединенія сходныхъ и отдѣленія противоположныхъ явленій и который служитъ выраженіемъ идеи; онѣ представляли бы не болѣе, какъ абсолютно бесплодный хаосъ; но тѣмъ не менѣе онѣ продолжали-бы существовать, какъ существуетъ въ состояніи разсѣянія, матерія, когда отъ нея удалилась жизнь. Итакъ, родовое понятіе аналитически не вытекаетъ изъ бытія. Но, скажутъ, пусть такъ. Для того, чтобы считать существованіе родовъ необходимымъ, нѣтъ нужды непременно выводить ихъ изъ бытія. Достаточно, чтобы разумъ помимо всякаго опыта объявилъ, что бытіе должно принять объяснимую, т. е., раціональную форму и согласоваться съ законами мысли, которая требуетъ между разсматриваемыми ею фактами логическихъ отношеній включенія и исключенія. Словомъ, достаточно, чтобы синтезъ: „бытіе+понятіе“ былъ полагаемъ а ргіогі, какъ причинный синтезъ. Однако, такъ-ли это?

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, какой смыслъ соединяется съ словомъ „понятіе“. Если видѣть въ понятіи неизмѣнный типъ, который существуетъ реально и отдѣльно отъ эмпирически данныхъ вещей, образецъ, въ отношеніи къ которому эти вещи суть лишь несовершенныя копіи, то нельзя признать его фактомъ опытнаго происхожденія. Точно также и связь, соединяющая отдѣльныя вещи съ понятіемъ, если представлять ее какъ метафизическую причастность ихъ другъ другу, можетъ быть утверждаема лишь а ргіогі. Но въ такомъ-ли смыслѣ понимается объяснимость вещей при изученіи природы?

Безъ сомнѣнія, было-бы полезно знать, что существуютъ формы или сверхчувственные идеи и типы данныхъ родовъ, и убѣдиться, что эти идеи можно познавать въ самихъ себѣ. Даже болѣе: если-бы разумъ обладалъ главными совершенными образцами, онъ пренебрегъ-бы, и не безъ основанія, познаніемъ несовершенныхъ копій и оставилъ-бы въ сторонѣ опытъ, не имѣющій другого объекта, кромѣ этихъ копій. Но нельзя доказать, что разумъ способенъ безъ помощи опыта дать содержаніе понятію или идеѣ, разсматриваемой въ качествѣ метафизическаго типа чувственныхъ вещей. Оригиналъ здѣсь познается лишь по копіи. Роль разума состоитъ только въ томъ, что онъ

преображаетъ абстрактный типъ эмпирически данныхъ вещей, придавая ему форму совершенства и вѣчности. При такихъ условіяхъ идея метафизическихъ типовъ бесполезна для изученія вещей. Синтезъ бытія и понятія въ метафизическомъ смыслѣ можетъ быть апріорнымъ познаніемъ, но не о такомъ синтезѣ идетъ у насъ рѣчь.

Скажутъ: конечно, элементомъ, познаваемымъ а priori, не можетъ быть содержаніе понятія или сумма обнимаемыхъ имъ свойствъ; но апріорна необходимая связь, устанавливаемая между этими свойствами; а такая связь предполагается въ родовомъ понятіи если не самими вещами, то по крайней мѣрѣ познаніемъ вещей.

Такой взглядъ на понятіе все-таки еще не соотвѣтствуетъ въ точности тому представленію, которое господствуетъ въ положительныхъ наукахъ. Онъ способенъ внушить ученому самонадѣянность или обезкуражить его. Убѣжденный, что вещи можно заключить въ рамки опредѣленій, ученый будетъ возводить въ безусловную истину, въ абсолютные принципы тѣ формулы, къ которымъ привели его изысканія. Здѣсь—источникъ тѣхъ системъ, которыя подобно горделивымъ и стройнымъ деревьямъ, обречены на смерть отъ постепеннаго истощенія соковъ. Если-же ученый болѣе осмотрителенъ, если онъ для возведенія своихъ формулъ въ законы выжидаетъ, когда онѣ будутъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительности, то онъ увидитъ, что предметъ его изслѣдованій отходитъ отъ него все далѣе и далѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ къ нему приближается. Самое совершенствованіе методовъ и орудій изслѣдованія только все болѣе и болѣе убѣждаетъ его въ чисто приблизительномъ характерѣ тѣхъ результатовъ, которые онъ получаетъ. Здѣсь—источникъ того научнаго скептицизма, который хочетъ видѣть въ природѣ только индивидуальныя явленія и факты, такъ-какъ въ ней невозможно найти классы и безусловные законы. Наука имѣетъ своимъ предметомъ изученіе явленій и измѣняетъ самой себѣ, если начинаетъ создавать о явленіяхъ такую идею, которая превращаетъ ихъ въ вещи въ себѣ.

Въ примѣненіи къ изученію природы понятіе не есть какая-нибудь особая сущность; оно есть лишь совокупность призна-

ковъ, общихъ извѣстному количеству существъ. Оно не есть нѣчто неизмѣняное, а есть нѣчто относительно тождественное въ совокупности данныхъ вещей. Оно не обладаетъ совершенствомъ, которое было-бы положительнымъ свойствомъ, а только относительно лишено случайныхъ элементовъ, т. е., имѣеть отрицательный характеръ. Точно также и связь понятія съ бытіемъ не есть таинственная причастность ихъ другъ другу. Это не переводъ чистыхъ мыслей въ образы, доступные чувствамъ, или символическая аналогія между феноменомъ и ноуменомъ;—это даже не измѣнное соотношеніе различныхъ элементовъ или необходимая систематизація явленій. Это—просто логическое отношеніе части къ цѣлому, содержамаго къ содержащему. Отсюда, синтезъ бытія и понятія въ его научномъ значеніи можетъ быть познаваемъ путемъ опыта и абстракціи. Опытъ открываетъ намъ сходства и различія вещей; абстракція постепенно удаляетъ измѣнчивые и случайные признаки, удерживая только постоянные и существенные. Какъ скоро такимъ путемъ образовалась идея класса или цѣлаго, опытъ научаетъ васъ, что то или иное существо обладаетъ свойствами, которыя служатъ отличительными признаками этого класса. Мы сближаемъ это существо съ подобными ему и вводимъ его въ то относительное цѣлое, которое составляютъ послѣдніе.

Такимъ образомъ, соединеніе бытія и понятія, являющееся условіемъ существованія родовъ, не только синтезъ, но синтезъ апостеріорный. Слѣдовательно, оно не можетъ быть необходимымъ теоретически. Но повидимому, оно необходимо фактически. Въ самомъ дѣлѣ, научный прогрессъ все болѣе и болѣе показываетъ, что все имѣеть не только свою причину, но и логическое основаніе, что всякая частная форма входитъ въ общую форму, что все существующее составляетъ часть системы. Невозможность логическаго соединенія какой-нибудь подробности съ цѣлымъ свидѣтельствуетъ не о безпорядкѣ въ вещахъ, а о нашемъ незнаніи.

Однако можно замѣтить, что группировка вещей при помощи понятій всегда остается болѣе или менѣе приблизительной и искусственной. Съ одной стороны дѣйствительное содержаніе понятій никогда не можетъ быть точно опредѣлено; съ

другой—всегда встрѣчаются существа, не подходящія строго подъ установленныя рамки. Въ бытіи нѣтъ стремленія къ абсолютной неподвижности, и не существуетъ такихъ понятій и категорій, даже самыхъ общихъ и основныхъ, въ которыя оно входило-бы безъ остатка. Конечно, наука, по мѣрѣ своихъ успѣховъ, будетъ все болѣе и болѣе точно опредѣлять содержаніе и объемъ родовъ; но кто рѣшился-бы утверждать, что это опредѣленіе можетъ стать когда-нибудь полнымъ и окончательнымъ? Кто могъ-бы съ увѣренностью сказать, что въ природѣ существуетъ опредѣленное число родовъ, безусловно отдѣленныхъ другъ отъ друга присутствіемъ или отсутствіемъ точныхъ признаковъ, и что всѣ существа безъ исключенія въ точности распредѣляются подъ этими общими типами? Нельзя утверждать, что на ряду съ бытіемъ, упорядоченнымъ посредствомъ понятій, нѣтъ извѣстнаго количества бытія, болѣе или менѣе уклоняющагося отъ логическаго порядка, что бытіе всегда мыслимо и понятно въ одинаковой степени, и что распредѣленіе существъ по родамъ всегда одинаково точно и гармонично.

Итакъ, родовыя понятія и всѣ допускаемыя ими опредѣленія налагаются на бытіе случайно. Разсматриваемыя со внѣ, съ точки зрѣнія бытія, они не имѣютъ неизбѣжнаго характера. Но не повинуются-ли необходимому закону самое развитіе этихъ понятій, т. е., разложеніе общаго на частное, и не сводится-ли такимъ образомъ ихъ внѣшняя случайность къ внутренней необходимости?

Законъ родоваго понятія есть законъ тождества, по которому понятіе всегда остается равнымъ себѣ, сохраняется такимъ, каково оно есть, не увеличивается и не уменьшается во всѣхъ тѣхъ логическихъ функціяхъ, которыя оно призвано выполнять. Это, можно сказать, законъ постоянства понятія. Въ силу этого закона, все, что содержится въ частномъ понятіи, а fortiori неизбѣжно содержится и въ общемъ.

Данная формула не вытекаетъ аналитически изъ самой сущности родоваго понятія. Мыслимо, что цѣлое можетъ пріобрѣтать или терять части, не переставая оттого быть цѣлымъ. Типъ можетъ измѣняться, не переставая быть типомъ.

Слѣдовательно, законъ тожества родовыхъ понятій есть положеніе синтетическое. Утверждается-ли оно а priori?

Можно различнымъ способомъ истолковывать смыслъ и границы этого закона. По одному толкованію, въ природѣ существуетъ опредѣленное число общихъ реальныхъ типовъ, которые въ примѣненіи къ индивидуумамъ выполняютъ роль сущности (субстанціи) въ ея отношеніи къ случайнымъ признакомъ (акциденціямъ). Поэтому тожество понятія во всѣхъ его различныхъ функціяхъ въ дѣйствительности основывается на тожествѣ бытія, лежащаго въ основѣ индивидуумовъ одного и того-же вида, отдѣльное существованіе которыхъ есть лишь призрачное явленіе. По другому толкованію, законъ тожества относится не къ вещамъ въ себѣ, а только къ познанію вещей. Онъ есть лишь апріорное условіе опыта. Его истинное значеніе опредѣляется потребностями мысли. Въ этомъ смыслѣ, хотя бы и существовали трансцендентныя типы, но при объясненіи вещей играютъ роль всегда тожественныя имманентныя понятія. Слѣдовательно, тожество этихъ понятій предполагается самою возможностью эмпирическаго познанія, и общее понятіе необходимо должно заключать въ себѣ все содержаніе понятій частныхъ. Кромѣ того, постоянство всѣхъ частныхъ понятій имѣетъ свое основаніе въ постоянствѣ высшаго понятія, въ которомъ содержатся всѣ остальные: роды низшаго порядка входятъ сполна въ меньшее число высшихъ родовъ, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока все не сведется къ единству. Наконецъ, вслѣдствіе этого и связь, соединяющая частное съ общимъ, условное съ условіемъ, объясняемую вещь съ объясняющимъ основаніемъ, также постоянна и безусловно необходима.

Очевидно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ значеніи законъ тожества мыслится апріорнымъ, потому что природа не даетъ намъ двухъ совершенно тожественныхъ вещей и мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ несводимыми ни къ чему признаками. Но не такіе абсолютныя принципы нужны наукѣ. Употребляемые въ качествѣ рамокъ для мышленія, они плодили-бы только софизмы, потому что конкретныя понятія, доставляемыя опытомъ, никогда не удовлетворили бы тѣмъ усло-

віямъ строгаго тожества и полнаго включенія, которыхъ они требуютъ. Такіе принципы навязали-бы научному изслѣдованію, насколько оно касается характера родовъ и ихъ взаимныхъ отношеній, точку зрѣнія, которая могла бы оказаться незаконной и которая рисковала бы извратить наблюденіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно открыть въ мірѣ случайные элементы,—предполагая, что они существуютъ,—если напередъ утверждается, что всѣ отношенія вещей должны строго сводиться къ отношенію субстанціи и акциденціи или цѣлаго къ части, если научная проблема ставится въ такихъ выраженіяхъ, которыя а priori исключаютъ случайность и превращаютъ ее въ замаскированную необходимость? Всякій запросъ, предъявленный къ эмпирически данному міру, безъ сомнѣнія, законенъ, но подъ тѣмъ лишь условіемъ, если заключающееся въ немъ требованіе не возводится напередъ въ неоспоримую истину. Напротивъ, нужно быть готовымъ поставить запросъ относительно этого самого требованія и взглянуть на вещи шире, въ случаѣ, если-бы опытъ противорѣчилъ нашимъ догадкамъ.

Въ своемъ примѣненіи къ положительнымъ наукамъ законъ тожества не предполагаетъ существованія субстанціальныхъ прототиповъ. Какимъ образомъ можно было-бы логически связать явленія съ такими разнородными сущностями? Равнымъ образомъ, тожество родового элемента въ видахъ, сведеніе всѣхъ понятій къ одному, необходимая связь частнаго съ общимъ,—все это уже не понимается болѣе въ абсолютномъ смыслѣ. Положительная наука совсѣмъ не требуетъ возможности свести всѣ понятія къ единству. Она требуетъ только относительной іерархіи понятій по степени ихъ общности. Существуетъ-ли въ концѣ концовъ одна система понятій или нѣсколько, имѣютъ эти системы при окончательномъ анализѣ единую основу или нѣтъ, распредѣляются всѣ виды по родамъ безъ остатка или существуютъ промежуточные виды,—конкретныя умозаключенія не станутъ отъ этого менѣе возможны.

Правда, въ силлогизмѣ, составляющемъ основу такихъ умозаключеній, одно и то же родовое понятіе прилагается и къ

виду, и къ индивидууму, заключающемуся въ этомъ видѣ, т. е., повидимому, признается абсолютно тождественнымъ. Но тождество здѣсь лишь въ словахъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя найти такого признака, который былъ-бы совершенно тождественнымъ у двухъ индивидуумовъ. Притомъ, на основаніи самого закона аналогіи, изъ котораго вытекаетъ существованіе видовъ, можно было-бы съ вѣроятностію полагать, что, если бы два индивидуума были тождественны въ одномъ отношеніи, они были-бы тождественны и во всѣхъ. Природа всегда даетъ намъ лишь сходства, а не тождества, и силлогизмъ можетъ заключать только отъ замѣченныхъ сходствъ къ сходствамъ еще не замѣченнымъ. Онъ не въ правѣ былъ-бы притязать на строгость выводовъ, несомѣстимую съ опытнымъ данными, которыя одни только могутъ доставлять ему матеріалъ.

Наковецъ, и по формѣ силлогизмъ имѣетъ такую-же прозрачную безусловность, какъ по своему содержанію. Нельзя притязать на установленіе точныхъ отношеній включенія между цѣлымъ и частями, если ни цѣлое, ни части сами по себѣ въ точности не опредѣлены. Когда говорятъ, что Павелъ, составляя часть вида „человѣкъ“, а *fortiori* составляетъ и часть рода „смертный“, въ которомъ заключается видъ „человѣкъ“, это значитъ только слѣдующее: если Павелъ значительнымъ количествомъ своихъ свойствъ походитъ на другія существа, уже сравненныя между собою и объединенныя въ понятіи „человѣкъ“, то въ высшей степени вѣроятно, а практически даже несомнѣнно, что онъ будетъ походить на нихъ и въ отношеніи смертности. Но чтобы такой выводъ былъ возможенъ, достаточно только допустить въ природѣ такія соединенія сходствъ, что разъ даны извѣстныя группы послѣднихъ, становится весьма вѣроятнымъ существованіе и нѣкоторыхъ другихъ группъ, т. е., достаточно допустить законъ аналогіи.

Если все это такъ, то законъ тождества, въ его научномъ употребленіи, не заключаетъ въ себѣ ни одной черты, несомѣстимой съ апостеріорнымъ происхожденіемъ. Опытъ въ состояніи дать намъ все болѣе и болѣе опредѣленныя понятія родовъ, все болѣе и болѣе общія сходства и все болѣе и болѣе постоянныя связи сходствъ.

Происходя изъ опыта, законъ тождества не можетъ считаться необходимымъ въ теоріи; онъ не есть обязательное предписаніе ни для бытія, ни для познанія вещей. Но не предписывается-ли онъ уму самою формой науки, тѣмъ идеаломъ, который она преслѣдуетъ и къ которому онъ дѣйствительно постоянно приближается? Не есть-ли это законъ логики, судъ которой признаютъ всѣ науки, и не считается-ли онъ поэтому необходимымъ на практикѣ?

Важно замѣтить, что логика, не смотря на ея необходимую роль въ познаніи, есть все-же только абстрактная наука. Она не опредѣляетъ степень мыслимости дѣйствительныхъ вещей. Она разсматриваетъ лишь понятіе вообще, въ самой точной формѣ, какую можетъ дать ему опытъ, видоизмѣненный путемъ абстракціи, и выводитъ его особенности по методу, свойственному мышленію, т. е., съ точки зрѣнія идеи постоянства этого понятія. Она развиваетъ систему законовъ, приложимыхъ къ извѣстнымъ понятіямъ въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, предполагая, что эти понятія остаются тождественными. Она образуетъ рамки, въ которыя опытъ долженъ вложить содержаніе, рискуя даже расширить и разорвать ихъ. Если она представляетъ высокую практическую достовѣрность, то это потому, что она раскрываетъ самыя общія и простыя понятія, которыя суть какъ-бы средніе типы безконечнаго множества опытовъ, такъ-что ея опредѣленія словъ являются почти опредѣленіями вещей. Здѣсь то же, что въ статистикѣ, въ которой вѣроятность, по мѣрѣ расширенія наблюдений, постепенно приближается къ достовѣрности, такъ какъ въ этомъ случаѣ частности все болѣе и болѣе уничтожаютъ другъ друга и изъ нихъ выдѣляется лишь общій фактъ во всей его чистотѣ. Но логика, вмѣсто того, чтобы служить наукѣ, измѣнила-бы ей, если бы она, искусственно завершивъ для удобства человеческого ума намѣченную опытомъ кристаллизацію понятій и давъ родовой формѣ строгость очертаній, несвойственныхъ самой природѣ, возымѣла потомъ притязаніе возводить эту абстракцію въ безусловную истину, въ творческое начало той дѣйствительности, которая ее породила. Законы, это—русло, по которому течетъ потокъ фактовъ; факты прорыли его, хотя

они-же ему и слѣдуютъ. Такимъ образомъ повелительный характеръ логическихъ формулъ, хотя-бы онъ и оправдывался практически, только кажущійся. Въ дѣйствительности объективныя логическія отношенія не предшествуютъ вещамъ, а вытекаютъ изъ нихъ и могли-бы измѣниться, если-бы вдругъ измѣнились самыя вещи въ ихъ основныхъ сходствахъ и различіяхъ.

Но можно-ли сказать, что происходятъ такія измѣненія? Попытка объяснить явленія не ставитъ ли насъ рано или поздно предъ тѣмъ, что называется природой вещей, т. е., предъ неизмѣнными свойствами и отношеніями? Если потокъ самъ вырываетъ свое русло, то значить-ли это, что онъ по своей волѣ течетъ въ томъ или другомъ направленіи? Подъ законами, обусловленными измѣненіемъ, нѣтъ ли такихъ, которые его опредѣляютъ? Подлежать-ли эти послѣдніе законы въ свою очередь измѣненію? И не придется-ли мы въ концѣ концовъ къ формулѣ: „все измѣняется, кромѣ закона измѣненія“?

Безъ сомнѣнія, человѣческій умъ съ полнымъ правомъ держится за эту идею неизмѣнной природы вещей, которой онъ обязанъ своей побѣдой надъ рокомъ и капризными сверхъестественными силами, своимъ вступленіемъ на поприще науки и своими успѣхами на немъ. Но эта идея не должна въ свою очередь царить безусловно и вновь вводить подъ другой формой вѣру въ судьбу. Если первый взглядъ на вселенную, брошенный съ этой точки зрѣнія, могъ пробудить вѣрованіе, что вещи обладаютъ неизмѣнными свойствами, вѣчной природой, въ которой кроется послѣднее основаніе всѣхъ ихъ превратностей, то болѣе глубокое изслѣдованіе показываетъ, что такъ называемая неизмѣнная основа вещей есть лишь внѣшній слой дѣйствительности, подвижный и измѣнчивый. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ проникаетъ дальше въ дѣйствительность, эта незыблемая основа все болѣе и болѣе отодвигается предъ нимъ назадъ. Вооруженный идеей родовъ и законовъ, человѣческій умъ надѣялся замѣнить искусственныя классификаціи естественными. Однако, съ развитіемъ наблюденія всякая классификація, считавшаяся естественной, оказывается въ свою очередь искусственной и возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли замѣнить раціональную систематизацію простой генеалогической

таблицей. Но если въ природѣ невозможно найти вполнѣ постояннаго отношенія, если самые существенные свойства и законы оказываются въ извѣстной степени неопредѣленными, то не вѣроятно-ли, что и самый законъ распредѣленія явленій по родамъ и видамъ (который, въ его научномъ употребленіи, есть въ концѣ концовъ лишь самая общая и самая абстрактная форма законовъ природы, послѣ закона причинной связи) въ свою очередь заключаетъ въ себѣ неопредѣленность и случайность?

Такимъ образомъ, апостеріорное разсужденіе точно такъ же, какъ и апріорная спекуляція, допускаетъ въ происхожденіи сходствъ и различій, обусловливающихъ роды и виды природы, т. е., въ возникновеніи и законѣ родовыхъ понятій, идею коренной случайности. Ничто не доказываетъ, что существуютъ роды, содержаніе и объемъ которыхъ были-бы неизмѣнны и строго опредѣлены. Конечно, можетъ быть такъ, что объективное содержаніе родоваго понятія опредѣляется все лучше и лучше, что вещи располагаются все болѣе и болѣе точно подъ опредѣленными предикатами, освобождаясь отъ признаковъ, стоящихъ въ связи съ другими, побочными понятіями. Происшедши изъ бытія, какъ изъ матеріи путемъ творенія, логическая форма можетъ въ свою очередь управлять бытіемъ и проникать его болѣе глубоко. Но, съ другой стороны, мыслимо, что бытіе, подведенное понятіемъ подъ чуждые ему законы, стремится возвратиться въ свое первоначальное состояніе разсѣянія и хаоса, и, слѣдовательно, часть логическаго порядка, выражающагося въ распредѣленіи вещей по родамъ и видамъ, постепенно уменьшается въ природѣ.

Правда, эти измѣненія остались-бы въ состояніи идеальныхъ возможностей или имѣли-бы характеръ призрачныхъ явленій, если-бы законъ причинности былъ допущенъ во всей его строгости. Тогда природа предшествующаго всецѣло и необходимо опредѣляла бы природу послѣдующаго и гармонія вещей объяснялась-бы тѣмъ, что ея зародышъ ранѣе существовалъ въ данныхъ условіяхъ. Но причина, какъ таковая, равнодушна къ гармоніи или беспорядку: причины, предоставленныя самимъ себѣ, могли-бы только противодѣйствовать другъ другу, и давали-бы такіе-же результаты, какъ случай. Такимъ образомъ,

царилъ-бы вѣчный, непоправимый безпорядокъ, если-бы силы, изъ которыхъ слагается міръ, производили свои дѣйствія неизбѣжно и не допускали-бы въ свои силы никакого высшаго вмѣшательства. Понятіе можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на дѣйствительность только въ томъ случаѣ, если причина способна получать известное направленіе. Только при этомъ условіи понятіе опредѣляетъ плодотворное взаимодѣйствіе силъ и даетъ имъ возможность производить вещи, вмѣсто того, чтобы вѣчно кружиться въ пустотѣ безъ надежды ее наполнить.

ГЛАВА IV.

О м а т е р і и.

Бытіе получаетъ логическую форму чисто случайно, и самая эта форма въ своемъ развитіи даетъ нѣкоторое мѣсто случайности. Но одни-ли эти принципы уклоняются отъ необходимости? Если даны бытіе и понятіе, то значить-ли это, что для объясненія вещей остается только выводить изъ нихъ неизбѣжныя дѣйствія?

Логическій порядокъ данъ намъ не только въ своей элементарной формѣ; онъ открывается намъ въ вещахъ, которыя можно вычислить и измѣрять; онъ является въ протяженныхъ и подвижныхъ сущностяхъ, или въ такъ называемой *матеріи*. Вытекаетъ-ли эта новая форма бытія аналитически изъ предшествующей?

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что матеріальная форма есть лишь акциденція, въ отношеніи къ которой логическія опредѣленія играютъ роль субстанціи. Въ самомъ дѣлѣ, протяженіе, продолжительность и движеніе не суть-ли понятія или общія идеи, подъ которыми распредѣляются известныя данныя вещи? Однако, такой взглядъ былъ-бы недоразумѣніемъ. Если математическія свойства являются намъ какъ понятія, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они и на самомъ дѣлѣ были только понятіями. Иное дѣло сказать, что известная сущность мыслится, и другое дѣло сказать, что она есть мысль.

Элементы матеріи могутъ быть сведены къ протяженію и движенію, такъ-какъ движеніе уже само собой предполагаетъ

и порождаетъ остальные свойства матеріальнаго бытія: продолжительность, или время, разнообразіе и число. Но чтобы имѣть возможность свести протяженіе и движеніе къ чисто логическимъ категоріямъ, нужно видѣть въ первомъ лишь сосуществованіе понятій, а во второмъ лишь послѣдовательность состояній, которыя въ свою очередь въ основѣ должны сводиться къ различнымъ понятіямъ. Справедливо-ли такое чисто логическое возрѣніе на протяженіе и движеніе?

Свойство понятія, составляющее его сущность и его совершенство, заключается въ томъ, что оно можетъ быть точно опредѣлено и, слѣдовательно, разграничено отъ другихъ видовыхъ понятій того же порядка, и способно входить сполна въ относительно родовыя понятія. Родовой элементъ тождественъ въ двухъ понятіяхъ одного и того-же рода, а видимое различіе ихъ состоитъ въ присутствіи или отсутствіи одного и того-же признака. Отсюда, понятія могутъ быть только или внѣ, или внутри другъ друга. Содержаніе двухъ понятій одного и того-же порядка стоятъ внѣ другъ друга и находятся внутри третьяго, общаго имъ, понятія. Такимъ образомъ, міръ понятій состоитъ изъ отдѣльныхъ элементовъ, исключających или включающихъ другъ друга, т. е., по существу чужды непрерывности.

Между тѣмъ, въ примѣненіи къ протяженію и движенію отсутствіе непрерывности дѣлаетъ изъ перваго безконечное множество безконечно малыхъ точекъ, а изъ второго—рядъ положеній, соотвѣтствующихъ безконечному множеству безконечно краткихъ мгновеній. Но безконечно малая точка или соприкасаются другъ съ другомъ и въ такомъ случаѣ образуютъ только одну точку, или различаются между собой и въ такомъ случаѣ отдѣляются другъ отъ друга промежутками, которые, какъ бы ни были они ничтожны по нашему представленію, никогда не могутъ быть всецѣло заполнены другими точками того-же рода. Точно также и безконечно краткія мгновенія или сливаются, или оставляютъ между собою невозможныя для заполнения пробѣлы. Отсюда слѣдуетъ, что по разсматриваемой гипотезѣ, движущееся тѣло M не можетъ пройти даже незначительнаго по величинѣ пространства $A.... B$. Въ самомъ дѣлѣ, между A и B существуетъ неопредѣлен-

ное число точекъ, и движущееся тѣло, направляясь отъ А къ В, въ дѣйствительности остается неподвижнымъ, потому что въ каждое недѣлимое мгновеніе оно находится на недѣлимой точкѣ; а законъ понятій требуетъ, чтобы въ цѣломъ, т. е., въ данномъ случаѣ въ совокупной продолжительности движенія, не заключалось ничего другого кромѣ того, что содержится въ частяхъ.

Въ концѣ концовъ, по этой теоріи протяженіе и движеніе суть лишь отношенія вещей. Вещи вполне опредѣляются и различаются другъ отъ друга единственно по внутреннимъ свойствамъ, которыя существуютъ ранѣе этихъ обманывающихъ наши чувства явленій. Такое ученіе—неудовлетворительно, потому что оно имѣетъ слѣдствіемъ отождествленіе и смѣшеніе нѣкоторыхъ вещей, которыя на самомъ дѣлѣ различны. Таковы симметричныя фігуры, не измѣренныя по способу наложенія. Различіе этихъ фігуръ не есть чисто абстрактное: оно имѣетъ свое примѣненіе въ опытныхъ наукахъ и, какъ извѣстно, объясняетъ различія химическихъ свойствъ нѣкоторыхъ кристалловъ.

Протяженіе не есть множественность, упорядоченная единствомъ: оно есть множественность и единство, слитыя вмѣстѣ и въ нѣкоторомъ родѣ отождествленныя. Это—не совокупность частей, лежащихъ внѣ другъ друга, какъ части одного и того-же порядка, или внутри другъ друга, какъ элементы частей иного, высшаго порядка; это цѣлое, состоящее изъ сродныхъ частей, чуждыхъ іерархическаго порядка и стоящихъ зарѣзъ и въ внутреннихъ, и въ вѣшнихъ отношеніяхъ между собой. Словомъ, протяженіе есть непрерывная вещь. Точно также время есть непрерывное продолженіе, а движеніе—непрерывный переходъ отъ одного мѣста къ другому. Эта идея непрерывности, составляющая сущность понятій протяженія, времени и движенія, устраняетъ всѣ софизмы, въ которые впадаютъ, когда усвояютъ даннымъ понятіямъ чисто логическій смыслъ.

Такимъ образомъ математическія свойства представляютъ собой не аналитическій синтезъ логическихъ свойствъ, не сочетаніе, для котораго логическія свойства даютъ одновременно и элементы, и законъ, и основаніе. Они заключаютъ въ себѣ новый, инородный и ни къ чему не сводимый элементъ: непрерывность.

Однако, отсюда, повидимому, не слѣдуетъ, чтобы существованіе математическихъ свойствъ было случайнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя-ли считать ихъ апріорными и потому, обязательными для природы вещей? Не представляетъ-ли познаніе непрерывности въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій, т. е., познаніе пространства и времени, свойствъ раціональной интуиціи? Что-же касается движенія, то наша идея о немъ не обязана-ли своимъ происхожденіемъ переработкѣ пространства и времени, произведенной самимъ разумомъ?

Такое возрѣніе, безъ сомнѣнія, законно, если рѣчь идетъ о пространствѣ и времени, какъ вещахъ въ себѣ, единыхъ и безконечныхъ, способныхъ существовать даже тогда, когда явленія были-бы уничтожены, и если движеніе разсматривается съ точки зрѣнія его абсолютнаго начала, какъ первичный самобытный актъ. Дѣйствительно ни опытъ, ни абстракція не могутъ сообщить вамъ ничего подобнаго. Но не въ этомъ смыслѣ разсматриваютъ пространство, время и движеніе науки, имѣющія своимъ предметомъ эмпирически данный міръ. Для нихъ пространство есть лишь продолжающееся въ безконечность протяженіе, безъ всякой другой границы, кромѣ новыхъ протяженій, время—лишь безконечная продолжительность, а движеніе—лишь переменна положенія одной вещи въ отношеніи къ другой.

Съ этой точки зрѣнія опытъ можетъ дать послѣ совершеннаго удовлетворительное объясненіе этихъ понятій въ ихъ научномъ смыслѣ. Онъ на самомъ дѣлѣ представляетъ намъ рядъ протяженныхъ и движущихся предметовъ, конца которыхъ мы никогда не видимъ, какъ-бы далеко ни простирался нашъ взглядъ.

Можетъ быть, скажутъ, что въ протяженіи, продолжительности и движеніи уже есть единство, а понятіе, заключающее въ себѣ въ какой-нибудь степени единство, не можетъ вытекать изъ опыта? Но въ такомъ случаѣ нужно отрицать самую возможность апостериорнаго познанія. Вѣдь, эмпирически данная вещь должны составлять особое цѣлое въ отношеніи къ тому, что въ опытѣ непосредственно не дано. Между тѣмъ

что останется, если мы, желая точно ограничить участіе опыта, устранить изъ эмпирическихъ понятій протяженія, продолжительности и движенія взаимную связь частей, какъ рациональную прибавку? Останется нѣчто совершенно неопредѣленное, ускользающее не только отъ ума, но даже отъ чувствъ и воображенія. Исключая изъ области опыта все, что до нѣкоторой степени заключаетъ въ себѣ единство, кончатъ тѣмъ, что сдѣлаютъ изъ данныхъ въ опытѣ элементовъ нѣчто вѣчно непознаваемое, невообразимое, неопредѣлимое и немыслимое, т. е., придутъ къ отрицанію самаго ихъ существованія. Съ этой точки зрѣнія, все исходитъ отъ разума; опытъ уже не есть особая форма познанія, а только систематизація, менѣе строгая, чѣмъ систематизація мысли; разумъ не имѣетъ другихъ законовъ познанія, кромѣ своихъ собственныхъ. Но дуализмъ, надъ которымъ думали торжествовать побѣду, тотчасъ снова появляется въ нѣдрахъ самаго разума, въ необходимомъ различеніи между апріорными воззрѣніями чувственнаго познанія и апріорными понятіями разсудка,—и теперь возникаетъ вопросъ, научно-ли свести первыя съ ихъ математическими свойствами ко вторымъ, или ихъ происхожденіе кроется въ самомъ чувственномъ познаніи, какъ особой способности? Такимъ образомъ, измѣнилась форма проблемы, а самая проблема въ сущности осталась та же.

Отнимать у опыта формы пространства и времени на томъ основаніи, что онѣ кажутся намъ безпредѣльными, значило-бы чрезмѣрно суживать границы опыта. Конечно, непосредственный опытъ не даетъ намъ ничего подобнаго, но рядъ опытовъ вполне можетъ дать намъ идею безконечной послѣдовательности, если только не устранять изъ опыта всякую интеллектуальную дѣятельность, всякое участіе разсудка, т. е., не дѣлать изъ него операцію, немыслимую не только по своему объекту, но и по самой своей природѣ. Чтобы познаніе было опытнымъ, ему достаточно имѣть такой предметъ, матерія и форма котораго заключалась-бы въ данныхъ чувствъ или въ содержаніи эмпирическаго сознанія. Дѣятельность, посредствомъ которой разсудокъ извлекаетъ изъ данныхъ чувствъ заключаю-

щіеся въ нихъ болѣе или менѣе скрытые элементы, не превращаетъ эти данныя въ апіорный элементъ.

Такимъ образомъ, понятія протяженія, продолжительности и движенія, въ томъ смыслѣ, какъ они предполагаются познаніемъ эмпирически даннаго міра, не нуждаются въ метафизическомъ происхожденіи.

Но, могутъ возразить, дѣло идетъ не только о безпредѣльности этихъ понятій, а также и объ опредѣленіяхъ ихъ; между тѣмъ, эти опредѣленія могутъ быть познаваемы лишь аргіогі и, слѣдовательно, являются необходимыми. Развѣ не аргіогі умъ построитъ понятія треугольника, круга, шара, однообразнаго движенія, параллельныхъ силъ, и вообще всѣ математическія и механическія опредѣленія? Могутъ-ли произойти изъ опыта эти точныя, полныя и адекватныя опредѣленія? Если разумъ не создалъ ихъ матерію, то онъ создалъ ихъ форму, такъ какъ они суть идеальные образцы, съ которыми природа не можетъ сравняться. Вѣдь, въ дѣйствительности не существуетъ ни прямой линіи, ни правильнаго круга, ни полнаго равновѣсія.

Конечно, путемъ опыта нельзя объяснить точность математическихъ опредѣленій, если считать эту точность положительнымъ и абсолютнымъ признакомъ, свидѣтельствующимъ о высшемъ совершенствѣ. Но, повидимому, это скорѣе отрицательный признакъ, являющійся слѣдствіемъ устраненія всѣхъ относительно случайныхъ свойствъ. Прямая линія есть не что иное, какъ траекторія движущагося тѣла, которое направляется отъ одного пункта къ другому, и только къ этому другому; равновѣсіе есть только состояніе, въ которомъ находится тѣло, когда равнодѣйствующая вліяющихъ на него силъ равна нулю. Между тѣмъ, опытъ самъ побуждаетъ насъ устранять случайности, нарушающія точность математическихъ опредѣленій. Стволъ дерева, кривойъ вблизи, кажется все болѣе и болѣе прямымъ, по мѣрѣ того, какъ мы отходимъ отъ него дальше. Какую-же нужду имѣемъ мы въ апіорныхъ понятіяхъ, чтобы завершить эту работу упрощенія и устранить при помощи мысли всѣ случайности, всѣ неправильности реальныхъ

вещей какъ видимыя для насъ, такъ и невидимыя? Такимъ путемъ мы, безъ сомнѣвія, не приобретаемъ идеи вещей, превосходящихъ дѣйствительность. Напротивъ, это—дѣйствительность обнищавшая, лишенная плоти и крови, сведенная къ состоянію скелета. Но развѣ уже такъ очевидно, что геометрическія фигуры превосходятъ дѣйствительность, и что міръ былъ бы прекраснѣе, если бы состоялъ только изъ совершенно правильныхъ круговъ и многоугольниковъ?

Такимъ образомъ, форма и матерія математическихъ элементовъ содержатся въ данныхъ опыта. Доступная измѣренію непрерывность въ сосуществованіи, послѣдовательности и перемѣщеніи вещей есть предметъ апостеріорнаго познанія.

Остается правда, связь этихъ элементовъ съ подчиненными имъ формами бытія, отношеніе математической формы въ собственномъ смыслѣ слова къ логической формѣ вещей. Но можетъ-ли разумъ аргіогі утверждать, что всякій доступный логическому объясненію фактъ происходитъ въ пространствѣ и времени и предполагаетъ существованіе движенія? Въ этомъ позволительно сомнѣваться, такъ какъ мы имѣемъ идею психологическихъ фактовъ, которые по общепринятому возрѣнію находятся внѣ пространства и не допускаютъ никакой перемѣны мѣста. Такое ученіе слишкомъ смѣло предрѣшаетъ вопросъ, который долженъ остаться открытымъ для научнаго изслѣдованія. Въ дѣйствительности вполнѣ мыслимо, что протяженіе и движеніе не есть необходимая форма всего эмпирически существующаго.

Итакъ, повидимому, невозможно аргіогі установить, ни аналитически, ни синтетически, что пространственная фигура и движеніе суть существенныя и необходимыя свойства бытія. Но нельзя-ли сказать, что о необходимости ихъ свидѣтельствуютъ сами положительныя науки тѣми методами и открытіями, которыми они обязаны этой идеѣ? Развѣ не стремленіе отыскивать во всѣхъ вещахъ математически измѣримый элементъ и предполагать повсюду существованіе фигуры и движенія обновило физику и создало механическую теорію теплоты и свѣта? Развѣ прогрессъ науки не измѣряется той ролью, какую играютъ въ нихъ математическія понятія?

Безъ сомнѣнія, столь плодотворной идеѣ должно приписывать высокую вѣроятность; но съ другой стороны, нельзя забывать и о ея происхожденіи. Вѣдь только опытъ далъ намъ познаніе фигуры и движенія, и только онъ открылъ намъ эти формы бытія во множествѣ такихъ случаевъ, гдѣ мы и не подозревали ихъ существованія. Но опытъ не можетъ доказать намъ, что эти формы свойственны всему существующему. Поражаемые, по обыкновенію, болѣе непредвидѣнными, чѣмъ обыкновенными фактами, мы склонны всюду допускать механическую основу, открытую нами въ вещахъ, которыя, повидимому, не могли ея имѣть, каковы напр., свѣтъ и теплота. Между тѣмъ существуетъ еще значительное количество формъ, которыя мы не можемъ свести къ движенію, и которыя, повидимому, не могутъ даже существовать въ движимомъ предметѣ. Таковы—интеллектуальныя способности. Мысль, что протяженіе и движеніе являются существеннымъ и всеобщимъ свойствомъ бытія, остается гипотезой, какъ-бы ни была велика та роль, которую можетъ выполнять эта идея въ наукѣ.

Впрочемъ, если-бы даже было доказано, что пространственная фигура и движеніе встрѣчаются во всемъ существующемъ, все-таки эти формы бытія нельзя было-бы возвести въ необходимыя, вѣчныя и безусловныя сущности, потому что разумокъ, пытаясь развить такую теорію, наталкивается на неразрѣшимыя трудности. Такъ, если мы предположили, что протяженіе и движеніе имѣютъ границы и образуютъ законченное цѣлое, то остается непонятнымъ, какимъ образомъ эти границы могутъ существовать безъ сопредѣльнаго протяженія и встрѣчнаго движенія. Вѣдь разумокъ не имѣетъ основанія допустить въ отношеніи къ отдаленному протяженію и движенію иныхъ законовъ, чѣмъ тѣ, которые управляютъ ближайшимъ протяженіемъ и наблюдаемымъ на опытѣ движеніемъ. Будучи обязанъ утверждать о видѣ то, что онъ знаетъ о родѣ, онъ полагаетъ, что всякое движеніе можетъ происходить лишь послѣ движенія, а протяженіе можетъ быть ограничено только протяженіемъ. Впрочемъ, если-бы онъ даже желалъ, во избѣжаніе необходимости допустить *progressus ad infinitum*, уста-

новить для нихъ какой-нибудь максимальный и минимальный предѣлъ, онъ не зналъ-бы, гдѣ положить его, такъ какъ всѣ пункты времени и пустого пространства тождественны въ его глазахъ. Напротивъ, если мы признаемъ, что протяженіе и движеніе безграничны, разумокъ долженъ заключить отсюда, что они никогда не бываютъ полными и законченными, что они безпрестанно возникаютъ и исчезаютъ, что они стществуютъ и не существуютъ. Но тогда онъ не можетъ считать безусловной такую неуловимую вещь, которая всегда стоитъ на пути къ осуществленію и никогда не осуществляется, которая не существуетъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ, а только въ одномъ настоящемъ мгновеніи,—этой безконечно малой точкѣ между двумя безднами небытія.

Такимъ образомъ протяженіе и движеніе являются для бытія случайными формами. Отсюда, и всѣ виды протяженія и движенія суть въ свою очередь новые и случайные элементы въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ формамъ. Но не управляется-ли происхожденіе этихъ видовъ закономъ, внутренне присущимъ самой матеріи, и не является-ли этотъ законъ неизмѣннымъ?

Основнымъ закономъ математическихъ опредѣленій служатъ постоянство измѣримаго количества во всѣхъ разложеніяхъ и соединеніяхъ протяженія и движенія. Онъ имѣетъ своимъ конкретнымъ выраженіемъ формулу *сохраненія силы*. Необходимъ-ли этотъ законъ?

Нельзя сказать, что законъ сохраненія силы вытекаетъ а priori изъ самаго понятія протяженія и движенія. Протяженіе и движеніе не измѣнили-бы своей природы, если-бы первое увеличилось размѣрами, а второе—скоростью или продолжительностью. Но не полагается-ли этотъ законъ а priori разумомъ, какъ необходимый синтезъ?

Безъ сомнѣнія, если видѣтъ въ измѣримомъ количествѣ только символъ какой-нибудь метафизической сущности, какова, наприм., активная сила, то рассматриваемый законъ не можетъ быть познаваемъ а posteriori. Но дѣло идетъ о вещи иного рода. Математика рассматриваетъ только наблюдаемыя

реальности. Пространственная фигура и движеніе доступны чувствамъ. Понятіе измѣренія математически сводится къ понятію конгруэнціи, независимо отъ мѣста и положенія фигуръ и отъ способа, какимъ онѣ накладываются другъ на друга, т. е., сводится къ даннымъ, получающимъ свое объясненіе въ опытѣ. Сила, масса, вѣсъ—все это въ механикѣ чувственные величины, измѣримыя численно. Научная формула количества сохраняющейся энергіи состоитъ изъ понятій, не имѣющихъ никакого метафизическаго характера.

Въ дѣйствительности, человѣкъ не сразу открылъ основныя принципы математики. Онъ размышлялъ и сомнѣвался, примѣнялъ наблюденіе, опытъ, абстракцію и наведеніе. Нѣкоторые основныя законы, принимаемые въ настоящее время безпрекословно, какъ напр., открытый Галилеемъ законъ независимости движеній, на первыхъ порахъ подвергались многочисленнымъ возраженіямъ со стороны лицъ, считавшихъ ихъ нелѣпыми.

Быть можетъ, сверхчувственный характеръ математическихъ законовъ заключается въ знакѣ $=$, соединяющемъ ихъ формулы?

Но равенство, которое впрочемъ предполагаетъ различія и потому отличается отъ безусловнаго тождества, можетъ считаться простымъ математическимъ предѣломъ, къ которому постепенно приближается разумъ, когда онъ наблюдаетъ предметы, представляющіе все меньшія и меньшія различія въ величинѣ, и отвлекаетъ отъ нихъ особенности, неизбѣжно свойственныя имъ по природѣ. Такая операція, конечно, не заключаетъ въ себѣ никакого апріорнаго познанія. Если-бы еще можно было утверждать что разумъ имѣетъ интуитивное представленіе о тѣхъ идеальныхъ сущностяхъ, которыя онъ такимъ образомъ создаетъ, если-бы можно было считать геометрическія фигуры или группы силъ въ самой ихъ математической формѣ объектами воображенія, тогда дѣйствительно нужно было-бы признать, что онѣ познаются а priori, посредствомъ нѣкотораго рода метафизическаго чувства, такъ какъ опытъ не даетъ намъ для нихъ образца. Но если эти предметы доступны воображенію лишь въ грубой формѣ, если въ ихъ точной формѣ они могутъ быть только мыслимы, то ничто не препятствуетъ допустить, что они происходятъ изъ опыта, переработаннаго абстракціей.

Наконецъ, можетъ быть, скажутъ, что законъ сохраненія силы обнимаетъ собою всю совокупность движенія во вселенной, предполагаетъ его существованіе абсолютно независимымъ отъ какого-нибудь первоначальнаго толчка и потому безконечно превосходитъ опытъ, который даетъ намъ познаніе только части или отрывка вещей.

Въ такомъ значеніи данный законъ дѣйствительно требовалъ-бы еще метафизическаго происхожденія; но не въ этомъ смыслѣ примѣняется онъ въ положительныхъ наукахъ. Формула, къ которой стремятся свести всѣ частныя законы движенія, предполагаетъ только сохраненіе силы въ опредѣленной системѣ механическихъ элементовъ. Но такія понятія не выходятъ за границы опыта; даже болѣе,—они не могутъ имѣть другого источника, кромѣ самаго опыта.

Итакъ, законъ сохраненія измѣримаго количества во всѣхъ превращеніяхъ протяженія и движенія не есть апріорный принципъ, предписанный разумомъ вещамъ или познанію вещей: онъ есть только обобщеніе опыта.

Но не облеченъ-ли онъ даже въ этомъ смыслѣ безспорнымъ авторитетомъ? Не равняется-ли онъ на практикѣ апріорному закону? Не составляетъ-ли онъ исходной точки строго аналитическихъ выводовъ въ чистой математикѣ и рациональной механикѣ?

Не нужно питать иллюзіи относительно дедуктивной формы этихъ наукъ: ихъ дедуктивныя заключенія, какъ и ихъ данныя, суть чисто эмпирическія отвлеченія. Эти науки опредѣляютъ то, что произойдетъ, если осуществлены извѣстныя формы движенія и если измѣримое количество въ нихъ остается постояннымъ. Нельзя считать факты необходимыми во имя закона, значеніе котораго основывается исключительно на наблюденіи фактовъ, если мы не желаемъ вращаться въ логическомъ кругѣ. Тотъ-же самый опытъ, которому математическій законъ обязанъ своимъ значеніемъ, ограничиваетъ и его область. Мы не имѣемъ права возводить этотъ законъ въ безусловную истину и примѣнять его ко всемъ наукамъ, даже къ самой морали, слѣпо ниспровергая все, что ставится на его пути. Эта алгебраическая формула не создаетъ вещей и даже не

управляетъ ими: она служитъ только выраженіемъ ихъ внѣшнихъ отношеній.

Однако, и въ такомъ смыслѣ не дѣлаетъ-ли законъ сохраненія силы невѣроятнымъ существованіе какой-бы то ни было случайности въ возникновеніи движенія? И если-бы случайность въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже существовала, противорѣчатъ-ли она его коренной необходимости?

На первый взглядъ представляется возможнымъ примирить съ этимъ закономъ оба принципа,—и случайность и необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, исключается-ли сохраненіемъ силы случайное употребленіе этой силы? Если случайности нѣтъ въ количествѣ движенія, то не можетъ-ли быть ея въ направленіи послѣдняго? Но подобное различеніе въ настоящемъ случаѣ бесполезно. Вѣдь, для того чтобы измѣнить направленіе движенія согласно съ законами механики, нужно или ввести новое движеніе, или уничтожить одно изъ прежнихъ составныхъ движеній, т. е., нужно или увеличить, или уменьшить количество силы.

Быть можетъ, стануть различать механическое движеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова отъ движенія скрытаго или молекулярнаго, и скажутъ, что законъ сохраненія силы опредѣляетъ только количество молекулярнаго движенія, которое можетъ быть слѣдствіемъ даннаго механическаго движенія, или наоборотъ, а не превращеніе одного движенія въ другое, такъ-что количественное соотношеніе этихъ движеній должно быть необходимымъ, а превращеніе ихъ можетъ быть случайнымъ? Но молекулярное движеніе въ сущности есть лишь сумма внутреннихъ движеній, отличающихся отъ механическаго движенія только отсутствіемъ равнодѣйствующей. Поэтому оно можетъ измѣняться въ механическое движеніе только благодаря перемѣнѣ въ направленіи составляющихъ его элементарныхъ движеній, т. е., опять благодаря вмѣшательству новой силы, благодаря увеличенію или уменьшенію количества движенія.

Можетъ быть, возможность случайнаго движенія ограничатъ лишь тѣмъ случаемъ, когда взаимодействіе силъ опредѣляетъ состояніе равновѣсія, и скажутъ, что иногда прибавленіе без-

конечно малаго количества можетъ оказаться достаточнымъ для его нарушенія, какъ это бываетъ въ случаѣ неустойчиваго равновѣсія? Но осуществляется-ли когда-нибудь подобное идеальное равновѣсіе? Затѣмъ, какъ-бы ни была незначительна добавочная сила, не должна-ли она имѣть доступную измѣренію интензивность, чтобы произвести дѣйствіе?

Скажутъ, что въ природѣ могутъ быть случаи, аналогичные съ тѣми проблемами, которыя допускаютъ безразлично нѣсколько рѣшеній, такъ какъ въ валичныхъ данныхъ не содержится всѣхъ условій, необходимыхъ для окончательнаго опредѣленія результата, и что только въ этихъ случаяхъ осуществленіе одного слѣдствія предпочтительно предъ другими случайно? Но это значило-бы не признавать закона, по которому ничего не можетъ произойти, если нѣтъ основанія для осуществленія одной противоположности предпочтительно предъ другою. Если же въ однихъ процессахъ основанія могутъ быть случайны, то почему-же въ другихъ они должны быть необходимы?

Быть можетъ, укажутъ на то, что теорія вѣроятностей дѣлаетъ понятнымъ относительное постоянство общаго при случайной измѣнчивости подробностей, и что открытіе опредѣленности, свойственной цѣлому, нисколько не противорѣчитъ основной гипотезѣ о возможности безусловно произвольныхъ частныхъ случаевъ? Но было-бы неточно думать, что въ дѣйствительности частные случаи когда-нибудь бываютъ безусловно произвольными. Число билліардныхъ шаровъ, наприм., попадающихъ въ лузу, опредѣляется извѣстными условіями, и только существованіе этихъ условій объясняетъ возможность постоянной средней величины. Что-же касается кажущейся неопредѣленности частныхъ случаевъ, то не исчезнетъ-ли она, если мы допустимъ въ природѣ существованіе двоякаго рода причинъ: причинъ координированныхъ, постоянныхъ и всеобщихъ, тѣхъ самыхъ, которыя порождаютъ законъ, и причинъ незначительныхъ, временныхъ и лишенныхъ координаціи, т. е., такихъ, которыя въ значительной степени уничтожаютъ одна другую и потому практически равняются случайности, предполагаемой математикомъ? Исчисленіе вѣроятностей принадле-

жить къ числу проблемъ, въ которыхъ давняя не полны. Но не является-ли оно уже по этому самому искусственною абстракціей? И не окажется-ли въ концѣ концовъ, что необходимость устанавливаемыхъ имъ такимъ путемъ общихъ законовъ столь-же ускользнетъ отъ точной оцѣнки, какъ и случайность частныхъ фактовъ?

Нельзя-ли, наконецъ, раздѣлить данный міръ и допустить, что законъ сохраненія силы, будучи необходимъ и безусловенъ тамъ, гдѣ онъ примѣнимъ, все-таки не имѣетъ всеобщаго значенія, и что нѣкоторая часть существъ отъ него свободна? Нельзя-ли признать различные источники движенія, одни чисто матеріальные, другіе—живые или даже мыслящіе, и ограничить примѣненіе закона живыхъ силъ только первыми? Но такое различіе является незаконнымъ, когда полагаютъ, что между мыслью, направляющей движеніе, и движеніемъ, воспринимаемымъ мыслью, существуетъ безконечное количество промежуточныхъ звеньевъ, и что опытъ иногда не можетъ въ точности опредѣлить начало механическаго ряда. Въ дѣйствительности разсматриваемое ученіе отчасти согласуется съ условіями научнаго объясненія, отчасти-же уклоняется отъ нихъ. Какъ измѣрить силу, которою располагаютъ эти высшіе агенты, разнородные отъ механическихъ? Да и откуда видно, что количество силы, собранной въ нервахъ, производитъ болѣе работы, включая сюда и работу пассивную, чѣмъ то-же самое количество силы, содержащееся въ какомъ-нибудь чисто механическомъ аппаратѣ? Не ясно-ли, что, допуская случайность въ дѣйствіи органическихъ и психическихъ силъ, мы не имѣемъ права приписывать необходимость и механическимъ процессамъ?

Вообще, примирить какую бы то ни было степень случайности возникновеніи движенія съ закономъ сохраненія силы, допуская его абсолютность, невозможно. Такую случайность можно понять лишь при томъ условіи, если этотъ законъ даже въ отношеніи къ самому механическому міру не служитъ необходимымъ выраженіемъ природы вещей. Противорѣчитъ-ли такое воззрѣніе опыту?

Не нужно заблуждаться, относительно значенія знака =, употребляемаго для выраженія того отношенія, которое соединяетъ на основаніи этого закона составныя силы съ ихъ равнодѣйствующей. Прежде всего, человѣкъ никогда не можетъ констатировать безусловнаго равенства. Затѣмъ, несмотря на это равенство, равнодѣйствующая есть все-таки нѣчто новое по отношенію къ своимъ antecedентамъ. Было нѣсколько силъ, а теперь ихъ только одна. Эти силы имѣли извѣстныя направленія, а теперь направленіе измѣнилось. Нѣчто существовало, чего теперь уже болѣе нѣтъ, и нѣчто не существовало, что теперь существуетъ. Правда, частныя и сложныя превращенія сводятся къ превращеніямъ общимъ и простымъ и потому кажутся необходимыми если не сами по себѣ, то по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ законамъ этихъ послѣднихъ. Но какъ бы ни были просты и непосредственны превращенія движенія, выраженныя въ общихъ законахъ, они всегда предполагаютъ уничтоженіе и твореніе. Между тѣмъ, развѣ мыслимо, чтобы движеніе могло быть само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для его собственнаго уничтоженія и для возникновенія новаго движенія? Развѣ можно допустить необходимую связь между тѣмъ, что болѣе уже не существуетъ, и тѣмъ, что существуетъ, между существующимъ и еще не существующимъ, между бытіемъ и не-бытіемъ?

Законъ сохранения силы предполагаетъ измѣненіе, котораго онъ не объясняетъ и которое онъ даже сдѣлалъ-бы невысказаннымъ, если-бы мы рассматривали его какъ принципъ, неограниченно управляющій первичными состояніями матеріи. Такимъ образомъ, этотъ законъ не безусловенъ. Онъ не имѣетъ власти надъ тѣмъ первоначальнымъ измѣненіемъ, которое должно произойти, чтобы онъ могъ получить свое примѣненіе.

Но, скажутъ, измѣнчивыя элементы составляютъ только качества вещей, а не сущность ихъ. Послѣдняя состоитъ въ протяженіи и движеніи, т. е., какъ-разъ въ томъ количественномъ элементѣ, сохраненіе котораго утверждаетъ математическій законъ.

Такая доктрина въ результатѣ сводитъ качественное измѣ-

неніе, къ чисто призрачному явленію и вмѣстѣ съ тѣмъ превращаетъ въ иллюзію все то, что природа представляетъ намъ наиболѣе возвышеннаго, нисколько не уясняя того отношенія, которое можетъ существовать между неизмѣннымъ элементомъ, признаваемымъ субстанціей вещей, и качественнымъ измѣненіемъ, составляющимъ ихъ явленіе. Затѣмъ, въ чемъ собственно замѣчается тотъ элементъ, о которомъ утверждаютъ, что онъ остается постояннымъ во всѣхъ качественныхъ измѣненіяхъ? Есть-ли это чистое и простое количество? Но количество есть только мѣрка, абстракція, идеальный предѣлъ, а не реальность. Есть-ли это количество нѣсколькихъ качествъ? Но количественныя мѣрки можно сравнивать лишь въ томъ случаѣ, если онѣ относятся къ одному и тому-же качеству. Есть-ли это, наконецъ, количество одбого и того-же качества, каковымъ именно и была-бы движущаяся протяженность? Но тогда что-же служить субстанціей,—количество, которому никогда не удастся стать реальностью, получить опредѣленность и устойчивость, требуемую этой идеей, или качество, которое сообщаетъ количеству это постоянное колебаніе, противорѣчащее ея смыслу? Не подчинено-ли количество въ свою очередь какому-нибудь новому элементу иной природы, и остается-ли оно при этихъ условіяхъ совершенно тѣмъ-же, какъ если бы оно существовало само по себѣ? Можно-ли найти даже въ такомъ элементарномъ качествѣ, какъ пространственное движеніе, ту опредѣленность и тожество, которыя предполагаются абстрактной математической? Прежде всего, не стоитъ-ли это качество въ тѣсной связи съ другими, и не должно-ли оно соединяться съ ними незамѣтными переходами, точно такъ-же, какъ въ высшихъ областяхъ физическія и химическія свойства постепенно сближаются съ процессами жизни? Не представляетъ-ли, напримѣръ, колебательное движеніе одной изъ такихъ посредствующихъ ступеней? Затѣмъ, въ силу того-же самаго, существуетъ-ли полное тожество по природѣ между всѣми реальными движеніями? Не являются-ли одни изъ нихъ болѣе способными породить колебательныя движенія, чѣмъ другія? А если такъ, то образуетъ-ли совокупность составныхъ силъ совершенно однородное цѣлое?

Разсматривать количество, какъ сумму однородныхъ качествъ или какъ вѣчто, независимое отъ всякаго качества, значить выходить изъ условій дѣйствительности. Все, что существуетъ, обладаетъ качествами и потому причастно коренной неопредѣленности и измѣнчивости, составляющимъ сущность качества. Такимъ образомъ, законъ безусловнаго постоянства количества не имѣетъ точнаго приложенія къ дѣйствительнымъ вещамъ: послѣднія обладаютъ неисчерпаемымъ запасомъ жизни и измѣненія. Та особенная достовѣрность, которую представляетъ математика, какъ абстрактная наука, не даетъ намъ права считать математическія абстракціи въ ихъ строгой и однообразной формѣ точнымъ выраженіемъ дѣйствительности.

Впрочемъ, опытъ, какъ бы ни были широки его основанія, нигдѣ не показываетъ намъ совершенно устойчивыхъ механическихъ соотношеній. Даже такіе правильные и однообразные міровые процессы, какъ обращенія звѣздъ, не имѣютъ безусловно тождественныхъ періодовъ. Неизмѣнный законъ отступаетъ предъ наблюдателемъ. Намъ кажется, что мы постигли-бы его, если-бы могли наблюдать всѣ явленія въ цѣломъ. Но что такое цѣлое въ пространствѣ и времени? Неопредѣленность, которая неизбежно существуетъ въ среднихъ величинахъ самыхъ значительныхъ механическихъ соотношеній, вѣроятно, имѣетъ свое основаніе въ случайности частныхъ.

Но если общіе процессы чрезвычайно медленны и почти не замѣтны, то каковы-же должны быть тѣ частныя измѣненія, которыя ихъ опредѣляютъ? Поэтому-то природа, созерцаемая въ одно мгновеніе, кажется неподвижной, тогда какъ въ дѣйствительности все движется, живетъ и развивается. И если случайное развитіе механическаго міра совершается, какъ можно съ вѣроятностью полагать, путемъ непрерывныхъ переходовъ; если частныя измѣненія, когда они не уничтожаютъ другъ друга, дѣйствуютъ скорѣе своимъ числомъ, продолжительностью координаціей, чѣмъ своей интенсивностью, то становится совершенно понятнымъ, почему человѣкъ, который способенъ съ точностью изучать вещи только посредствомъ анализа ихъ, не могъ-бы непосредственно провѣрить существованіе этихъ неза-

мѣтныхъ случайныхъ процессовъ. Впрочемъ, иногда бываютъ для всѣхъ очевидные случаи, когда достаточно незначительныхъ и незамѣтныхъ самихъ по себѣ измѣненій, чтобы вызвать въ концѣ концовъ, путемъ ряда чисто механическихъ отраженій, значительные результаты. Таковы нѣкоторые случаи нарушенія равновѣсія. Зерно, упавшее изъ клюва птицы на покрытую снѣгомъ гору, можетъ привести зъ движеніе лавину, которая завалитъ долины.

Такимъ образомъ возникновеніе матеріи и ея состояній представляетъ собою новую побѣду вещей надъ необходимостью, побѣду, обязанную высшему значенію матеріи, а также эластичности ткани причинъ и видовъ, дозволившей этой новой формѣ бытія возникнуть и развиться въ ней.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Марта № 5. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Опредѣленіе Св. Синода.—Отъ Высочайше утвержденного Комитета по сооруженію православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, прихожанинъ Покровской церкви села Матвѣевки, Богодуховскаго уѣзда, мѣщанинъ Яковъ Комышанъ приобрѣлъ для приходской церкви: Евангеліе, трехсвѣчникъ и выносный фонарь, все стоимостію 106 р.; Харьковскій купецъ Иванъ Лихолеть, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ соорудилъ на собственные средства для Сороковской церковно-приходской школы, Зміевскаго уѣзда, новое зданіе, стоимостію 1,000 руб.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданическихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 10-й день января 1899 года, благоугодно было Собственнооручно начертать: *„Прочелъ съ удовольствіемъ“*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 5—16 февраля сего года за № 461, постановлено: дать знать по духовному вѣдомству, для руководства и исполненія: а) что всѣ ходатайства отъ монастырей

о постановкѣ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ кіотовъ съ иконами, а равно и кружекъ для сбора пожертвованій должны поступать къ мѣстнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, отъ которыхъ и будетъ зависѣть, по сношеніи съ подлежащими начальниками и управляющими желѣзныхъ дорогъ, разрѣшеніе таковыхъ ходатайствъ, при чемъ въ самыхъ ходатайствахъ должны быть указаны средства, на кои предполагается поставить и впоследствии содержать кіоты въ надлежащемъ благолѣшіи и видѣ, и б) что кіоты съ иконами и при нихъ кружки для сбора пожертвованій поставляются по преимуществу на пассажирскихъ станціонныхъ платформахъ и должны быть ограждаемы приличною, достаточной величины рѣшеткою.

Отъ Высочайше утвержденного Комитета по сооруженію православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ.

Русскіе люди съ живымъ интересомъ относятся къ строящемуся въ г. Варшавѣ православному храму, чему яснымъ доказательствомъ служатъ стекающіяся со всѣхъ концовъ русской земли пожертванія, сумма которыхъ достигаетъ въ настоящее время болѣе полу-милліона рублей. Въ виду сего Высочайше утвержденный Комитетъ по постройкѣ соборнаго храма въ Варшавѣ относительно хода постройки собора въ Варшавѣ и о состояніи Комитетскихъ средствъ сообщаетъ, что постройка означеннаго собора, начатая въ 1894 г., будетъ закончена вчернѣ въ непродолжительномъ времени. Теперь зданіе выведено до оконъ барабановъ. Въ наступающемъ строительномъ сезонѣ предположено сдѣлать купола и главы, которыя будутъ покрыты мѣдными золочеными листами. Основной строительный фондъ составили частныя пожертванія обильно стекавшіяся со всѣхъ концовъ Россіи и достигающія въ настоящее время вмѣстѣ съ процентами болѣе полу-милліона рублей. Сумма эта краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ искреннемъ интересѣ, съ которымъ русскіе люди относятся къ строящемуся въ г. Варшавѣ православному храму. Дальнѣйшія пожертванія, необходимыя для успѣшнаго и безостановочнаго хода работъ, могутъ быть направляемы на имя Варшавскаго Генераль-Губернатора и строительнаго Комитета или сдаваться непосредственно въ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ казначействахъ. Въ распоряженіи Комитета къ 1 января 1899 г. состоятъ свободныхъ суммъ 172,083 р. 73½ к.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.

I. Открытіе курсовъ.

По опредѣленію Св. Синода отъ 12 мая лѣтомъ 1898 г. въ г. Харьковѣ учреждены были педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ школъ Харьковской епархіи. Курсы должны были продолжаться отъ 4 до 6 недѣль. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ Св. Синода, 25 іюня 1898 г., по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и послѣдовало открытіе курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ при Харьковскомъ мужскомъ духовномъ училищѣ. Въ означенный день въ 11 часовъ утра въ присутствіи членовъ епархіальнаго училищнаго совѣта, членовъ распорядительной комиссіи, членовъ Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія Совѣта, Епархіальнаго и нѣкоторыхъ уѣздныхъ оо. наблюдателей, нѣкоторыхъ оо. благочинныхъ и представителей духовенства и всѣхъ явившихся на курсы учителей, предсѣдателемъ Епархіальнаго училищнаго Совѣта ректоромъ Семнаріи протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ, въ сослуженіи протоіереевъ и священниковъ, членовъ Епархіальнаго училищнаго Совѣта, Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія, наблюдателей и прочаго духовенства, совершенно было Господу Богу молебное пѣніе предъ началомъ ученія. На молебнѣ пѣлъ хоръ курсистовъ—учителей подъ управленіемъ учителя пѣнія свящ. Іоанна Петровскаго. По окончаніи молебнаго пѣнія, всѣ присутствовавшіе на немъ перешли въ залъ, въ которомъ устроена была аудиторія, и здѣсь предсѣдатель Епархіальнаго училищнаго Совѣта въ краткомъ привѣтственномъ словѣ, обращенномъ къ курсистамъ, выяснилъ имъ цѣль и значеніе открываемыхъ курсовъ, а Епархіальный наблюдатель Вас. Давыденко указалъ имъ, въ чемъ должны будутъ состоять ихъ занятія на курсахъ. Послѣ этого курсы объявлены были открытыми.

II. Управление курсами.

На основаніи § 4 „временныхъ правилъ для устройства курсовъ педагогическихъ и церковнаго пѣнія для учителей школъ церковно-приходскихъ и грамоты“ Харьковскимъ Епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 20 апрѣля избрана была распорядительная комиссія, утвержденная резолюціею Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа

Харьковскаго, отъ 29 того же апрѣля. Въ составъ комиссіи вошли слѣдующія лица: Предсѣдатель Епархіальнаго училищнаго Совѣта, ректоръ Семинаріи протоіерей Іоаннъ Знаменскій, въ качествѣ инспектора курсовъ; Епархіальный наблюдатель школъ Харьковской епархіи, Василій Давыденко, въ качествѣ смотрителя курсовъ, и экономъ Харьковскаго мужскаго духовнаго училища діаконъ Василій Ковалевскій, въ качествѣ эконома курсовъ. Кромѣ того для ознакомленія съ задачами курсовъ, ходомъ учебныхъ занятій и достигаемыми на курсахъ результатами приглашались для присутствованія на курсахъ въ помощь распорядительной комиссіи уѣздные наблюдатели.

III. Составъ преподавателей.

Для руководства учебными занятіями на курсахъ приглашены были Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ слѣдующія лица:

1) По закону Божію—законоучитель церк.-прих. школы въ г. Харькова, членъ Харьковскаго Общества Грамотности священникъ Вас. Ветуховъ.

2) По церковному уставу—предсѣдатель Епарх. Учил. Совѣта, Ректоръ Семинаріи Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

3) По церковному пѣнію—для старшей группы учитель пѣнія Хар. Дух. Семинаріи, Ник. Ковинъ, окончившій курсъ Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія; для младшей группы—учитель пѣнія Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, свящ. Іоаннъ Петровскій, получившій права учителя пѣнія по экзамену при С.-Петербургской придворной пѣвческой капеллѣ. Кромѣ уроковъ церковнаго пѣнія—г. Ковинъ обучалъ учителей пгрѣ на скрипкѣ, а о. Петровскій преподавалъ хоровое пѣніе.

4) По дѣдактикѣ и методикѣ обученія русскому языку, ц.-славянскому и письму—преподаватель педагогики при Харьковской Духовной Семинаріи и руководитель образцовой при Семинаріи школы, магистръ богословія Н. Страховъ.

5) По методикѣ обученія арифметикѣ—преподаватель математики при Хар. Дух. Семинаріи, кандидатъ университета, Иванъ Кудревичъ, руководившій преподаваніемъ этого предмета въ педагогическихъ классахъ женской гимназій.

6) Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ школьнаго курса, на курсахъ ведено было обученіе переплетному мастерству подъ руководствомъ переплетчика Сергѣя Шепелева.

IV. Составъ слушателей курсовъ.

Для слушанія педагогическихъ курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ Харьковской епархіи вызваны были 80 учителей и 1 учительница изъ всѣхъ 11 уѣздовъ Харьковской епархіи въ слѣдующемъ количествѣ:

1) *Изъ Ахтырскаго уѣзда* 7 учителей: діаконъ Мих. Артюховскій, Ал-ръ Глушковъ, псалом. Іак. Левицкій, діак. Вас. Лобковскій, псал. Мих. Нестеренко, псал. Ив. Покровскій и Мих. Сукачевъ.

2) *Изъ Богодуховскаго уѣзда* 6 учителей: діак. Стеф. Волковъ, Петръ Марченко, псал. Ив. Семеновъ, псал. Θεод. Толмачевъ, псал. Мих. Улановъ и псал. Ив. Ястремскій.

3) *Изъ Валковскаго уѣзда* 5 учителей: Нпк. Богословскій, діак. Іаевифъ Бугуцкій, псалом. Дим. Крыжаповскій, псал. Θεод. Николаевскій и псал. Яковъ Фальченко.

4) *Изъ Волчанскаго уѣзда* 4 учителя: діак. Пав. Гревизирскій, псал. Ив. Рубинскій, діак. Никифоръ Рубинскій и Ал-ръ Труфановъ.

5) *Изъ Зміевскаго уѣзда* 8 учителей: Андр. Крутьевъ, діак. Мих. Павловъ, Іаковъ Поллущкій, Григ. Рогальскій, діак. Стеф. Стефановскій, псал. Георг. Толмачевъ, діак. Іоаннъ Тропцкій и Ив. Ходаковскій.

6) *Изъ Изюмскаго уѣзда* 8 учителей: діак. Архист. Бѣлковъ, діак. Іак. Даневскій, діак. Дим. Кириченко, діак. Порфирій Котляревскій, діак. Дим. Наумовъ, псал. Евр. Огульковъ, псал. Ал-дръ Тптовъ и діак. Ал-ръ Черняевъ.

7) *Изъ Купянскаго уѣзда* 8 учителей и 1 учительница: псал. Мих. Волкисъ, псал. Мих. Дзюбановъ, діак. Мих. Иваницкій, псал. Нпк. Келебердинскій, Иванъ Колотовскій, діак. Алексій Мухинъ, діак. Тих. Платоновъ, псал. Θεод. Стесенковъ и учительница Евдокія Абросимова.

8) *Изъ Лебединскаго уѣзда* 7 учителей: діак. Леонт. Антоновъ, псал. Грпг. Любарскій, діак. Ал. Подольскій, діак. Іоаннъ Приходинъ, псал. Евѳимій Радовскій, псал. Ив. Рубинскій и діак. Іоаннъ Эваряцкій.

9) *Изъ Старобѣльскаго уѣзда* 10 учителей: Мпронъ Бондаренко, Сергій Бутковъ, Θεоктистъ Впдутенко, псал. Ив. Должанскій, Конст. Захарьевъ, Савва Квятка, Яковъ Машенко, діак. Іоаннъ Мухинъ, Семень Роменскій и Василій Царевскій.

10) *Изъ Сумскаго уѣзда* 8 учителей: діак. Іоаннъ Бородаевскій, псал. Ив. Бородаевскій, псал. Мих. Бородаевскій, діак. Іоаннъ

Григорьевъ, Мпх. Клисенко, Констант. Николаевъ, псал. Вас. Равский и Георгій Рублинскій.

11) Изъ Харьковскаго уезда 3 учителя: Ив. Буть, Григ. Галчинскій, псал. Василій Иваницкій, Георгій Кіяновскій, діак. Петръ Лобковскій, псал. Конст. Петровскій, псал. Дим. Протопоновъ, Дмитрій Рагулинъ и Евв. Темный.

Изъ числа 81 слушателей педагогическихъ курсовъ только 3 еще не были учителями, всѣ же остальные большій или меньшій срокъ уже служили въ школахъ, именно: 18 состояли 1 годъ въ должности учителя, 5—2 года, 16—3 года, 23—4 года, 5—5 лѣтъ, 1—6 лѣтъ, 3—7 лѣтъ, 2—8 лѣтъ, 2—9 лѣтъ, 1—10 лѣтъ, 1—12 лѣтъ, и 1—13 лѣтъ.

По образовательному цензу слушатели курсовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: уволенныхъ изъ разныхъ классовъ дух. Семинаріи 14, именно: изъ 5 кл. 2, изъ 4 кл. 2, изъ 3 кв. 2, изъ 2 кл.—4 и изъ 1 кл. 4; окончившихъ курсъ духовн. училища 16, не окончившихъ курса дух. училища 23, изъ 5-го кл. мужской гимназіи 1, изъ 4 кл. муж. гим. 1, изъ городского училища 10, изъ двухкласснаго министерскаго училища 4, окончившихъ курсъ церковно-приход. и земской школы 6, изъ фельдшерской школы 1 и домашняго образованія 5. Изъ нихъ имѣющихъ званіе учителя было 34, не имѣющихъ—47.

У. Учебныя занятія на педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ школъ.

Учебныя занятія на курсахъ начались съ 26 іюня и непрерывно продолжались до 4 августа. Предъ началомъ занятій инспекторомъ курсовъ составлено было росписаніе уроковъ, которое затѣмъ и выполнялось неизмѣнно. Учебныя занятія въ теченіе дня распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 4 часовыхъ уроковъ съ 9 до 1³/₄ ч. утромъ и 2 уроковъ съ 5 до 7¹/₄ ч. вечеромъ. Наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней вечернихъ занятій не было. Послѣ ужина часто устраивались спѣвки частію для богослуженія въ воскресные и праздничные дни, частію для упражненія въ пѣніи.

Количество и содержаніе лекцій было слѣдующее:

1) По закону Божію дано было 6 уроковъ законоучителемъ свящ. Вас. Ветуховымъ. Предметомъ уроковъ служило практическое ознакомленіе слушателей со способами и приемами обученія молитвамъ, Свящ. исторіи в катихизису и указаніе, какимъ образомъ учебный матеріалъ, намѣченный программой, распредѣляется между классными группами и въ теченіе всего учебнаго года.

2) По церковному уставу 5 уроковъ дано было предсѣдателемъ Епарх. училищ. Совѣта, Ректоромъ Семинаріи Протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ. Предметомъ уроковъ служило практическое ознакомленіе слушателей съ порядкомъ совершенія богослуженія по церковнымъ книгамъ. Затрудненіемъ къ успѣшному выполненію данной задачи служило то обстоятельство, что на 80 слушателей было только 2 экз. богослужебныхъ книгъ, и только благодаря тому, что большую часть слушателей составляли члены прічта, можно было кое-какъ обходиться такимъ незначительнымъ количествомъ богослужебныхъ книгъ. Послѣ краткаго вступительнаго объясненія курсистамъ значенія церковнаго устава для совершенія богослуженія, указанія состава и содержанія типикона и другихъ богослужебныхъ книгъ, съ слушателями курсовъ послѣдовательно пройденъ былъ порядокъ слѣдующихъ службъ церковныхъ: малой вечерни, повсѣднейной вечерни обыкновенной и великопостной, великой вечерни, совершаемой отдѣльно отъ утрени и вмѣстѣ съ утреней (всенощное бдѣніе); утрени повсѣднейной обыкновенной и великопостной и утрени праздничной, совершаемой отдѣльно отъ вечерни и вмѣстѣ съ вечерней (всенощное бдѣніе); часовъ обыкновенныхъ и великопостныхъ, съ указаніемъ на особенности часовъ царскихъ; литургій. При 5 часовыхъ урокахъ, конечно, невозможно было вдаваться въ подробности и пространныя объясненія, но порядокъ означенныхъ службъ и при томъ по богослужебнымъ книгамъ указанъ былъ по типикону.

3) По церковному пѣнію слушатели курсовъ, по испытаніи ихъ въ знаніи теоріи музыки и пѣнія, были раздѣлены на 2 группы: старшую, въ которую были включены болѣе знающіе, и младшую, къ которой были отнесены менѣе знающіе, при чемъ старшую группу составили 55 учителей, а младшую 26.

Въ теченіе 58 часовыхъ уроковъ съ слушателями младшей группы пройдено было все, что требовалось приложенной къ правиламъ программой учебныхъ занятій по пѣнію съ младшей группой, именно: 1) по *изустному и нотному изученію круга богослужебнаго пѣнія православной церкви* выполнено было: *взустно* обычнымъ московскимъ напѣвомъ: 1) Господи воззвахъ на всѣ 8 гласовъ со стихирами воскресными догматиками (послѣдніе Знаменскаго распѣва); 2) Богъ Господь на всѣ 8 гласовъ съ тропарями воскресными и праздничными; 3) прмосы воскресные 8-ми гласовъ и праздничные; 4) прокимны воскресные 8-ми гласовъ—утренніе и литургійные; 5) неосмогласвыя пѣсновѣнія всенощнаго

бдѣнія и литургіи. По нотамъ выполняли церковныя пѣснопѣвія какъ по московскому напѣву, такъ и большому и малому столповымъ распѣвамъ.

II) по общей теоріи пѣнія изучали: о звукѣ, о различіи звуковъ по долготѣ и высотѣ, о нотахъ и цифрахъ, какъ знакахъ для записыванія и изображенія звуковъ, о цѣлой нотѣ, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$; взмѣреніи ихъ длительности; о названіи и значеніи знавовъ, употребляемыхъ при нотахъ; сокращенія и увеличенія длительности нотъ; упражненіе въ даваніи размѣра рукой; о тонѣ и полутонѣ, о гаммѣ; изученіе звуковъ: до, ре, ми, фа, соль, ля, си; объ интервалахъ; о гаммахъ мажорныхъ и минорныхъ и ихъ построеніи. О обученіи церковному пѣнію въ церковно-приходскихъ школахъ; объ образованіи церковнаго хора и управленіи имъ. Изученіе теоретическихъ правилъ постоянно сопровождалось упражненіями въ пѣніи, диктовка и выполненіемъ образцовъ по руководству Рязскаго.

Съ старшей группой въ теченіе 58 уроковъ пройдено все, требуемое тою же программой, съ небольшимъ сокращеніемъ изученія осмогласія. Сокращеніе это вызывалось неподготовленностію слушателей, яхъ малыми и беспорядочными знаніями теоріи, вслѣдствіе чего большую часть уроковъ пришлось употребить на изученіе теоріи пѣвія и на ознакомленіе съ нотной азбукой. Впрочемъ это сокращеніе изученія осмогласія восполнено было на урокахъ хороваго пѣвія. Вся теоретическая часть программы выполнена полностью, именно изучено было: *I) по общей теоріи пѣнія*: о длительности звуковъ, о ритмѣ, тактѣ, синкопахъ, паузахъ, темпѣ, значеніи *largo*, *adagio*, *andante*, *allegro*; о высотѣ звуковъ, гаммѣ, интервалахъ, построеніи гаммъ мажорныхъ: соль мажоръ, ре мажоръ, ля мажоръ, фа мажоръ, си бемоль мажоръ ми бемоль мажоръ, — минорныхъ: ля миноръ, ми миноръ, си миноръ, различіе звука по тембру и силѣ. *II) по гармоніи*: понятіе о консонансѣ и диссонансѣ, о трезвучіи мажорной гаммы, о тоникѣ, доминантѣ и субдоминантѣ; о трезвучіи минорной гаммы; положеніи трезвучія на 4 голоса; удвоеніи тоновъ, ширококомъ и тѣсномъ расположеніи голосовъ; сочетаніи трезвучій, каденціяхъ, правилахъ голосоведенія, о переходѣ гармоніи изъ мажора въ миноръ. *III) методика преподаванія цер. пѣнія и устройство хора*: воспитательное значеніе церковнаго пѣнія, задачи и цѣли школьнаго преподаванія пѣнія, методъ, постановка голоса, пѣніе по слуху, развитіе слуха и ритмическаго чувства; молитвы, какъ ма-

теріаль пѣнія; изученіе гласовъ и пѣснопѣній обычныхъ службъ, пѣніе по нотахъ, изученіе нотописи, диктантъ, школьный хоръ. *IV) изученіе круга богослужебнаго пѣнія:* Господи воззвахъ съ воскресными стихирами и догматиками и Богъ Господь съ воскресными тропарями. Каждый отдѣлъ теоретической программы усваивался при помощи практическихъ упражненій. Писались, сольмизировались и пѣлись гаммы, интервалы, аккорды, сольфеджіо. Музыкальный диктантъ составлялъ непремѣнную принадлежность каждаго урока. При изученіи осмогласія мелодія каждаго голоса дѣлилась на строки, указывалось число и порядокъ слѣдованія строкъ, распѣвались тексты стихиръ, при чемъ дѣлались переходы изъ одного гласа въ другой. Кромѣ осмогласія изучались неосмогласныя пѣснопѣнія всеобщаго бдѣнія и литургіи, при чемъ указывались тоны этихъ пѣснопѣній для разныхъ видовъ хора.

Кромѣ этого изученія церковнаго пѣнія по группамъ, на 14 урокахъ хороваго пѣнія, которые служили частію подготовленіемъ къ воскресному и праздничному богослуженію, всѣ курсисты изучали осмогласіе и неосмогласныя пѣснопѣнія всеобщаго бдѣнія и литургіи и такимъ образомъ уроки эти служили воспоминаніемъ и помощію для уроковъ пѣнія по группамъ.

Старшую группу составляли слѣдующіе 26 учителей: діак. Антоновъ Леонтій, Бутъ Ив., Богославскій Ник., псал. Бородаевскій Ив., псал. Бородаевскій Мвх., діак. Бѣлковъ Архст., Впдуненко Феоктистъ, пс. Волкисъ Мвх., Галчинскій Гр., діак. Даневскій Іак., діак. Котляревскій Порф., Мащенко Іак., діак. Мухицъ Алексѣй, діак. Мухицъ Іоаннъ, діак. Наумовъ Дим., діак. Павловъ Мвх., псал. Петровскій Конст., діак. Прыходинъ Іоаннъ, діак. Платоновъ Твх., Темпый Евѡ., псал. Толмачевъ Феод., діак. Троицкій Іоаннъ, псал. Труфановъ Ал-дръ, псал. Улановъ Мих., псал. Фальченко Іак. и Царевскій Василій.

Младшую группу составляли слѣдующіе 54 учителя и 1 учительница: Абросимова Евдокія, діак. Артюховскій Мвх., Бондаренко Миронъ, діак. Бородаевскій Іоаннъ, діак. Бугуцкій Іакимфъ, Бутковъ Сергій, діак. Войновъ Стеф., Глушковъ Ал-дръ, діак. Гревизирскій Пав., діак. Григорьевъ Іоаннъ, псал. Дзюбановъ Мих., псал. Должанскій Ив., Захарьевъ Конст., псал. Иваницкій Вас., діак. Иваницкій Мих., Квитка Савва, псал. Келебердянскій Ник., діак. Киряченко Дим., Кіиновскій Георг., Клясенко Мих., Колотовскій Ив., Крутьевъ Андр., Крыжановскій Дим., Левицкій Іак., діак. Лобковскій Васи-

лій, діак. Лобковскій Петръ, псал. Любарскій Григ., Марченко Петръ, псал. Нестеренко Мих., псал. Николаевскій Θεод., Николаевъ Конст. псал. Огульковъ Евг., Подлуцкій Іоан., діак. Подольскій Ал-й, псал. Покровскій Ив., Протопоповъ Дим., псал. Раевскій Вас., Рогальскій Григ., Рогулинъ Дим., псал. Родовскій Евѣ., Роменскій Сем., Рубянский Георг., псал. Рубинскій Ив., Рубинскій Ив., діак. Рубинскій Ник., псал. Семеновъ Ив., псал. Стесенковъ Θεод., діак. Стефановскій Стеф., Сукачевъ Мих., псал. Титовъ Ал-ръ, Толмачевъ Георг., Ходаковскій Ив., діак. Черняевъ Ал-ръ, діак. Эварницкій Іоаннъ и псал. Ястремскій Ив.

4) *По дидактикѣ и методикѣ русскаго языка, ц.-слав. языка и письма* въ 36 уроковъ пройдено было слѣдующее: о томъ, что приготовленіе къ учительству должно быть имѣсть и теоретическимъ и практическимъ, и въ чемъ должно состоять то и другое; общее обзорѣніе программъ ц.-пр. школъ со стороны подбора и постановки учебныхъ предметовъ; о важности правильныхъ способовъ обученія; о свойствахъ и особенностяхъ учебнаго метода; о главныхъ видахъ учебнаго метода—аналитическомъ и синтетическомъ и о примѣненіи ихъ при школьномъ обученіи; объ аналитическомъ, синтетическомъ и генетическомъ приѣмахъ и о примѣненіи ихъ при школьномъ обученіи; о разныхъ формахъ преподаванія и о примѣненіи ихъ при школьномъ обученіи; о разсказѣ и описаніи, какъ основныхъ и главныхъ видахъ излагательной формы обученія; изложеніе правилъ относительно вопросовъ и отвѣтовъ при катихизической формѣ обученія; о примѣненіи наглядности при начальномъ обученіи; о важности правильнаго метода въ дѣлѣ обученія грамотѣ; краткое обзорѣніе главнѣйшихъ методовъ обученія этому предмету; опредѣленіе ближайшихъ цѣлей обученія русскою грамотѣ; опредѣленіе наиболѣе правильнаго метода обученія грамотѣ; о первыхъ занятіяхъ съ учениками, только что поступившими въ школу, цѣль и содержаніе этихъ занятій; о начальныхъ упражненіяхъ въ черченіи по клѣточкамъ; о графической сѣткѣ, тактѣ и наблюденіи за правильностію положенія учащихъ при письмѣ; о звуковыхъ упражненіяхъ; приемы выдѣленія звуковъ изъ словъ; о подготовительныхъ письменныхъ упражненіяхъ; о письмѣ элементовъ буквъ; объ обученіи собственно письму и чтенію; приемы ознаксменія съ буквами и первыхъ упражненій въ чтеніи; о послѣдовательномъ порядкѣ изученія буквъ—письменныхъ и печатныхъ и приѣмахъ приученія учащихъ къ правильному сліянію звуковъ при чтеніи; объ усо-

вершенствованіи механизма чтенія; объ условіяхъ и средствахъ выработки правильности и бѣглости чтенія; объ усовершенствованіи механизма письма; обученіе чистописанію въ теченіи перваго года одноклассной ц.-пр. школы; объ упражненіяхъ въ чистописаніи во второмъ году однокл. ц.-пр. школы, въ 3-мъ и 4-мъ году двуклассной ц.-пр. школы; объ ученіи церковно-славянскій грамотѣ; приемы ознакомленія учащихся съ особенностями ц.-сл. грамоты по сравненію съ русской; о задачахъ и приемахъ обученія церк.-слав. чтенію; о задачахъ и приемахъ объяснительнаго русскаго чтенія; объ упражненіяхъ въ пересказѣ прочитаннаго; объ условіяхъ и средствахъ выработки выразительнаго чтенія; о веденіи письменныхъ упражненій, направленныхъ къ наученію учащихся правописанію и приученію ихъ къ толковому построенію письменной рѣчи въ ея простѣйшихъ формахъ.

5) *По методикѣ ариѳметики.* 17 уроковъ по методикѣ ариѳметики были посвящены слѣдующимъ предметамъ: предметы первоначальной ариѳметики; цѣль методикѣ ариѳметики; особенности обученія ариѳметикѣ въ такъ называемой старой школѣ: производство дѣйствій сразу надъ большими числами, преобладаніе письменныхъ вычисленій надъ устными, механическое заучиваніе ариѳметическихъ правилъ; особенности методы Грубе въ примѣненіи ея къ русской школѣ Евтушевскимъ: преслѣдованіе цѣли формальнаго развитія учащихся, раздѣленіе курса ариѳметики на подготовительный и систематическій, послѣдовательное „изученіе“ чиселъ, какъ главное содержаніе подготовительнаго курса, наглядныя пособія; изученіе числа 8 по методѣ Евтушевскаго (примѣръ); недостатки методы Евтушевскаго. Новыя руководства по методикѣ ариѳметики: Гольденберга, Шохоръ-Троцкаго, Тенишева, Вишневскаго; изученіе дѣйствій надъ числами въ порядкѣ послѣдовательныхъ ступеней: отъ 1 до 10, отъ 10 до 100 и надъ числами любой величины; содержаніе каждой ступени: 1) счетъ, 2) дѣйствія надъ числами, 3) рѣшенія задачъ. Наглядныя пособія: спички, палочки, русскіе счеты, ариѳметическій ящикъ. *Первая ступень отъ 1 до 10:* обученіе сознательному счету прямому и обратному; дѣйствія сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія на наглядныхъ пособіяхъ и отвлеченныхъ примѣрахъ; ознакомленіе съ различными терминами дѣйствій; рѣшеніе устныхъ задачъ; ознакомленіе съ цифрами, знаками дѣйствій и знаком $=$; десятиричная система и возможность другой, напр. восьмеричной. *Вторая ступень отъ 10 до 100.* Счетъ и дѣйствія надъ числами отъ 10 до

100; нумерація чиселъ отъ 10 до 100; знакомство съ десяткомъ и сотней. Переходъ отъ откладыванія чиселъ на счетахъ къ письменному изображенію ихъ цифрами. Подробное изученіе дѣйствій сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія; нумерація чиселъ выше 100; счеты и арифметическій ящикъ; разряды и классы; славянскія и римскія цифры. *Третья ступень.* Особенность третьей ступени изученія арифметики: преобладаніе письменныхъ вычисленій надъ устными; сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе многозначныхъ чиселъ. Рѣшеніе и объясненіе болѣе трудныхъ задачъ изъ 2-й ч. сборника Комарова.

Изложеніе приѣмовъ изученія именованныхъ чиселъ, при чемъ указано было на то, что понятія о мѣрахъ длины, вѣса, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ и т. д. должны сообщаться ученикамъ постепенно на первыхъ ступеняхъ обученія, при рѣшеніи практическихъ задачъ, а въ концѣ курса нужно повторить всѣ мѣры въ системѣ съ нѣкоторыми дополненіями. Свѣдѣнія о времяисчисленіи; десятичная (француз.) система мѣръ. Приемы раздробленія и превращенія именованныхъ чиселъ; дѣйствія съ этими числами. Рѣшеніе болѣе трудныхъ задачъ на вычисленіе времени. Кроме того преподавателемъ каждому учителю дано было по нѣскольку задачъ для рѣшенія на дому.

(Окончаніе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

(Продолженіе *).

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей число воспитанницъ каждаго класса, получившихъ баллы 5, 4, 3 и 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ.

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4, за 1899 г.

Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя имѣють годовые и экзаменскіе баллы по всѣмъ предметамъ.

Примѣчаніе. Въ составъ общаго балла по Русскому языку въ III, IV, V и VI классахъ вошли и баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ, а въ составъ общаго балла по дидактикѣ въ VI классѣ вошли и отмѣтки за практическія занятія воспитанницъ этого класса въ Училищной образцовой церковно-приходской школѣ.

Приготовительный классъ (46).

Балль 5	получили	11	воспитанницъ	или	$23^{21}/_{23}^0/0$
— 4	—	7	—	—	$15^5/_{23}^0/0$
— 3	—	24	—	—	$52^4/_{28}^0/0$
— 2	—	4	—	—	$8^{16}/_{23}^0/0$
Средній балль всего класса					$3^{25}/_{46}$

I нормальный классъ (44 воспитанницы).

Балль 5	получили	3	воспитанницы	или	$6^9/_{11}^0/0$
— 4	—	12	—	—	$27^3/_{11}^0/0$
— 3	—	20	—	—	$45^5/_{11}^0/0$
— 2	—	9	—	—	$20^5/_{11}^0/0$
Средній балль всего класса					$3^9/_{44}$

I параллельный классъ (44 воспитанницы).

Балль 5	получили	3	воспитанницы	или	$6^9/_{11}^0/0$
— 4	—	13	—	—	$26^6/_{11}^0/0$
— 3	—	16	—	—	$36^4/_{11}^0/0$
— 2	—	12	—	—	$27^3/_{11}^0/0$
Средній балль всего класса					$3^{27}/_{44}$

II нормальный классъ (43 воспитанницы).

Балль 5	получили	3	воспитанницы	или	$6^{42}/_{43}^0/0$
— 4	—	9	—	—	$20^{40}/_{43}^0/0$
— 3	—	26	—	—	$60^{20}/_{43}^0/0$
— 2	—	5	—	—	$11^{37}/_{43}^0/0$
Средній балль всего класса					$3^{10}/_{43}$

III параллельный классъ (43 воспитанницы).

Балль 5	получили	2	воспитанницы	или	$4^{28}/_{43}^0/0$
— 4	—	9	—	—	$20^{40}/_{43}^0/0$
— 3	—	19	—	—	$44^8/_{43}^0/0$
— 2	—	13	—	—	$30^{10}/_{43}^0/0$
Средній балль всего класса					$3^{11}/_{43}$

III классъ (60 воспитанницъ).

Балль 5 получила	1	воспитанница или	$1\frac{2}{3}^0/0$
— 4	— 13	—	— $21\frac{2}{3}^0/0$
— 3	— 27	—	— $45^0/0$
— 2	— 19	—	— $31\frac{2}{3}^0/0$
Средній балль всего класса	$2^{10/15}$		

IV нормальный классъ (46 воспитанницъ).

Балль 5 получили	4	воспитанницы или	$8^{16/23}^0/0$
— 4	— 8	—	— $17^9/23^0/0$
— 3	— 23	—	— $50^0/0$
— 2	— 11	—	— $23^2/21^0/0$
Средній балль всего класса.	$3^5/46$		

IV параллельный классъ (46 воспитанницъ)

Балль 5 получили	2	воспитанницы, или	$4^8/23^0/0$
— 4	— 3	—	— $6^{12/23}^0/0$
— 3	— 21	—	— $45^{20/23}^0/0$
— 2	— 20	—	— $43^{11/23}^0/0$
Средній балль всего класса.	$2^{88/46}$		

V нормальный (35 воспитанницъ).

Балль 5 получили	4	воспитанницы, или	$11^3/7^0/0$
— 4	— 6	—	— $17^{1/7}^0/0$
— 3	— 16	—	— $45^5/7^0/0$
— 2	— 9	—	— $25^5/7^0/0$
Средній балль всего класса	$3^{1/7}$		

V параллельный классъ (36 воспитанницъ).

Балль 5 получили	3	воспитанницы, или	$8^{1/3}^0/0$
— 4	— 6	—	— $16^2/3^0/0$
— 3	— 18	—	— $50^0/0$
— 2	— 9	—	— $25^0/0$
Средній балль всего класса	$3^{1/12}$		

VI нормальный классъ (48 воспитанницъ).

Балль 5 получили	11	воспитанницъ, или	$22^{11/12}$
— 4	— 16	—	— $33^{1/3}^0/0$
— 3	— 21	—	— $43^3/4$
Средній балль всего класса	$3^{19/24}$		

VI параллельный классъ (53 воспитанницы).

Балль 5	получили	8	воспитанницъ,	или	$15\frac{5}{13}\%$
— 4	—	18	—	—	$33\frac{51}{58}\%$
— 3	—	27	—	—	$50\frac{50}{58}\%$
Средній балль всего класса					$33\frac{4}{58}$

2) Въ поведеніи воспитанницъ въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ особенныхъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніи, а потому всѣ они получили годовой балль 5 (отлично). Такое отрадное явленіе находится въ тѣсной связи съ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей всѣхъ лицъ воспитательнаго персонала Училища.

Въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, было обращено особенное вниманіе на неопустительное и благоговѣйное исполненіе воспитанницами своихъ христіанскихъ обязанностей и на развитіе въ нихъ добрыхъ навыковъ въ этомъ отношеніи. Всѣ воспитанницы читали по очереди утреннія и вечернія молитвы, присутствовали на всенощномъ бдѣніи и литургіи во всѣ воскресные и праздничные дни и обязательно участвовали въ церковномъ чтеніи и пѣніи, при чемъ воспитанницы старшихъ классовъ—V и VI пѣли въ церкви поочередно. Христіанскій долгъ исповѣди и причастія Св. Тайнъ всѣ воспитанницы исполняли, какъ положено въ уставѣ, два раза въ годъ; въ рождественскомъ посту предъ праздникомъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и въ первую седмицу св. Четырдесятницы. Кроме сего въ страстную седмицу изъ оставшихся на празднествъ Пасхи въ Училищѣ говѣло 137 воспитанницъ. Въ теченіе св. Четырдесятницы воспитанницы Училища присутствовали на каждой недѣлѣ въ среду и пятницу при отправленіи въ училищной церкви литургіи преждеосвященныхъ Даровъ.

3) Для здоровья воспитанницъ отчетный годъ былъ сравнительно благопріятенъ. Случаевъ заболѣванія было: въ августѣ—10, въ сентябрѣ—13, въ октябрѣ—27, въ ноябрѣ—6, въ декабрѣ—30, въ январѣ—5, въ февралѣ—8, въ мартѣ—15, въ апрѣлѣ—11, въ маѣ—2, всего 127.

Болезни были слѣдующія: брюшной тифъ—14 случаевъ, кишечный катарръ—2, дифтеритъ 6, жаба филикул.—8, гриппъ—8, корь—28, заушница—21, вѣтряная оспа—11, рожа—2, эритема—4, лишай—2, краснуха—4, крапивная сыпь—1, нарывъ—4, ушибъ—2, малокровіе—2, воспаленіе дыхательныхъ вѣтвей—1, воспаленіе оболочки глаза—2 случая, ревматизмъ—2, костоѣдъ зу-

ба—1, коклюшъ—1, воспаление слухового прохода—1, трахома—6 случаевъ. Всѣ заразныя болѣзни, какъ и всегда, завезены были воспитанниками изъ домовъ родителей послѣ лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ. Строгая изоляція больныхъ, тщательная дезинфекція всѣхъ училищныхъ помѣщеній, внимательный уходъ и лечение заболѣвшихъ помогли тому, что никакая изъ заразныхъ болѣзней особенно не распространилась, и больныя выздоровѣли, умерли только 2: 1 въ Училищѣ отъ тифа, осложненнаго дифтеритомъ и 1 въ домѣ родителей.

з) *Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями Училища.*

Законоучителемъ, протоіереемъ *Никандромъ Онисевичемъ* (21 урокъ въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. Законоучителемъ священникомъ *Николаемъ Любарскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, по болѣзни. Законоучителемъ священникомъ *Николаемъ Борисоглыбскимъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 50 уроковъ, по болѣзни. Законоучителемъ священникомъ *Павломъ Тимоѣевымъ* (3 урока въ недѣлю) пропущено 11 уроковъ, по обязанностямъ приходскаго священника. Преподавателемъ русскаго языка *М. А. Кокоревымъ* (17 уроковъ въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *М. В. Добронравовымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 29 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя. Преподавателемъ русскаго языка *Н. В. Гошнымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ *Я. М. Колосовскимъ* (22 урока въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ, *В. Н. Мощенковымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 13 уроковъ, 5 по служебнымъ обязанностямъ, 8 по болѣзни. Учительницей ариметики *Дмитріевой* (12 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи, свещ. *Андреемъ Балановскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 21 урокъ, по обязанностямъ приходскаго священника. Учительницей географіи *Л. Е. Дьяковой* (4 урока въ недѣлю) пропущено 3 урока, по болѣзни. Преподавателемъ географіи и исторіи *Е. П. Трифильевымъ* пропущено 60 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ гражданской исторіи *А. Ѡ. Вертеловскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по обязанности присяжнаго засѣдателя. Преподавателемъ дидактики *Н. Н. Страховымъ* (6 уро-

ковъ въ недѣлю) пропущено 4 урока, по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія и чистописанія, свящ. *Іоанномъ Петровскимъ* (24 урока въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по семейнымъ обстоятельствамъ. Учителемъ чистописанія и рисованія *А. Д. Дмитриевымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 74 урока, 6 по обязанностямъ эксперта въ окружномъ судѣ, а 68 по болѣзни. Учительницею чистописанія *Е. А. Курасовскою* (2 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею чистописанія *С. П. Пономаревой* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею французскаго языка *Е. Н. Гейцымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, по обязанностямъ начальницы. Учительницею приготовительнаго класса *Т. А. Щелкуновой* (15 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

- Утвержденъ въ должности духовника благочинія 2 округа Ахтырскаго уѣзда священникъ села Криничнаго, *Николай Алексѣевъ*.
- Священникъ Георгіевской церкви с. Дерновой, *Алексѣй Краснокутскій*, награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею.
- Священникъ Покровской церкви г. Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, *Василій Петрусенко*, награжденъ набедренникомъ.
- Священникъ Николаевской церкви сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, *Василій Труфановъ*, награжденъ набедренникомъ.
- Священники: церкви сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, *Теодоръ Войтовъ* и сл. Литвиновки, того же уѣзда, *Ипполитъ Дейнеховскій*, согласно прошенію, переимѣнены одивъ на мѣсто другаго.
- Діаконъ Троицкой церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, *Александръ Краснокутскій*, уволенъ отъ занимаемой имъ должности.
- Діаконъ Покровской церкви с. Писаревки, Сумскаго уѣзда, *Тихонъ Бутохій*, волею Божіею, умеръ.
- Псаломщики церквей: Успенской сл. Хотѣни, Сумскаго уѣзда, *Николай Шоновъ* и Покровской сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, *Павель Минченко*, переимѣнены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго.
- Заштатный псаломщикъ, *Харлампій Твердохльбовъ*, допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Николаевской церкви с. Шабельковки, Изюмскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ 4 класса Куянскаго Духовнаго Училища, Николай *Твердохлбовъ*, допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Богородичной церкви, с. Кочина, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Архангело-Михайловской церкви, города Ахтырки, крест. Романъ *Гордѣнко*; Иоанно-Предтечевской церкви с. Токарей, Сумскаго уѣзда, крест. Павелъ *Батракъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Болѣзнь папы Льва XIII.—Новый православный храмъ въ Южной Америкѣ.—Конференція по вопросу о всеобщемъ мирѣ.—Заботы о призрѣніи престарѣлыхъ священно-служителей.—Похоронная касса духовенства въ Симбирской епархіи.—Тяжелое положеніе духовенства въ голодающихъ епархіяхъ.—Достойный примѣръ подражанія борьбы съ суевѣріемъ.—Мѣры къ поднятію народной нравственности.

Какое важное значеніе папство сохраняетъ и доселѣ въ западно-христианскомъ мірѣ, показываетъ тотъ фактъ, что малѣйшая опасность въ здоровьи престарѣлаго папы Льва XIII повсюду производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Такое впечатлѣніе произведено было, по словамъ «Цер. Вѣст.», извѣстіемъ, что въ здоровьѣ папы наступило серьезно ухудшеніе, такъ что понадобилось сдѣлать довольно серьезную операцію, которая и исполнена была лучшими римскими хирургами и которую папа перенесъ съ замѣчательнымъ мужествомъ, шутя съ своимъ обычнымъ острословіемъ надъ „жестокимъ искусствомъ“ врачей. Послѣ операціи наступило значительное улучшеніе въ состояніи здоровья папы, а между тѣмъ весь римско-католическій міръ пришелъ въ необычайное движеніе. При первомъ слухѣ о болѣзни папы получено было въ Ватиканѣ до 20,000 телеграммъ съ запросами о подробностяхъ болѣзни и съ выраженіемъ соболѣзнованія. Въ самомъ Римѣ интересъ былъ такъ великъ, что кардиналъ Ледоховскій не могъ отходить цѣлый день отъ телефона, въ который отовсюду спрашивали его о состояніи папы. Общее впечатлѣніе было то, что болѣзнь будетъ имѣть роковой исходъ. И въ самомъ Ватиканѣ всѣ были убѣждены въ скорой кончинѣ св. отца. Это видно уже изъ того, что старѣйшина, коллегія кардиналовъ Орелья провелъ въ Ватиканѣ три часа, причемъ взялъ съ собою и зловѣщій серебряный молотокъ, удары котораго, по установленному обычаю, возвѣщаютъ о смерти римскаго первосвященника. Самъ папа не сомнѣвался въ томъ, что не дни, а часы его уже сосчитаны. Въ Квириналѣ тоже

ждали близкой кончины папы. Правительствомъ были приняты на всякій случай обширныя мѣры предосторожности. Легионъ карабинеровъ и три батальона пѣхоты получили приказъ не отлучаться изъ казармъ, чтобы тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Льва XIII заградить всѣ доступы къ Ватикану и обезпечить свободу конклава. Министръ иностранныхъ дѣлъ Каневаро при первомъ извѣстіи о болѣзни папы поѣхалъ къ министру-президенту генералу Пеллу и имѣлъ съ нимъ, а также затѣмъ съ министромъ юстиціи, продолжительное совѣщаніе. Иностранная печать уже подняла вопросъ, кто будетъ преемникомъ Льва XIII. Вопросъ этотъ имѣетъ безспорно громадное значеніе. По многимъ причинамъ кардиналъ Рамполла, нынѣшній секретарь, имѣлъ бы безспорно большіе шансы быть избраннымъ, но именно нынѣшняя его должность исключаетъ его, по установившемуся обычаю, изъ списка серьезныхъ кандидатовъ. Что папою будетъ назначенъ итальянецъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, но дѣлать предположенія насчетъ лица, на которомъ остановится выборъ конклава, представляется пока празднымъ. Вѣдь часто случалось, что конclave избиралъ кардинала, дотолѣ почти никому неизвѣстнаго. — Левъ XIII родился 18-го февраля (2-го марта) 1810 г. Тіару римско-католическаго первосвященника онъ носитъ уже двадцать первый годъ, будучи избранъ конклавомъ на папскій престолъ 8-го (20-го) февраля 1878 г. За этотъ долгій срокъ онъ измѣнилъ до неузнаваемости въ благоприятномъ смыслѣ положеніе римско-католической церкви, завѣщанное ему духовною „прямолинейностью“ его предшественника, Пія IX. Съ свойственными ему мудростью, осторожностью и постепенностью онъ сумѣлъ достигнуть поразительныхъ результатовъ, изъ которыхъ самыми крупными и выдающимися являются отмѣна въ Германіи большей части знаменитыхъ майскихъ законовъ, изданныхъ нѣкогда Бисмаркомъ во время пресловутой „культурной борьбы“, почти полное примиреніе республиканской и аятыклерикальной Франціи съ Ватиканомъ и замѣтное усиленіе римскаго католицизма въ Англіи. Добиваясь своихъ цѣлей, исключительно направленныхъ къ исправленію различныхъ промаховъ покойнаго Пія IX, нынѣшній папа дѣйствовалъ постоянно съ рѣдкимъ политическимъ искусствомъ и поразительною политическою проницательностью. Его не смущали толки непримиримыхъ римскихъ клерикаловъ, находившихъ, что политическій дѣятель слишкомъ часто заслоняетъ въ

немъ духовнаго главу римско-католической церкви. Въ политическо-й жизни Европы за послѣднее двадцатилѣтіе онъ игралъ огромную по своей вліятельности роль и въ большей части случаевъ дѣятельность его давала весьма благіе результаты въ смыслѣ примиренія свѣтскихъ правительствъ съ римско-католическимъ духовенствомъ, переставшимъ, по его настоятельному требованію, вмѣшиваться въ политическія дѣла тѣхъ государствъ, гдѣ такое вмѣшательство признавалось нежелательнымъ и даже вреднымъ. Вынужденный уже самымъ своимъ положеніемъ на періодически повторяющіеся протесты противъ лишенія римскихъ первосвященниковъ ихъ свѣтской власти, Левъ XIII прожилъ, однако, въ Ватиканѣ цѣлыхъ 22 года при такихъ условіяхъ, которыя вовсе не были для него стѣснительны, хотя и весьма неудобны для итальянскаго правительства.

— На отдаленной окраинѣ Южной Америки состоялось знаменательное православно-русское торжество, именно закладка русской церкви въ столицѣ Аргентинской республики—Буэнос-Айресѣ. Торжество, по сообщенію «Цер. Вѣст.» состоялось 6 декабря—въ день свят. Николая, которому будетъ посвященъ одинъ изъ придѣловъ храма. Духовенство служило въ великолѣпныхъ ризахъ, принесенныхъ въ даръ одной московской благотворительницей, и вся остальная обстановка свидѣтельствовала о той же сердечной отзывчивости православно-русскихъ людей: чудный образъ Богоматери, проплывшій изъ Москвы 15 тысячъ верстъ, лампада, подсвѣчники, прекрасной работы напестольный крестъ, кадло— все это жертвы преимущественно московскихъ христолюбцевъ. Откликнулись и насельники св. Афонской горы, приславшіе въ даръ новому храму икону „Самонаписавшейся“ Божіей Матери съ частицами св. угодниковъ Божіихъ. Кромѣ обычныхъ многолѣтій за Государя Императора (осчастливившаго русскую колонію царственной жертвой въ созданіе храма въ 5,000 рублей) со всѣмъ царствующимъ домомъ, Св. Синодъ, было произнесено многолѣтіе за короля и королеву греческихъ, короля сербскаго и князя черноморскаго, то-есть правителей тѣхъ православныхъ странъ, подданные которыхъ составляютъ эту паству; было произнесено многолѣтіе на испанскомъ языкѣ за президента республики и всю аргентинскую націю, что особенно понравилось всѣмъ аргентинцамъ и вызвало спеціальную благодарность отъ президента, переданную послѣ его адъютантомъ русскому повѣренному въ дѣлахъ. Новый

храмъ воздвигнуть во имя св. Живоначальной Троицы, съ придѣломъ въ честь святыхъ Николая Чудотворца и Маріи Магдалины, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Эскизъ былъ составленъ въ стилѣ чисто-московскихъ церквей XVII—XVIII вѣковъ архитекторомъ-академикомъ М. Т. Преображенскимъ; но разработка этого эскиза, составленіе плановъ и чертежей, а также наблюденіе за работами принадлежатъ всецѣло мѣстному архитектору А. Кристоферсену, который дѣлаетъ все это совершенно безвозмездно. Внизу предполагается школа и небольшая библіотечка; вверху—церковь; сзади храма воздвигается домъ для причта, въ которомъ онъ сильно нуждается, такъ какъ квартиры страшно дороги, особенно теперь, съ измѣненіемъ цѣнности аргентинской монеты. По приблизительнымъ расчетамъ, на постройку и отдѣлку всѣхъ зданій потребуется до 93—95 тысячъ аргентинскихъ пезовъ, безъ внутренней отдѣлки церкви; теперь это представляетъ собою капиталъ около 80.000 рублей, что раньше было не больше 60.000.

— По сообщенію газетъ, вопросъ о мѣстѣ собранія мирной конференціи рѣшенъ окончательно. Русское правительство, съ согласія Нидерландскаго правительства, предложило городъ Гаагу для засѣданія конференціи, которая должна обезпечить народамъ благодѣянія дѣйствительнаго и прочнаго мира, и всѣ державы, за исключениемъ нѣкоторыхъ, отвѣтъ которыхъ еще ожидается, уже выразили свое согласіе по поводу этого выбора; время собранія конференціи будетъ установлено впоследствии. Посоль въ Лондонѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Стааль, избранъ въ качествѣ полномочнаго представителя Россіи на конференціи въ Гаагѣ. Тотъ фактъ, что это важное порученіе довѣрено столь выдающемуся дѣятелю какъ г. Стааль, высокоуважаемому старѣйшинѣ Русскаго дипломатическаго корпуса, служить свидѣтельствомъ того глубокаго интереса, съ которымъ Его Величество Государь Императоръ относится къ великому дѣлу, нынѣ предлагаемому цивилизованному миру. Вопросы, которые будутъ обсуждаться на этомъ собраніи, столь сложнаго характера, что въ распоряженіе полномочнаго Русскаго представителя будетъ подлежать Министрствами назначено нѣсколько чиновниковъ-спеціалистовъ.

— Въ «Тамб. Еп. Вѣд.» напечатанъ отчетъ о состояніи тамбовскаго епархіальнаго пріюта для призрѣнія престарѣлыхъ и бѣднѣйшихъ лицъ духовнаго вѣдомства—за 1897 годъ. Открытіе

пріюта состоялось въ августѣ 1895 года по инициативѣ и при щедрой матеріальной помощи бывшаго тамбовскаго, нынѣ холмоваршавскаго, архіепископа Іеронима въ г. Лебедяни. Всѣхъ призрѣваемыхъ на полномъ содержаніи находилось 19 человекъ, изъ нихъ два были пансіонерами, а самое помѣщеніе рассчитано приблизительно на 30 человекъ. Средства пріюта представляются въ слѣдующемъ видѣ: къ 1 января 1897 года всего капитала оставалось наличными 4,878 рублей 38 к. и билетами 36,600 рублей, а всего 40,478 р. 38 к. Пополняются онѣ изъ обязательнаго взноса духовенства епархіи по 3 рубля со штата, изъ кружечныхъ сборовъ въ церквахъ, процентовъ на капиталъ и частныхъ пожертвованій, иногда очень значительныхъ, напримѣръ—ежегодный пожизненный взносъ высокопреосвященнаго Іеронима 300 рублей. Въ пріютѣ призрѣваются 2 священника, 1 діаконъ, 4 псаломщица и 12 вдовъ и дочерей священнослужителей.—Давно пора поставить на очередь вопросъ объ учрежденіи подобныхъ пріютовъ во всѣхъ епархіяхъ. Какъ часто престарѣлымъ священнослужителямъ и ихъ осиротѣлымъ семьямъ приходится искать себѣ случайнаго пріюта. Незначительная пенсія далеко не обезпечиваетъ существованія, а очень часто по разнымъ причинамъ и ее не бываетъ и нужда слѣдуетъ за тѣми, кто болѣе всѣхъ и прежде всѣхъ заслужилъ себѣ службою у святаго престола право покойнаго существованія на склопѣ дней.

— Въ симбирской епархіи учреждена, касса взаимопомощи для выдачи единовременныхъ пособій на случай смерти священно-церковнослужителей епархіи ихъ семьямъ. Она основана при эмеритальной кассѣ, какъ ея отдѣленіе. Членами кассы состоятъ обязательно всѣ священно-церковно-служители епархіи, состоящіе на службѣ, по разрядамъ: 1 разрядъ составляютъ протоіереи и священники, которые при смерти лицъ своего званія вносятъ по 45 копѣекъ, 2 разрядъ составляютъ штатные діаконы, которые при смерти священнослужителей вносятъ по 20 копѣекъ и псаломщиковъ—по 10 к. Къ 3 разряду относятся псаломщики, которые при смерти каждаго члена кассы вносятъ по 10 коп. Единовременное вспомошествованіе семьѣ умершаго члена кассы представляется въ слѣдующей пропорціи: священника—400 рублей, діакона—240, псаломщика—140.—Излишне говорить о цѣлесообразности и настоятельной необходимости

подобныхъ учрежденій. Они отрутъ не одну слезу осиротѣлой священнослужительской семьи, часто остающейся въ подобную крптическую минуту жизни безъ всякихъ средствъ и поддержки.

«С.-Петербур. Дух. Вѣст.».

— Въ «Цер. Вѣст.» было помѣщено слѣдующее письмо одного священника о бѣдственномъ положеніи казанскаго духовенства по случаю неурожая хлѣба въ нынѣшнемъ году. „1898 г.—пишетъ о. Л.— по своему бѣдствію отъ неурожая, для казанской епархіи, насколько не уступаетъ 1891 г. Голодъ, вслѣдствіе полнаго неурожая хлѣба, травъ, огородныхъ овощей въ Казанской губерніи, сталъ опутительнѣе именно въ настоящую, осеннюю пору. Ржаная мука доходить до рубля, сѣно 45—50 коп. за пудъ; скотина сбывается крестьянами вслѣдствіе безкормицы за ничтожную цѣну. Въ виду этого бѣдствія неотступно является тревожный вопросъ, что должно дѣлать духовенство нашей епархіи? Нечего говорить о томъ, что если крестьяне бѣдствуютъ, то съ ними и духовенство; если постигла кара Божія неурожаемъ или пожаромъ прихожанъ, то съ ними вмѣстѣ въ этихъ бѣдствіяхъ соучаствуетъ и приходское духовенство, ибо кому неизвѣстно, что духовенство на св. Руси почти все содержится на средства прихожанъ, пользуясь отъ нихъ или ругой, или землей. Что же оно теперь должно дѣлать, когда у прихожанъ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ, а церковная земля не дала ни одного фунта хлѣба? Дѣйствительно, духовенство призадумалось и настолько озабочено этимъ насущнымъ вопросомъ именно въ данную минуту, что рѣшительно не знаетъ, что предпринять въ обезпеченіе отъ голода себя, своей семьи на цѣлый длинный годъ до будущаго, который, еще неизвѣстно, дастъ ли что-нибудь. И пусть бы голодъ этотъ касался лично главы семьи—священника или діакона, или псаломщика, тогда бѣда была бы не настолько велика, но вѣдь онъ касается цѣлой семьи духовенства, у котораго дѣти учатся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ требуются денежные взносы или ежемѣсячно, или по третямъ года; вотъ здѣсь-то удручающая забота родителей подвергаетъ ихъ тяжелымъ заботамъ и условіямъ—привѣтвать къ займамъ денегъ и даже хлѣба у богатыхъ кулаковъ за огромные проценты, такъ что духовенство волей-неволей должно закабалить себя на долгіе годы въ неоплатные долги. Поистинѣ положеніе духовенства безотрадное, безотраднѣе самихъ прихожанъ, потому что имъ помогаетъ правительство, напр. ссудой хлѣба на обѣмненіе полей, разсроч-

кой податей и т. д., духовенству же неоткуда ждать помощи. О крестьянахъ заботится земство, само общество, составляя комитеты по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ, устраивая общественныя гулянья въ большихъ городахъ, спектакли и тому подобное, о духовенствѣ же нигдѣ ни полслова, и оно остается предоставленнымъ всецѣло самому себѣ. Наконецъ, крестьянамъ выдаютъ или самимъ дозволяютъ собирать валежникъ въ лѣсахъ, гдѣ таковой есть; духовенство лишено и этого права, а между тѣмъ это было бы громаднымъ подспорьемъ въ быту сельскаго духовенства. Правда, духовенству казанской епархіи выдавались деньги на покупку сѣмянъ для полей изъ мѣстной эмеритурныя займообразно; но ссуда эта была грошовая, такъ какъ эмеритурная сумма сама по себѣ ничтожная и удовлетворить всѣхъ просителей было рѣшительно невозможно. Кстати нельзя здѣсь умолчать объ одномъ обстоятельстве, характеризующемъ отношенія мѣстной власти къ духовенству. Въ 1891 г., по случаю голода, крестьянамъ дозволено было пользоваться валежнымъ лѣсомъ; послѣ этого распоряженія скорѣ послѣдовало и другое—дозволять и духовенству возить валежникъ для отопленія своихъ домовъ. Лѣсничіе же, большею частью поляки, не дозволяли духовенству воспользоваться ни однимъ пруткомъ! Всѣ жалобы на самовольныя дѣйствія лѣсничичихъ-поляковъ такъ и остались безъ послѣдствія, духовенство же безъ прута. Итакъ что же должно дѣлать духовенство въ годину своего страшнаго несчастія? Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ само духовенство рѣшить никоимъ образомъ не можетъ. Нуженъ хлѣбъ, нужны деньги сейчасъ, безотлагательно, а у духовенства ни того, ни другого нѣтъ и взять негдѣ. Кто же поможетъ? Къ кому обратиться? Мы слышимъ со всѣхъ сторонъ и всюду: „духовенство проживетъ,—оно богато“. Это говорятъ и прихожане-крестьяне, и купцы, и чиновники, однимъ словомъ—публика вся увѣрена, что духовенство богато, и никто не станетъ съ вами разсуждать о томъ, откуда духовенство возьметъ богатство? Между тѣмъ, стояло бы только кому-нибудь изъ публики заглянуть на житье-бытье священника лѣ, псаломщика лѣ въ какое-нибудь село Спасскаго, Свіяжскаго или Лавшевскаго уѣздовъ, тотъ сразу увидѣлъ бы всю наготу бѣдности и безысходной нужды служителя православной Церкви. Дѣйствительно, бѣдность паразитическая! Дѣти оборваны, босые, въ домѣ убожество. Пища у этихъ бѣдняковъ—щи изъ щавели или крапивы, съ лож-

кой молока въ видѣ забѣлки. „Хлѣбъ бы только былъ,—говорятъ эти бѣдняки,—мы были бы довольны, но и его нѣтъ, вотъ бѣда“. Оффиціальныя данныя и какія угодно другія могутъ удостовѣрить, что псаломщикъ въ нашей епархіи въ самомъ богатѣйшемъ приходѣ не получитъ болѣе 300 руб.; въ это число суммы входятъ и всѣ сборы, начиная съ клочка шерсти и кончая ругой. Понятно, что низшіе члены причтовъ не даютъ, да и не могутъ дать какого-нибудь образованія своимъ дѣтямъ, о дочеряхъ же и говорятъ нечего. Въ счастливыя, урожайныя годы духовенство безроотно несетъ жизненную тяготу, зная, что неоткуда ждать помощи; но въ такіе несчастныя годы, какъ настоящій, по необходимости приходится давать о себѣ знать и просить, умолять о помощи. Итакъ, помогите, отцы и братія, духовенству казанской епархіи!“

— Въ «Вят. Еп. Вѣд.» напечатано слѣдующее сообщеніе Уржумскаго ввородческаго миссіонера священника Сергѣя Громова отъ 26 сентября 1898 года, съ одной стороны о попыткѣ православыныхъ черемисъ совершить 20 сентября при роцѣ села Старо-Торьяла, Уржумскаго уѣзда, языческое моленіе, съ приношеніемъ кровавыхъ жертвъ, а съ другой стороны о пастырскихъ миссіонерскихъ дѣйствіяхъ священника означеннаго села Іоанна Ергина противъ осуществленія его. Обстоятельства дѣла слѣдующія: 20 сентября въ роцѣ при селѣ Старо-Торьяла православныя Черемисы не только села Ст.—Торьяла и окрестныхъ деревень, но и Яранскаго уѣзда, оповѣщенные чрезъ такъ называемый рубежъ (шалочку съ условными знаками), пересылаемый изъ деревни въ деревню вожаками, предполагали совершить моленіе, съ приношеніемъ въ жертву по языческому вѣровавію пяти большихъ лошадей, около 30 головъ рогатаго скота, много молодыхъ жеребятъ и птицъ. За недѣлю до сего моленія узналъ о немъ мѣстный священникъ села Старо-Торьяла Іоаннъ Ергинъ. и предпринялъ весьма разумныя и цѣлесообразныя мѣры къ не допущенію его. Въ видахъ отвлеченія вниманія православныхъ черемисъ отъ предлагавшагося языческаго жертвоприношенія, въ продолженіе недѣли предъ назначеннымъ днемъ по всѣмъ черемисскимъ деревнямъ Старо-Торьяльскаго прихода совершены были крестныя, со св. иконами, ходы и отслужены на поляхъ водосвятныя молебны, сопровождаемые увѣщаніями и разъясненіями приходскаго священника о грѣховности, противозаканности и бесполезности языческихъ жертвоприношеній, сопряженныхъ съ большими расхода-

ми. Во время увѣщанія замѣчено было особое упорство православныхъ черемисъ села Старого-Торьяла, которые ссылались на какое-то дозволеніе молиться въ лѣсу, на грѣхъ бросить старую вѣру и на недородъ хлѣба, какъ слѣдствіе запрещенія черемисскихъ моленій по языческимъ вѣрованіямъ. Наканунѣ 20 сентября священникъ Іоаннъ Ергинъ отслужилъ въ приходскомъ храмѣ всенощное бдѣніе, а на другой день утромъ литургію. Несмотря на приглашеніе, черемисы села Старого-Торьяла не пришли въ храмъ за св. иконами для вторичнаго служенія въ ихъ хлѣбномъ полѣ молебна. Тогда священникъ Іоаннъ Ергинъ пригласилъ изъ второклассной школы учениковъ, дѣтей инородцевъ, въ числѣ пятидесяти человѣкъ, открылъ съ ними и всѣми членами причта торжественный крестный ходъ чрезъ все село въ поле, куда явилось не болѣе 50 черемисъ и ни одной женщины. Съ поля крестный ходъ, съ участіемъ тѣхъ же дѣтей, направился къ рощѣ на духовную борьбу съ остатками язычества ихъ отцевъ, которые къ тому времени уже начали собираться для кроваваго жертвоприношенія. Но величественная прекрасная картина церковной процессіи, при трезвои въ колокола и громогласномъ пѣніи учащихъ, устыдила черемисъ и разсѣяла многихъ изъ рощи. Здѣсь, при видѣ приготовленныхъ для жертвы дровъ, соборно былъ отслуженъ водосвятный молебенъ съ прочтеніемъ заклинательной на духа тьмы молитвы. Послѣ цѣлованія черемисами креста и окропленія св. водою рощи священникъ Іоаннъ Ергинъ обратился къ черемисамъ со словомъ убѣжденія, послѣ котораго объявлялъ имъ, что, при упованія на помощь Божію, онъ не допуститъ совершить языческое моленіе. Черемисы, увлекаемые вожаками своими и одержимые страхомъ кары „кереметя“, послѣ цѣлованія Св. Креста однако не могли противостоятъ увѣщанію, ушли въ село, а духовенство со святыми иконами осталось въ рощѣ, съ рѣшимостью при вторичномъ вторженіи ихъ въ рошу снова приступить къ совершенію молебна и тѣмъ воспрепятствовать начать языческое моленіе. Узнавъ отъ прибывшаго въ рошу волостнаго старшины Канганурскаго правленія Θεодора Матвѣева, что очень много черемисъ собралось въ концѣ села, священникъ Іоаннъ Ергинъ поѣхалъ въ село, а прочіе члены причта съ учащимися во второклассной школѣ остались въ рощѣ. Собравшихся въ селѣ изъ разныхъ деревень черемисъ о. Іоаннъ Ергинъ вразумлялъ и умолялъ разойтись и не ходить къ рощу. Но большинство черемисъ и по

преимуществу сельскіе на увѣщаніе отвѣтили, что они пойдутъ въ лѣсъ молиться и готовы даже употребить силу. Священникъ Ергинъ съ большимъ мужествомъ подтвердилъ прежде высказанную имъ мысль, что онъ, какъ духовный отецъ, не позволитъ имъ, духовнымъ дѣтямъ, крещенымъ во имя Святой Троицы, молиться по языческому обряду, что ихъ угрозы нисколько не страшатъ его и что онъ не выйдетъ изъ лѣса до тѣхъ поръ, пока они не раздумаютъ молиться по языческому обычаю. Волостной старшина со своей стороны также объявилъ, что онъ затѣмъ и пріѣхалъ въ село, чтобы не допустить моленія, и что лица, кои угрожаютъ силой, онъ будетъ арестовывать; а потомъ, воспользовавшись собраніемъ черемисъ, онъ приступилъ къ сбору податей. Не видя новыхъ попытокъ черемисъ идти въ рошу, крестный ходъ около вечера возвратился во святой храмъ. Ночью цѣнный жеребенокъ, предназначенный черемисами для жертвоприношенія, былъ арестованъ, какъ безъярлычный, и потомъ возвращенъ хозяину. Но на другой день, около шести часовъ вечера, несмотря ни на холодъ, ни на дождь, черемисы снова пошли въ лѣсъ, что замѣтилъ бдительный священникъ Іоаннъ Ергинъ, и, пригласивъ съ собою волостнаго старшину, поѣхалъ по слѣдамъ ихъ. Своимъ пастырскимъ мужествомъ и неустрашимостью, ревностію и силою слова онъ привелъ черемисъ въ смущеніе: они со стыдомъ разсѣялись. Такимъ образомъ предполагаемое моленіе православныхъ черемисъ въ рошѣ по языческимъ вѣрованіямъ не состоялось ни 20, ни 21 сентября.

— Въ одномъ изъ сельскихъ приходоу Пермской епархіи установленъ особый надзоръ за нравственностью народа и, въ особенности, за воспитаніемъ въ духѣ православной вѣры подростающаго поколѣнія. По сообщенію «Перм. Еп. Вѣд.», благодаря этому духовно-нравственному надзору народные нравы тамъ уже улучшаются: сквернословіе, напрямѣръ, народъ сталъ считать порокомъ и стѣсняется публично произносить студныя выраженія, а отъ дѣтей сквернословіе вовсе не слышно, молодежь стала далеко степеннѣе; буйныхъ и неприличныхъ выходокъ уже не проявляетъ; даже на вечеркахъ (деревенскіе клубы) водворенъ порядокъ и онѣ нѣсколько облагорожены. Въ кругъ дѣйствій этого духовно-нравственнаго надзора введено и попеченіе объ обездоленныхъ дѣтяхъ-сиротахъ и дѣтяхъ, находящихся въ услуженіи у разныхъ мастеровъ. Благодаря этому надзору уже улучшилось положеніе нѣкоторыхъ сиротъ при мачихѣ или отчимѣ, отъ которыхъ обыкновенно-

но имъ приходится тяжело страдать. Между тѣмъ какъ въ селахъ начинаютъ заботиться о возстановленіи народной нравственности, въ городахъ и заводахъ продолжаетъ свободно царить полный просторъ разнузданности. Въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ ихъ, по менѣе центральнымъ улицамъ обыкновенно слышно во многихъ мѣстахъ сквернословіе, открытые разговоры безстыднаго содержанія пьяныхъ людей; по ночамъ происходятъ драки и самое отборное сквернословіе не умолкаетъ въ теченіе продолжительнаго времени, часто расхаживаютъ большія партіи людей всѣхъ возрастовъ съ гармониками, свистомъ, гиканьямъ и пѣснями обыкновенно нецензурнаго содержанія. Очень нерѣдко публичная брань на уллицахъ произносится и днемъ въ рабочее время. Не рѣдко приходится встрѣчать и пьяныхъ женщинъ, насказывающихъ всякую мерзость въ уллицахъ. А въ заводахъ вольности допускается еще больше. Въ людныхъ городахъ и заводахъ обыкновенно бываетъ много пришлаго сельскаго люда, и онъ здѣсь легко заражается этими пороками, рабочій же народъ, приходищій изъ деревень на заработки, здѣсь просто купается въ нравственной грязи, какъ въ океанѣ. Вернувшись въ свои деревни нравственными калѣбамъ, съ подавленной совѣстью, эти рабочіе являются руководителями молодежи; и ихъ нраву уже не препятствуй—они сильны авторитетомъ города. Многие находятъ, нравственныя безобразія въ городахъ и заводахъ происходятъ вслѣдствіе слабости полицейскаго надзора. Но что можетъ сдѣлать здѣсь одна полиція, безъ помощи общества? Она безсильна бороться съ народнымъ разнузданнымъ нравомъ, не хватить у нея той силы, каковой она располагаетъ при современной организаціи. Кромѣ того, полиція есть по преимуществу сила физическая. Въ борьбѣ же этой прежде всего необходима сила нравственная, необходимо нравственное воздѣйствіе на народную массу, подъ покровительствомъ полицейской власти, при ея энергичномъ содѣйствіи. Въ каждомъ городѣ и даже заводѣ, несомнѣнно, есть много просвѣщенныхъ лицъ, готовыхъ откликнуться по первому же призыву на благодарное и святое дѣло борьбы съ народными пороками. И они ждутъ этого призыва. Призывъ этотъ долженъ исходить, конечно, отъ духовныхъ вождей, которымъ подобаешь въ своихъ приходахъ начать и вести это великое просвѣтительное дѣло, эту войну съ народнымъ пагубнымъ невѣжествомъ и преступной вольностью. Въ этомъ случаѣ пастыри духовные, зная свое стадо,

избрали-бы въ немъ достаточное число просвѣщенныхъ, ревностныхъ слугъ себѣ. Изъ нихъ, съ надлежачаго разрѣшенія, составили-бы комитеты, открыли-бы бесплатныя народныя бібліотеки съ книжками духовно-нравственнаго содержанія, пригласивъ для этого благодѣтелей; организовали-бы въ центрахъ народной жизни ятенія съ туманными картинами и проч. Каждому члену комитета пастыри дали-бы въ попеченіе извѣстный участокъ (кварталь или менѣе). Члены комитета въ своихъ участкахъ должны будутъ стараться добрымъ словомъ увѣщанія ослабить пороки, стѣснять разнузданность народную, а о неподдающихся ихъ вліянію сообщать или пастырю, или комитету по указанію пастыря. Въ предпраздничные дни онъ будутъ посѣщать рабочія артели и отдѣльныхъ лицъ, склонныхъ къ разгулу и просить ихъ въ праздники вести себя степеннѣе; при надобности, они просятъ полицію объ усиленіи надзора въ извѣстныхъ пунктахъ за порядкомъ; въ особенности будутъ заботиться предохранить дѣтей, насколько возможно, отъ зараженія пороками. Члены комитета также заботятся-бы охранять дѣтей отъ жестокаго обращенія какъ со стороны родителей и воспитателей, такъ и со стороны хозяевъ, въ услуженія у которыхъ дѣти находятся. Кромѣ того, въ ихъ заботу должно входить наблюденіе за лицами съ звѣрскими порывами. Комитеты чрезъ своихъ членовъ, между прочимъ, будутъ стараться объ уменьшеніи числа тунеядцевъ—попрошайекъ, выпрашивающихъ милостыню и, затѣмъ, пропивающихъ ее; и наоборотъ, комитетъ постарается улучшить положеніе дѣйствительно бѣдствующихъ отъ безысходной нужды, доводящей нередко несчастныхъ до различныхъ преступленій и даже до самоубійствъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

СУМЕРКИ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО ВОПРОСАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ.

В. В. Розанова. Изданіе П. Перцева. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р.

ЛУЧШЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ДУХОВНОЙ И СВѢТСКОЙ МУЗЫКИ:

ФИСГАРМОНИИ

Шидмайеръ, Карпентеръ, Бентъ и др. лучшихъ заграничныхъ фабрикъ въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500 р. и др.

!!НОВОСТЬ!! „ЗОЛАНЬ-ОРГАНЫ“.

Усовершенствованныя америк. фисгармоніи, имѣющія приспособленіе для исполненія на нихъ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ псезъ механическимъ способомъ—протыкая и нажиманіемъ педалей.

Цѣны: 225, 300, 400, 500, 600, 700, 900 р. и дороже.

РОЯЛИ и ПИАНИНО Ю. Блютнера, Э. Кавса, Бр. Дидерихса и другихъ лучшихъ фабрикъ.

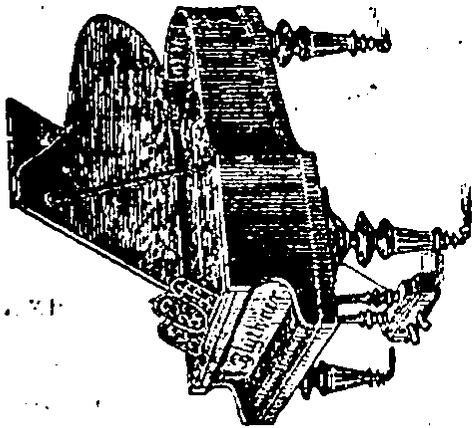
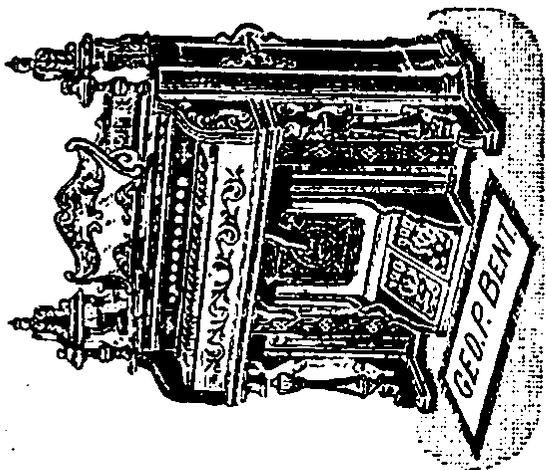
РОЯЛИ отъ 550 рублей. ПИАНИНО отъ 350 рублей и дороже.

Для лицъ духовнаго званія доускается разсрочка платежа при покупкѣ вышеозначенныхъ инструментовъ.

Стеллы, аристокны, феніксы, маюнапы, піано-мелодико, концерто, и пр. механ. инструменты. Большой выборъ для нихъ духовныхъ псезъ. Скрипки, гитары, цитры, мандолины, гармоніи, флейты и всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежкости. Ноты для духовнаго, свѣтскаго цѣнія и всевозможныхъ инструментовъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ И КАТАЛОГИ ПСЕЗЬ БЕЗПЛАТНО.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, домъ Захарьина, С-ПЕТЕРБУРГЪ, В. Морская, № 84-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XV.

Пятнадцатый годъ своего существованія журналъ „Вокругъ Свѣта“, давший своимъ подписчикамъ собраніе сочиненій трехъ знаменитыхъ авторовъ: Майнъ-Рида, Жюль Верна и Купера, намѣренъ отмѣтить выпускомъ въ свѣтъ, во-первыхъ, полнаго иллюстрированнаго изданія „Донъ-Кихота“, съ рисунками Густава Дорэ, въ двухъ томахъ, и, во-вторыхъ, собранія романовъ Густава Эмара. Въ 1899 году въ журналѣ будутъ участвовать слѣдующіе сотрудники: Д. Н. Манвиль, Сибирякъ, Н. Н. Караицъ, В. И. Немировичъ-Данченко, К. М. Станюковичъ, А. Н. Грентъ, П. А. Чоголковъ, Л. Ф. Черскій, В. Н. Свѣтловъ, В. О. Юрданъ, А. П. Смирновъ, П. П. Инфантьевъ, К. В. Носиловъ, С. А. Качіони, А. В. Павловъ, С. Л. Загорскій, А. А. Осиповъ, А. П. Красницкій, П. Н. Казинскій, Л. А. Прибыльскій и мн. др. Множество большихъ романовъ и повѣстей, написанныхъ извѣстнѣйшими русскими и иностранными авторами, наполнятъ страницы журнала въ 1899 году интересными описаніями всевозможныхъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ; цѣлый рядъ путешествій и географическихъ очерковъ, украшенныхъ превосходными иллюстраціями, будетъ знакомить читателей „Вокругъ Свѣта“ съ современнымъ движеніемъ впередъ географической науки; популярно-научный отдѣлъ будетъ наполняться очерками и статьями по всемъ отраслямъ знаній. Ежемѣсячное приложеніе будетъ состоять въ 1899 году изъ двухъ томовъ романа Сервантеса „Донъ-Кихотъ“, съ замѣчательными иллюстраціями знаменитаго Густава Дорэ и изъ десяти томовъ сочиненій Густава Эмара, заключающихъ въ себѣ слѣдующіе его романы, въ полныхъ и точныхъ переводахъ: I. „Арканзасскіе трапперы“, 1 томъ. II. „Пограничные бродяги“, 1 томъ. III. „Вольные стрѣлки“, 1 томъ. IV. „Чистое сердце“, 1 томъ. V. „Гамбузвпосы“, 1 томъ. VI. „Саграменто“, 1 томъ. VII. „Масъ-Горка“, 1 томъ. VIII. „Розастъ“, 1 томъ. IX. „Красивая рѣка“ (часть I—„Фортъ Дюкельъ“). X. „Красивая рѣка“ (часть II—„Атласная змѣя“). Первый томъ „Донъ-Кихота“ будетъ данъ въ январѣ, а второй—въ юлѣ. Въ то же время редакция будетъ продолжать изданіе сочиненій Жюль Верна, имѣя въ виду довести это изданіе до возможно полнаго собранія сочиненій любимаго столь многими авторомъ и желая дать возможность своимъ подписчикамъ приобрести это собраніе за возможно дешевую цѣну. Въ 1899 г. изданы будутъ слѣдующіе шесть романовъ Жюль Верна: 1) „Ченслеръ“, 2) „Пятнадцатилѣтній капитанъ“, 3) „Гекторъ Сервадакъ“, 4) „Три русскихъ и три англичанина“, 5) „Михаилъ Строговъ“, и 6) „Словучій городъ“. Эту дополнительную серію гг. подписчики „Вокругъ Свѣта“ могутъ приобретать за 3 р. съ пересылкой. Кроме того, подписчики при доплатѣ одного рубля получаютъ „двѣ роскошныя преміи“ олеографіи, исполненныя въ 28 красокъ въ художественной мастерской братьевъ Кауфманъ, въ Берлинѣ: 1) *Буря у береговъ Крыма*, съ картины профессора П. К. Айвазовскаго. 2) *Севастополь—открытый рейдъ*, съ картины профессора Лагоріо. Подлинникъ „Бури у береговъ Крыма“ написалъ нашъ маститый высокоталантливый художникъ специально для преміи къ журналу „Вокругъ Свѣта“. Оригиналъ „Севастополя“ приобретенъ издателемъ „Вокругъ Свѣта“ у автора, г. Лагоріо, въ исключительную собственность съ тою же цѣлью. Болѣе изысканную премію трудно придумать. Какъ та, такъ и другая картина отличаются высокими художественными достоинствами. Подписная цѣна на журналъ: На годъ съ приложеніемъ романа Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ въ собраніемъ романовъ Густава Эмара, съ дост. и пересылкою 4 р. То же съ преміями (2-ми картинами) 5 р. На 6 мѣсяцевъ 2 р. 50 к. На 3 мѣсяца 1 р. 40 к. Допускается разсрочка подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., въ 1 апрѣля и 1 юля по 1 р. Подписка принимается въ редакціи журнала—Москва, Ильинскія ворота, д. Титова, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Редакторъ Е. Н. Киселевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на литературный, научный и политическій журналъ

„ЖИЗНЬ“

Выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ (1, 11, 21), 36 книгъ въ годъ.

Рисунки и портреты.

Съ 1899 г. журналъ будетъ выходить при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

12 книжекъ, выходящихъ 1-го числа каждаго мѣсяца, заключаютъ въ себѣ литературный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: беллетристика, литерат. критика и искусство.

12 книжекъ, выходящихъ 11-го числа, заключаютъ въ себѣ научный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ статьи по естествознанію и по общественнымъ наукамъ (соціологія, политическая экономія, право, исторія).

Особое вниманіе будетъ обращено на ознакомленіе читат. съ новѣйш. научными теченіями.

12 книжекъ, выходящихъ 21-го числа, содержатъ въ себѣ политическій отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: руководящія статьи по текущимъ вопросамъ русской и заграничной жизни, корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы.

Особое вниманіе будетъ обращено на разработку вопросовъ, касающихся крестьянскаго, городского и земскаго самоуправленія.

Постоянныя корреспонденціи изъ Германіи, Франціи, Англии, С. Ам. Соед. Штатовъ, Австріи, Бельгіи и др.

Библиографія распределяется по соответствующимъ отдѣламъ.

Къ каждой изъ 36 книжекъ прилагается обзоръ русской и иностранной жизни за 10 дней. Этими будетъ достигнуто соединеніе удобства ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго изданія.

Кромѣ того ежемѣсячно будутъ помѣщаться новости литературы, искусства и науки, а также мелочи русской и заграничной жизни.

Многія статьи (по искусству, исторіи и т. д.) будутъ иллюстрированы снимками съ картинъ и портретовъ. Помѣщеніемъ рисунковъ и портретовъ редакція однако отнюдь не думаетъ придать журналу характеръ иллюстрированнаго изданія.

Стремясь избѣгать помѣщенія большихъ литературныхъ произведеній небольшими отрывками редакція рѣшила напечатать переводъ новаго большого романа Гемфри Уорда (автора Марчелли, Сэра Дж. Тресседи, Давида Грива и др.) Хельбекъ изъ Баннисдэля отдѣльной книгой и разослать его въ первой четверти 1899 года всѣмъ подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату въ видѣ безплатнаго приложенія. Контора редакціи готова исполнять порученія иногороднихъ подписчиковъ по покупкѣ и высылкѣ имъ книгъ.

Первыя три (январскія) книжки печатаются и выйдутъ въ декабрѣ. Желающимъ ознакомиться съ журналомъ, онѣ высылаются за одинъ рубль. Выписавшіе ихъ, продолжаютъ подписку за 6 рублей.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—7 руб., на 1/2 года—4 руб. Допускается разорочка отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Главная контора СПБ. Бассейная № 14.

Отдѣленія конторы въ Москвѣ: кн. маг. „Книжное Дѣло“ (Моховая, домъ Бенкендорфа); кн. скл. А. М. Муриновой (Трехпрудный пер., собств. домъ).

Редакторъ-Издатель Д. М. Остафьевъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнадкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея овлащennaго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ равностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичествому“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной уютвенной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Докланта А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свѣщ. Преданіи“. М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intecommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—въ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ланицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.